

Франческо Альберони

**ДРУЖБА
И ЛЮБОВЬ**

Francesco Alberoni

L'AMICIZIA
•
INNAMORAMENTO
E AMORE

GARZANTI

Франческо Альберони

ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ

Перевод с итальянского

Т. З. Клебановой

Общая редакция

доктора педагогических наук

А. В. Мудрика

Москва·ПРОГРЕСС·1991

ББК 87.7
А 56

Редактор *Н. Е. Файн*

Альберони Ф.

А 56 Дружба и любовь: Пер. с итал. Общ. ред. А. В. Мудрика — М.: Прогресс, 1991.— 320 с.

Книга Ф. Альберони посвящена морально-этическим проблемам дружеских отношений и любви. Автор останавливается на вопросах возникновения дружбы, влюбленности, любви. Особое внимание уделено таким аспектам, как отличие подлинной дружбы от любви, деловых отношений, протекционизма и т. п. Книга написана ярким, образным языком.

Книга предназначена широкому кругу читателей, в первую очередь молодежи, педагогам, родителям.

А $\frac{0301070000—170}{006(01)-91}$ —18-91

ББК 87.7

Редакция литературы по гуманитарным наукам

© Garzanti Editore s. p. a. 1979, 1984

© Перевод на русский язык — издательство «Прогресс», 1991

ISBN 5-01-001600-1

ДРУЖБА

Глава I

1. Жива ли дружба¹ в современном мире? На первый взгляд может показаться, что нет. Деловая жизнь полностью подчинена законам рынка и экономической выгоде. В политике главное — борьба за власть. И там и здесь для искренних личностных отношений почти не остается места. Кроме того, современная жизнь вносит в наше существование постоянные изменения. А когда мы меняем местожительство или работу, нам приходится оставлять старых друзей. Мы даем обещания приходить друг к другу в гости, но потом у нас появляются новые интересы, новые дела и новые встречи... И ни у кого нет возможности остановиться и оглянуться назад. В Италии слово «дружба» приобрело даже негативный оттенок: оно стало означать что-то вроде привилегии для протекции. Чтобы устроиться на работу или на лечение в больницу, снять квартиру, нужны рекомендации, нужна чья-то дружба. Если пойти законным путем с соблюдением всех формальностей, ничего не добьешься. Дружба — это средство обойти других, выйти за пределы установленной нормы. Таким образом, слово «дружба» в конечном итоге вобрало в себя ряд частных значений, подразумевающих большие и малые привилегии, существующие в системе человеческих отношений.

Надо сказать, однако, что в современном мире явно наметился переход от критериев субъективных, исходящих из различного рода привилегий и эмоций, к критериям объективным, выработанным в процессе накопления общечеловеческого опыта². Поэтому дружба воспринимается порой как анахронизм и даже как источник несправедливостей. В справедливом обще-

¹ Я должен поблагодарить Розанну Тризорио за помощь, которую она оказала мне при создании этой книги и особенно при составлении библиографии.

² См. широко известную теорию Толкотта Парсонса в книге *Il sistema sociale*. Milano, 1965.

стве положение человека должно определяться не связями, а заслугами, беспристрастно оцениваемыми. Социальные службы должны распространять свои благодеяния не на отдельных лиц, а на всех без исключения. Административная система, построенная на протекциях, мафиозна, несправедлива. Именно она-то и вызвала отрицательное отношение к современной дружбе как к пережитку прошлого, как к чему-то вроде феодального права. Одни утверждают, что дружба со временем потеряет смысл и неминуемо должна исчезнуть, уступив место внеличным, объективным отношениям. Другие же полагают, что дружба останется, но будет четко ограничена рамками чисто личностных отношений и ей не будет места ни в государственных учреждениях, ни в деловом мире, ни в политике.

Основная идея этой книги заключается в том, что, несмотря на столь катастрофическую на первый взгляд картину дружеских отношений, в действительности дело обстоит вовсе не так. Дружба продолжает оставаться основным элементом нашей жизни. И может быть, в не меньшей степени, чем в древние времена¹. Основные характеристики дружбы — то, что отличает ее от других видов межличностных отношений, — тоже не изменились. За пять столетий до Рождества Христова, при абсолютно иной культурной традиции в Китае, Конфуций называл пять основных типов межличностных отношений. Среди них четыре типа иерархических отношений, в каждом из которых есть сторона главенствующая и сторона подчиняющаяся: между императором и его подданными, между отцом и сыном, между женщиной и мужчиной, между старшим братом и младшими братьями. И пятый тип отношений, неиерархический: отношения между равными — это и есть дружба. Разумеется, в разные эпохи и в разных обществах формы дружбы были различными. В воюющем обществе она в основном выступает в виде братства по оружию. Таков образ

¹ О возрождении интереса к этой теме (в частности, в Италии) свидетельствует тот факт, что V Международный конгресс антропологических исследований на Сицилии (Палермо, 24—26 ноября 1983г.) был посвящен проблеме «Дружба и знакомства».

дружбы, дошедший до нас из античных поэм: Патрокл и Ахилл, Эвриал и Нис, Эней и Поллант. Чем ближе к Новой истории, чем чаще мы встречаем дружбу, важными элементами которой становятся культура и политика. Данте, Гвидо Кавальканти и Лапо Джанни — три флорентийских поэта XIII века. Мишель де Монтень и Этьенн де Ла Боэси — французские писатели XVI века. Еще позднее мы встречаем примеры дружбы между Марксом и Энгельсом и между Максом Хоркхаймером и Теодором Адорно. Первая оказала влияние на всю современную политику, вторая — на социологическую мысль.

Не следует, однако, слишком увлекаться различиями. Они, конечно, имеют место, но есть еще и нечто общее, что позволяет нам во всех этих случаях говорить именно о дружбе. Чтобы выделить характерные черты изучаемого нами явления, мы должны сосредоточить наше внимание не столько на различиях, сколько на общих его элементах.

Прежде всего слово «дружба» имеет не одно, а несколько различных значений. И не только в наше время. Две тысячи лет тому назад это обнаружил Аристотель, который как раз и пытался дать определение различным типам дружбы, чтобы выделить среди них «истинную» дружбу. Он различает главным образом дружбу, основанную на интересе, и дружбу благородную, которая одна только и заслуживает права считаться настоящей. Поэтому даже в Древней Греции отношения, связывающие двух деловых людей, воспринимались не как дружба, а как заинтересованность в успехе общего дела. Тогда дружба между политическими деятелями тоже часто рассматривалась как способ достижения успеха в политике.

Итак, если мы коротко перечислим наиболее употребительные значения этого слова, то увидим, что в большинстве случаев слово «дружба» имеет мало общего с нашими представлениями о настоящем друге.

Значение первое: знакомые. Большинство людей, которых мы считаем своими друзьями, на самом деле всего лишь наши знакомые, то есть те, кого мы выде-

ляем из окружающей нас безликой массы. Нам известны их заботы, их проблемы, мы считаем их близкими нам людьми, обращаемся к ним за помощью и сами охотно им помогаем. У нас с ними прекрасные отношения. Но нет полного откровения, мы не доверяем им свои самые сокровенные желания. Встреча с ними не делает нас счастливыми, не вызывает у нас невольной радостной улыбки. Если к ним приходит успех, если они получают какую-нибудь награду или на них «сваливается» неожиданное везение, мы не радуемся за них, как за самих себя; ко многим связям подобного типа примешиваются сплетни, зависть, вражда. Часто за внешне сердечными отношениями прячутся глубинные конфликты. Конечно, это не посторонние нам люди, между нами существует определенная близость. Но зачем же называть дружбой столь различные на самом деле типы отношений? Речь идет о неверном употреблении слова. Так было в прошлом, так продолжается и сейчас.

Значение второе: коллективная солидарность. Нужно отличать, как это делали древние, дружбу от солидарности¹. В последнем случае друзья — это те, кто сражается на нашей стороне, скажем, во время войны. С одной стороны, друзья, с другой — враги. В такой солидарности нет ничего личностного. Человек, одетый в тот же мундир, что и у меня, — друг, но я ничего о нем не знаю. К этой же категории относятся формы солидарности, существующие в сектах, в партиях, в церкви. Христиане зовут друг друга братьями или друзьями, социалисты — товарищами, фашисты — камрадами. Но во всех этих случаях мы имеем дело с коллективными, а не чисто личностными отношениями.

Значение третье: функциональные отношения. Они относятся к типу личностных связей, основанных на социальной функции. Здесь мы встречаемся с «утилитарной» дружбой; такова дружба между компаньонами или между политическими деятелями. В этом виде

¹ На эту тему есть прекрасно написанная работа: L. Lombardi Vallauri. *Amiziria, carita, diritto*. Milano, 1974, p.15 e segg.

отношений присутствует минимум любви, они длятся до тех пор, пока существует интерес, который требует общей заботы. Сюда же входят многочисленные профессиональные взаимоотношения, отношения между коллегами по работе и между соседями по дому.

Значение четвертое: симпатия и дружелюбие. Мы подходим, наконец, к той категории людей, с которыми нам хорошо, которые нам приятны, которыми мы восхищаемся. Но и в этом случае слово «дружба» следует употреблять очень осторожно. Такие эмоциональные связи часто поверхностны и непродолжительны.

2. Что же в таком случае понимаем мы под словом «дружба»? Интуитивно оно вызывает у нас представление о чувстве глубоком, честном, предполагающем доверие и откровенность. Эмпирические исследования тоже показывают, что подавляющее большинство людей именно так представляет себе дружбу¹. В своей последней книге Райзман, изучив огромный материал, написанный на эту тему, дал следующее определение дружбы: «Друг — это тот, кому доставляет радость делать добро другому, и кто полагает, что этот другой испытывает к нему те же чувства»². Это определение Райзмана ставит дружбу в число альтруистических, искренних чувств. Ее невозможно спутать со стремлением к выгоде, к власти, ей не свойственна расчетливость. Тем не менее определение Райзмана слишком расплывчато. Мать тоже хочет добра своему ребенку и считает, что ее любовь вызывает у него ответные чувства. То же самое можно сказать и об отношениях между влюбленными, между любящими супругами или между братьями и сестрами, если они относятся друг к другу с любовью. Определение Райзмана касается любви в целом. Любовь, писал Фома Аквинский, означает желание сделать счастливым другого.

Представленный здесь обзор очень важен. В разго-

¹ См.: P. Babin. *Friendship*. New York, 1967; M. Brenton. *Friendship*. New York, 1974; G. A. Allan. *A Sociology of Friendship and Kinship*. London, 1979.

² J. M. Reisman. *Anatomy of Friendship*. New York, 1979.

ворном языке слово «друг» имеет множество значений. Оно означает знакомого, человека, к которому мы относимся с симпатией, соседа, коллегу, словом, всех, кто нам близок. Однако теперь, как и в самом далеком прошлом, существует еще одно значение: интимный друг, которого мы любим и который любит нас. Этот последний тип дружбы относится к более узкому разряду межличностных отношений — к отношениям, построенным на любви. Когда мы думаем о наших близких друзьях, о настоящей дружбе, мы имеем в виду определенную форму любви, существующей между людьми.

Дружбу нетрудно отличить от более поверхностных социальных отношений или от деловых связей, возникающих на профессиональной основе. Однако настоящая проблема, до сих пор еще не изученная, заключается в том, *как отличить дружбу от других форм любви, существующих между людьми*. Например, чем отличается дружба от влюбленности? Многие авторы считают, что разница между ними очень небольшая и уловить ее весьма трудно. Отличить дружбу от материнской и от отцовской любви или от любви братьев и сестер друг к другу проще. Однако и в этих случаях между дружбой и такого рода любовью есть нечто общее. Мы говорим о друге: «Он мне как брат родной». Нередко в дружбе проявляются отеческие или сыновние модели поведения. Например, Фридрих Ницше искал в Вагнере отцовские начала. Дружба ли это? Или дружба всегда должна быть взаимной? Существует множество амбивалентных типов любви, в которых один старается подчинить себе другого, привязать его к себе. Повседневная жизнь вся заполнена такими не совсем благородными чувствами. А как быть с дружеской любовью? Можем ли мы стремиться командовать нашим другом? Или, наоборот, дружеская любовь — особая, она не должна ничем искажаться и всегда остается чистой, иначе дружба попросту исчезает? Вот на такие вопросы мы и должны ответить, чтобы дать определение тому типу любви, который отличает дружбу. Это и есть тема нашей книги. Нам предстоит осуществить

очень деликатное исследование, чтобы выделить то, что свойственно именно дружбе, и только ей.

3. Я считаю необходимым сразу же приступить к такому исследованию и без промедления перейти к существу вопроса. Поэтому я предпочитаю начать с той формы любви, с которой чаще всего путают дружбу¹, — с влюбленности. Чтобы сразу внести полную ясность, скажем, что это два совершенно разных, даже противоположных явления. Влюбленность есть факт — нечто случившееся, имеющее определенное начало. В основе влюбленности лежит возникновение чувства², подобное вспышке молнии, открытию. А дружба становится дружбой не с момента возникновения первого и единственного в своем роде открытия, а после целой серии встреч и более углубленного знакомства. Второе отличие влюбленности от дружбы заключается в том, что не существует влюбленности истинной и влюбленности недостаточно истинной. У влюбленности нет степеней: нельзя влюбиться очень сильно, сильно, довольно сильно или немного. Когда я говорю: «Я влюбился», этим сказано все. Влюбленность подчиняется закону «Все или ничего». В то время как у дружбы есть множество градаций и множество форм. Она начинается с малого и движется к совершенству. Дружба может быть маленькой — одно лишь слабое движение души, и может быть большой, очень большой. Влюбленность совершенна с первой минуты. Дружба постоянно стремится к совершенству. Когда мы говорим о дружбе, мы всегда имеем в виду некий идеал, некую утопию.

Далее. Влюбленность — это страсть. По-немецки страсть — *Leidenschaft*. *Leiden* — страдание. И действительно, в страсти всегда присутствует страдание. Влюб-

¹ Как это делает, например, уже упомянутый Райзман или еще более грубо — А. Дуглас в книге: A. Douglas. Friends: a true story of smale love. New York, 1973. То же самое можно сказать и по поводу прекрасной книги Р. Брейна: R. Brain. Friends and Lovers. New York, 1976.

² См.: F. Alberoni. In namoramento e amore. Milano, 1979.

ленность — это экстаз, но вместе с тем и мука. Дружба же страшится страданий. Избегает их, как только может. Друзья всегда стремятся сделать так, чтобы им было хорошо друг с другом. Если это не удастся, они пытаются расстаться или установить определенную дистанцию. Еще одно важное отличие состоит в том, что человек может влюбиться, не пользуясь взаимностью. И не переставать из-за этого быть влюбленным. Влюбленность появляется без взаимности и стремится ее получить. Дружба, как мне кажется, всегда требует определенной взаимности. Я не могу оставаться другом того, кто не считает себя моим другом. Влюбленным невыносимо трудно расстаться с теми, кого они любят. Чтобы освободиться от влюбленности, я должен совершить насилие над собой, возненавидеть другого. Но ненависть к любимому — тоже страдание, и самое жестокое из страданий. В дружбе нет места страданию. Если я ненавижу своего друга, значит, я больше ему не друг: дружба кончилась.

Влюбленность искажает образ любимого. Он одновременно и такой, каков он есть на самом деле, и другой. Любимый человек раздваивается: он вполне реальное существо, которое мы видим перед собой, и вместе с тем божественное создание, заключающее в себе все достоинства на свете, все, что мы стремимся в нем найти. Любовь — это открытие чего-то такого, что оказывается сильнее нас. Мольба, обращенная к любимому, — это крик отчаяния. А друга мы видим таким, какой он есть.

От друга я жду, что его представление обо мне совпадет с моим собственным или не сильно от него отличается. Если он оценивает меня положительно, он не должен преувеличивать мои достоинства. Если его мнение обо мне окажется слишком восторженным, я могу заподозрить его в лести. Если же оно сугубо отрицательно и сильно отличается от того, что я сам о себе думаю, значит, он ко мне несправедлив, а это противоречило бы сущности дружбы. Следовательно, друзья должны иметь друг о друге сходные мнения. Не одинаковые, разумеется, иначе им нечего будет открывать

друг в друге, но и не слишком разные. От друга я жду понимания. Все остальные могут меня не понимать. Но если меня не понял друг — это уже катастрофа.

Мы можем быть влюблены в человека, о котором мы не знаем, любит он нас или обманывает, хороший он или плохой, благородный или низкий. Отличительная черта любви заключается именно в том, что она все время занята решением этих вопросов. Даже по прошествии многих лет любовь волнуют все те же проблемы и она продолжает гадать на ромашке. С момента своего возникновения любовь постоянно мучается одним и тем же вопросом, ответ на который она может получить только рядом с любимым человеком, говорящим «да». Но едва любимый уходит и отвечать становится некому, вопрос этот с упрямой настойчивостью, повергающей нас в тоску, встает снова и снова. Как будто нельзя, здраво поразмыслив, сказать самому себе: «Ну и что, не все ли тебе равно?» Такова теневая сторона любви, которая ищет нечто неуловимое, ибо ее предмет всегда в стадии сближения с ней, в стадии становления. В этом ущербность любви, которая умеет только требовать и не перестает требовать, даже если другой равнодушен или настроен враждебно. В этом несправедливость любви, которая не признает заслуг и не прощает недостатков, не вознаграждает добродетельных и не наказывает порочных. Любовь может быть возвышенной и убогой, героической и глупой, но она никогда не бывает справедливой. Царство справедливости не любовь, а дружба.

Глава II

1. Как возникает дружба? Существуют стереотипы представлений о ее возникновении, распространенные даже среди многих исследователей данного предмета. Принято считать, что дружба начинается с поверхностного знакомства. Затем двое знакомых начинают ходить друг к другу в гости, и между ними устанавливаются дружеские отношения. Они лучше понимают друг друга, оказывают друг другу услуги, помогают в трудные моменты и так постепенно становятся друзьями¹. Представление от начала до конца неверное. Дружба не рождается из любого знакомства путем маленьких шажков навстречу друг другу. Мы не станем друзьями тех, с кем чаще всего встречаемся и с кем чаще всего обмениваемся услугами.

У нас могут быть в течение всей жизни прекрасные отношения с соседями или с коллегами по работе, но никто из них не станет нашим другом. И в то же время мы можем считать другом или подругой человека, с которым мы виделись всего один-два раза и который живет далеко от нас. Выясняется, однако, что только с ним нам хорошо и хочется проявить то лучшее, что в нас есть.

Дружба возникает как разрыв в обычном течении событий, как скачок. В какой-то момент мы вдруг начинаем испытывать сильный прилив симпатии, интереса к другому человеку, он становится нам близок. Если мы давно с ним знакомы, появляется чувство, будто мы увидели его первый раз в жизни. Назовем это явление *встречей*. Такая встреча всегда неожиданность, всегда открытие. По отношению к большинству наших знакомых мы так никогда и не сделаем этот первый шаг на пути к дружбе. Проживем рядом с ними всю жизнь, но такого рода контакт так и не возникнет, так и не

¹ См.: Т. М. Newcomb. The Acquaintance Process. New York, 1961.

пробежит между нами та искра, которая зажигает желание встретиться снова, чтобы побыть рядом друг с другом, продолжить начатую беседу. Дружба состоит из цепи такого рода *встреч*, каждая из которых — продолжение предыдущей. Когда после большого перерыва мы вновь встречаем друга, нам кажется, что мы расстались с ним минутой назад. Мы продолжаем прерванный разговор. Удивительно, однако, что наша беседа никогда не замыкается на старых темах. Каждая встреча отличается от предыдущей, открывает перед нами новые пути, новые перспективы. И если дружба настоящая, это повторяется бесконечно.

Дружба — это сложное переплетение встреч. Никто не знает заранее, произойдет такая встреча или нет. Она всегда непредсказуема, всегда неожиданна, так же как и счастье, которое никогда не бывает там, где мы поджидаем его, сидя, как охотники, в засаде. Если мы в тоске и тревоге бросаемся на поиски счастья, жаждем его, то, скорее всего, наталкиваемся на разочарование. Или на скуку. Счастье является нам вдруг, когда мы вовсе не ждем его, оно как будто крадется за нами и выжидает, пока мы забудем о нем, чтобы именно в этот момент обнаружить себя. Сама по себе встреча уже и есть момент счастья, момент наивысшей полноты жизни. Именно в этот момент мы постигаем нечто в нас самих и в мире. Мы чувствуем, как во время встречи другой человек помогает нам в выборе пути. Такое ощущение возникает, даже если у нас с ним разные убеждения и разный образ мыслей. Более того, этот другой обязательно должен быть хоть немного иным. Для *встречи* это различие очень важно. Оно помогает нам расширить горизонты нашего видения. Сами мы никогда не взглянули бы на вещи с таких позиций. И этот новый взгляд убеждает нас в правильности наших мыслей. Таким образом, каждый помогает другому открыть для себя нечто очень существенное и приблизиться к нему.

Ощущение близости с другим человеком, которое мы испытываем во время встречи, возникает вовсе не потому, что другой бывает озабочен тем же, чем и мы,

что у него те же цели и те же желания. Встреча нужна нам не для того, чтобы увидеть нашу одинаковость или похожесть, а для того, чтобы убедиться, что друг дополняет нас, а мы дополняем его. Это не следует, однако, понимать в том смысле, что друг знает что-то такое, чего не знаем мы, и наоборот. Во время встречи двум разным людям удастся взглянуть на одни и те же вещи с одинаковых позиций. Встреча дает друзьям возможность пройти вместе отрезок пути, ведущего к познанию самих себя, к открытию того, что для каждого из них является самым главным. Мы обнаруживаем во время встречи, что вместе выступаем против одной и той же темной силы или врага. Ситуация та же, что и у товарищей по охоте или собратьев по оружию во время войны. Друг стремится быть рядом с нами не из корысти или расчета, а потому что такова его природа, таков его жизненный путь. Встреча — это пересечение двух жизненных траекторий, двух судеб.

2. *Встреча — конечное событие, сгусток времени.* Для дружбы важны только эти минуты наивысшей интенсивности жизни. Все, что происходит в промежутке, не имеет значения. Мы можем даже не вспоминать о друге от встречи до встречи. И в этом состоит одно из главных отличий дружбы от влюбленности. Влюбленность тоже может начаться со встречи. Но природа ее проявляется между встречами, когда влюбленные испытывают острое желание снова увидеть человека, которого начинают любить. Это происходит даже тогда, когда мы говорим себе: «Вот теперь я уже больше не думаю об этом». На самом деле любимый человек всегда незримо присутствует рядом с нами. Наши мысли, о чем бы мы ни думали, постоянно возвращаются к нему. Мы все время испытываем желание общаться с любимым человеком, находиться как можно ближе к нему. Наконец, слиться с ним в объятии, чтобы ничто уже не разделяло нас, даже одежда. Эротическая любовь, прежде чем превратиться в сексуальное влечение, проявляется как желание духовного и физического слияния.

У дружеской встречи нет такой острой потребности. Мы прекрасно понимаем, как важна эта встреча. Но у нас не бывает желания продолжать ее бесконечно. Мы знаем, что по природе своей она не может длиться вечно. Это не значит, что мы не хотим больше встречаться с другом. Привлекательность встречи в том, что она устремлена в будущее, к новой встрече с объектом нашей дружбы; встреча — всегда обязательство, всегда обещание, всегда «до свидания». Все сколько-нибудь значительные отношения между людьми не воспринимаются как конечные. Дружба тоже бывает «навсегда». И если друзья в момент встречи не чувствуют желания продлить свои отношения, значит, дружбе пришел конец. То же самое можно сказать и о чувстве благодарности. Проходит время, и мы забываем о благодарности или, вернее, мы помним, что должны быть признательны, но от первого порыва чувств, желания обнять, расцеловать нашего благодетеля, того, кто помог нам в трудную минуту, не остается почти ничего. А ведь когда-то мы клялись себе в вечной благодарности. Многие поэтому, убедившись в недолговечности этого чувства, бывают разочарованы и ропщут на непрочность человеческих привязанностей. Но, во-первых, не так уж они непрочны, а во-вторых, следует учитывать, что чувство благодарности проецируется в будущее, а это неотъемлемое качество любого сильного чувства. Благодарность мыслится как бесконечная. Хотя со временем она и остывает. Однако ценим мы в ней именно эту устремленность в вечность. Не бывает признательности, любви или дружбы, ограниченной сроками. Всякое явление достойно внимания только в том случае, если в нем заложена тенденция к продолжению, намерение победить время. Встреча тоже несет в себе потенциальную готовность к возобновлению.

3. Время от времени мы испытываем симпатию к тому или иному человеку. Мы думаем, что нам было бы хорошо с ним, что мы могли бы сказать друг другу много важного. Но когда мы снова встречаемся, эта потенциальная возможность не реализуется. И хотя мы

расположены друг к другу, откровенности не получается, общение оказывается поверхностным. Любые попытки что-нибудь исправить только ухудшают ситуацию. Все, что нам чудилось, исчезло без следа. В подобных случаях дружба ничего не выигрывает, но и не проигрывает. Встреча переносится на будущее, и мы не теряем надежды. Дружба терпелива.

Правда, может случиться и так, что, встретив еще раз этого человека, мы уже твердо знаем, что нам нечего сказать друг другу. Чаще всего это происходит с попутчиками, после беглого знакомства в поезде. Или с теми, кто познакомился во время отпуска, почувствовав вдруг взаимную симпатию. Произошла самая настоящая встреча. Но обстоятельства меняются, люди погружаются в другие заботы, их жизненные пути расходятся, лишая возможности находиться рядом друг с другом.

Такое же ощущение пустоты и разочарования может возникнуть и при общении со знакомыми, с которыми у нас сложились дружеские отношения и которых мы привыкли называть друзьями. Однако нам, как правило, не хочется проводить с ними наедине целые дни. А если это случается, мы стараемся не касаться некоторых тем, не говорим то, что думаем, не стремимся сделать более откровенной нашу беседу. Обычно мы говорим на какие-нибудь нейтральные или житейские темы, не содержащие для обеих сторон никаких серьезных проблем. Иногда, правда, у нас возникает явная потребность в разговоре по душам. Мы чувствуем необходимость хотя бы на время сбросить с себя гнет условностей и правил, которым следуем ежедневно. Появляется желание стать самими собой до конца. Мы ведь не знаем, какие мы на самом деле. В нас уживается множество разных личностей, желаний, надежд; они выражают себя через наши уста, действуют на одной и той же сцене, которую мы называем нашим «я». И если у нас возникает такое желание, мы открываем душу одному из наших знакомых — тому, кого считаем самым близким, с кем когда-то произошла у нас встреча. Но он не понимает нас. Ему

чужды наши проблемы. И тогда мы испытываем сильнейшее разочарование, чувствуем себя одинокими.

4. Почему так важна встреча? Потому что в момент встречи мы ощущаем подлинность бытия, его смысл. В многоликости и хаосе жизни начинает просматриваться некий порядок. Встречи — это маленькие шаги на пути к дифференциации. Мы внутренне дифференцируемся, подобно тому как общество объективно дифференцируется в процессе научного, технического и экономического развития. Ощущение подлинности бытия — это момент синтеза, который все упорядочивает, все выстраивает по иерархическому принципу. Это проникновение во всеобщий опыт, в полную и окончательную завершенность. Даже если это ощущение только вспыхнет в нас на одно мгновение, оно успеет охватить весь хаос нашей жизни и привести его в систему, наполнить смыслом. Подлинно то, что не нуждается в обосновании, то, что хорошо само по себе и в том виде, в каком оно существует. Поэтому ощущение подлинности нельзя считать чувством преходящим, обманчивым. Оно равноценно обретению смысла жизни, исчезновению энтропии. В такие моменты обретает смысл даже несбывшееся, т.е. те желания, которые так и остались желаниями.

В каждом из нас бушует вихрь желаний, в центре которого горит пламя. В момент встречи мы так или иначе прикасаемся к этому горящему в нас пламени. Мы отвечаем на самые главные вопросы. На вопросы вечные: откуда мы, где мы и куда мы идем? Друг — это человек, который время от времени помогает нам разглядеть цель и проходит вместе с нами часть пути. Поэтому от встречи с другом всегда ждешь открытия. Друг открывает передо мной дверь, в которую я желал бы войти. Иногда он выступает в роли мудреца, сообщающего мне всепроясняющую, умиротворяющую истину. Жан Жак Руссо разочаровался в Дидро именно потому, что тот не смог удовлетворить его высоких требований. Он ждал от Дидро одновременно и отеческой заботы, и необычайного откровения.

У дружбы нет ничего общего с отношениями типа «учитель — ученик». Друг вовсе не гуру, владеющий истиной. Откровение друга — не наставление. Друзья, стоящие на разных позициях, вместе приходят к одним и тем же выводам. Дружба — это слияние в истине.

5. Дать оценку человеку означает отдать предпочтение той стороне его натуры, которую он сам признает, о которой сам же говорит: «Да, действительно это я и есть, и таким я хочу быть». Генри Миллер в книге «Тропик Козерога» говорит о своем друге: «Гамильтон открыл мне глаза на новые ценности, и хотя впоследствии я утратил то видение мира, которым он меня одарил, я уже никогда не воспринимал жизнь и моих друзей так, как я воспринимал их до его появления. Гамильтон полностью изменил мое существо, как может сделать это только редкая книга, или какое-нибудь сильное переживание, или неординарная личность. Первый раз в жизни я понял, что значит истинная дружба, которая к тому же несколько не поработила меня, не ограничила моей свободы. После того как мы расстались, я никогда не испытывал потребности в его реальном присутствии: он отдал себя целиком, и я полностью завладел им, не потеряв при этом своей свободы. Это был мой первый яркий и полный опыт дружбы, который ни разу потом не повторился в отношениях с другими моими друзьями. Гамильтон был не просто другом, он был сама дружба»¹. Встреча дает ответ на самый важный вопрос: вопрос о цели нашего существования. Беседуя с другом, я начинаю осознавать, кем я являюсь на самом деле, ибо я действительно являюсь самим собой только в соотношении с тем, что я сам о себе думаю.

Во время встречи я познаю самого себя, познавая друга. Всякое познание другого человека часто бывает отравлено либо завистью, либо неприятием. Когда он говорит с нами, мы или идентифицируем себя с ним и хотим стать такими же, как он, или убеждаемся в на-

¹ H. Miller. *Tropico del Capricorno*. Milano, 1981, p. 150—151.

шей непохожести на него и остаемся равнодушными. Но в отношениях с друзьями не бывает ни равнодушия, ни зависти. Друг рассказывает нам о себе, и мы сопереживаем ему, оставаясь самими собой. Такое общение позволяет нам выяснить, что у нас общего и что нас отличает. Мы открываем нашу непохожесть, нашу абсолютную неповторимость в тот момент, когда познаем особенности личности нашего друга. Исследователи дружбы уделяли слишком большое внимание совпадению опыта. Опыт друга интересен именно тем, что он иной¹. Мы познаем себя именно в сопоставлении с этим опытом. Познавать означает сравнивать, сопоставлять, различать. Не сбросив с себя защитной маскировки, мы не в состоянии всего этого сделать, тем более в присутствии постороннего человека.

Только в обществе друга способны мы понять и оценить свою и его неповторимость. Кроме того, опыт друга может убедить нас в правильности другого образа жизни, если он не противоречит нашим убеждениям, вызвать у нас желание измениться. Но не для того, чтобы стать такими же, как он, отказавшись от самих себя. А именно для того, чтобы стать самими собой. Друг, столь непохожий на нас, может открыть нам один из возможных вариантов нашего «я», в котором мы узнаем себя.

Единственный опыт, который мы можем использовать,— это опыт друга. Опыт других людей, как правило, оказывается для нас абсолютно бесполезным. Мы не можем применить его в своей жизни, он чужд нам. Даже детям крайне сложно бывает воспользоваться опытом родителей. Каждый, кто пережил определенные ситуации, хотел бы передать другим то, чему научила его жизнь, и в особенности людям, которых он любит. Но обычно из этого ничего не выходит. Мы счи-

¹ И в истории, и в литературе мы находим множество примеров самой тесной дружбы между людьми непохожими, занимающими разные жизненные позиции. Таковы, в частности, примеры дружбы, взятые из современной американской истории и описанные Д. Майклизом в книге *D. Michaelis. The best of Friends, Profiles of extraordinary Friendships*. New York, 1983.

таем свою жизнь уникальной, ни с чем не сравнимой, нам кажется, что происходящее с нами имеет отношение только к нашей жизни, неповторимо и не может быть сведено к уже известным категориям и ситуациям. Мы считаем себя свободными и способными повлиять на самые неблагоприятные обстоятельства, добиться успеха там, где другие потерпели фиаско. Поэтому мы не ценим опыт других.

На самом же деле нам не удастся использовать даже наш собственный опыт. Мы повторяем одни и те же ошибки, попадаем в одни и те же ситуации, ввязываемся в одни и те же игры, действуя как бы по заданному образцу. Даже размышляя о своем прошлом, мы бываем необъективны, искажаем свои воспоминания, фальсифицируем их, приукрашиваем былое или, наоборот, сгущаем краски. Наши воспоминания состоят из фантазий, мнимых побед и напоминают театральную постановку. Но беседуя с другом, мы ведем себя иначе. Тут мы не занимаемся саморекламой, не стараемся быть *public relation** для самих себя. Мы откровенны¹.

Друг в свою очередь никогда не лжет нам и говорит с нами только на языке правды. Мы слушаем его внимательно и беспристрастно, стараясь понять и трезво оценить то, о чем он говорит. Никаких призраков и никакой театральности. Его опыт несет в себе пафос чувств и трезвость разума. Поэтому он обогащает нас, возвышая эмоционально и интеллектуально.

6. Дружба — переплетение встреч, и каждая встреча — испытание, она может принести и разочарование,

---

* *Public relation* (англ.) — отдел «по связям с общественностью», существующий почти в каждом учреждении на Западе и занимающийся изучением всего того, что связано с человеческими контактами на предприятии.— *Прим. перев.*

¹ Существует обширная литература, показывающая, что люди открывают друзьям самих себя без всяких искажений. См.: K. Naegele. *Friendship and Acquaintances: an exploration of some social distinctions*, Harvard Educational Review, vol. 28, 1958, p. 232—253; S. K ur t h. *Friendship and Friendly Relations*, In G. M c C a l l. *Social Relationship*. Chicago, 1970, p. 18—66; G. S u t t l e s. *Friendship as a Social Institution*. In *Social Relationship*, cit., p. 95—135.

которое будет сигналом о том, что жизненные траектории двух друзей разошлись.

Ничто в нашем мире не остается неизменным, и все существует только при условии постоянного обновления. Друзья встречаются снова и снова, обновляя свою дружбу благодаря этим встречам. Каждая встреча несет в себе риск неудачи. Дружба — совокупность удавшихся встреч. Друзьям хорошо вместе, они улыбаются, чувствуют себя счастливыми. Значит, очередной раз произошло чудо, и встреча состоялась. При этом друзья не испытывают друг друга, подобно влюбленным. Последние без колебаний могут подвергнуть испытанию чувства, связывающие их обоих (испытание на истинность любви), или чувства одного из них (испытание на взаимность). Нет, дружба не признает подобного рода испытаний. Одна мысль о таком испытании угнетает дружбу. Проявить дружеские чувства уже само по себе означает доказать и подтвердить их. Мы представляем себе дружбу реально существующей и постоянной. Она должна лишь обнаружить, проявить себя. А вот любовь может быть реальной или мнимой, может стать всепоглощающей страстью или ложью, глубоким потрясением или поверхностным увлечением. Она может даже превратиться в ненависть. Поэтому она и подвергается испытаниям.

Правда, и у дружбы бывают кризисные моменты. Она не является чем-то раз и навсегда приобретенным. Дружба подвержена кризисам, как и все межличностные отношения, как любовь между родителями и детьми или между супругами. Кризис заключается в том, что один из друзей теряет уверенность в дружбе другого и даже может почувствовать себя обманутым, непонятым. Преодолеть кризис — значит вновь ощутить, что друг понимает нас до конца, а мы понимаем его. Ибо в период кризиса мы тоже участвуем в непонимании, бываем агрессивны, стремимся к разрыву. Кризис всегда начинается с разочарования и несет в себе опасность превратиться в «смертельную схватку». Ведь друг — это тот, кто должен уметь оценить нас по достоинству, поэтому кризис означает, что именно он

оказался к нам несправедлив. «От друга я такого никак не ожидал,— говорим мы.— Человек, который не был моим другом, еще мог бы не понять меня». Непонимание всегда предполагает нежелание понимать. Мы убеждены, что, если человек хочет нас понять, если он приходит к нам с открытой душой, если он честен по отношению к нам и испытывает к нам симпатию, он обязательно поймет нас. Непонимание—это скрытый симптом потери интереса, уважения, а иногда даже проявления агрессивности. Если друг не понял нас, значит, он не был нам другом, не любил нас.

Кризис можно преодолеть только с помощью *встречи*. Такую встречу друзей обычно называют объяснением. Но это не простое выяснение отношений. Объясниться—значит понять, почему возник кризис, чем он был вызван, как снять напряжение и ликвидировать причины, породившие его. Это значит вместе, с критических позиций пересмотреть прошлое, вернуться назад, к тому моменту, когда возникло непонимание. Встреча, побеждающая кризис, преодолевает его предысторию, восстанавливает традицию и дает друзьям возможность сделать еще один шаг вперед. Побороть кризис означает также одержать победу над собственным образом жизни, признаться в собственной недоброте, в недостатке такта, в несдержанности, злобе, в том, что действовал необдуманно и неадекватно. Преодолеть кризис означает стать лучше, пережить сложный момент в развитии своей личности.

Глава III

1. Когда мы после нескольких лет разлуки вновь встречаемся с другом, у нас бывает ощущение, что мы недавно расстались и продолжаем прерванную беседу. На самом же деле нет ни прерванного диалога, ни продолжения беседы. И говорим мы о другом. Мы изменились, изменились и наши проблемы. Хотя нам кажется, что мы продолжаем говорить о чем говорили, и делать то, что делали раньше. Как будто вовсе и не было перерыва, как будто не прошли годы. Это удивительное явление. Ничего похожего не происходит в нашей обычной жизни. Когда мы встречаем кого-нибудь из родственников, первое, что мы спрашиваем: «Что ты делал?» Мы пытаемся таким образом заполнить пустоту в непрерывном временном потоке. Человек знаком нам настолько, насколько нам известна его жизнь в каждый отдельный момент. Поэтому, беседуя с кем-нибудь из своих знакомых, мы спрашиваем о его планах, скажем, на лето: «Куда собираешься в отпуск?» Вопросы о будущем дополняют сведения о прошедшем: «Куда вы ездили зимой? Как провели Рождество?» Если мы встретились с людьми, которые не очень нам близки, и не знаем, о чем говорить, мы будем говорить о погоде. Но и тут, поговорив о сегодняшней погоде, мы сравним ее со вчерашней и выразим наши пожелания по поводу погоды в ближайшие дни.

А вот друзья, встретившись даже после многолетней разлуки, ничего не выспрашивают друг у друга. Они не станут обрушивать друг на друга ураган вопросов, чтобы выяснить, что делал каждый, и восстановить день за днем прошедшее. Более того, прошлое как будто и вовсе их не интересует. Они сразу начинают говорить о том, что у них на душе в настоящий момент. Каждый из них, без предварительной подготовки, мак-

симально расположен к восприятию нового. Друзья, которые, встретившись, говорят друг другу: «А теперь я расскажу все по порядку» или «Расскажи о себе»,— это не настоящие друзья. За подобными общими фразами ничего не стоит. Даже если человек говорит: «Где же ты пропал, почему даже не написал мне?» — это не друг. Друг спросит лишь: «Как дела? Все в порядке?» — потому что он обеспокоен только тем, чтобы у нас все было хорошо. Его лицо освещается улыбкой, он счастлив, что видит нас. А если он и добавит: «Сколько лет, сколько зим...», то только для того, чтобы выразить свою радость. Друг смотрит на наше прошлое и на наше будущее теми же глазами, что и мы сами. Он идентифицирует себя с нами, а у нас ведь нет нужды спрашивать самих себя, что мы сделали и что намерены делать: мы и так это знаем. Ему же достаточно, что мы сами это знаем; какие бы события ни произошли в нашей жизни, его они вполне устраивают, лишь бы только нам они принесли удачу. Поэтому он и спрашивает нас: «Как дела? Все в порядке?» Ему важно выяснить одно: хорошо нам или худо, счастливы мы или нет. То, что имеет значение для нас, важно и для него.

Ощущение времени во влюбленности представляет собой полную противоположность ощущению времени в дружбе. Если в *дружбе время раздроблено* и складывается из моментов настоящего, следующих один за другим, примыкая друг к другу, то во влюбленности оно сконцентрировано, непрерывно, лихорадочно. Влюбленные часами говорят о своем прошлом. Каждый бывает очарован прошлым другого и задает ему бесконечные вопросы. Даже после краткой разлуки он хочет знать все, что делал любимый человек, заполнить все пустоты, все интервалы, мимолетные, небольшие. Он стремится проникнуть в мысли любимого человека, во все оттенки его чувств, в его сомнения. Влюбленность жаждет восстановить целиком всю картину, чтобы слиться с тем, что пережил любимый, вплоть до полной идентификации, до полного растворения в пережитом. Влюбленность стремится к слия-

нию двух различных людей, к созданию из них новой общности — пары, в которой оба они претерпевают изменения. Любовь заставляет влюбленных в корне преобразовать свою жизнь и поэтому критически пересмотреть свое прошлое. До встречи они были разными людьми. Влюбившись, они начинают понимать, насколько убогой, холодной, бесцветной была их прошлая жизнь. Поэтому каждый из них должен заново пережить то, что он прожил, и подвергнуть ревизии прошлые ценности¹.

Момент возникновения любви — это Судный день, когда все, что связано с несчастьем, должно быть отринуто и подвергнуто осуждению. Но это и канун Рождества: впереди открывается перспектива немислимого, невообразимого счастья. Влюбленные ориентированы на такое будущее. Каждое мгновение они жаждут общения с любимым человеком. Если он далеко, его с тоской и волнением ждуг. Влюбленные всегда приходят заранее, чтобы ждать. Влюбленность — это одновременно и воспоминание, и ожидание. Время у влюбленных превращается в спазм, сжимающий воедино самое далекое прошлое и самое туманное будущее. А настоящее суть напряжение этого спазма. Все мгновения любви страдают от избытка временности и стремятся стать вечными. Вечность любви возникает из максимального напряжения времени.

Друзья же встречаются не для того, чтобы создать новую общность, которая подчинила бы их себе. Они не испытывают необходимости изменять друг друга. Каждый движется по своей жизненной траектории, следует своей судьбе, ищет своего счастья, своей любви. Друг сопровождает его в этих поисках, волнуется за него, помогает ему, но не становится предметом поисков. Когда мы встречаем влюбленного друга, мы стремимся понять его, проникнуть в его временное напря-

---

¹ Этот важный процесс называется историизацией. Он присутствует не только во влюбленности, но во всех крупных коллективных движениях. См.: F. Alberoni. Movimento e istituzione. Bologna, 1981.

жение, чтобы потом выйти из него. Отстранившись от его точки зрения, мы помогаем и ему занять другую позицию. Мы даем ему, таким образом, возможность взглянуть на себя со стороны, использовать ту часть знания о себе, которая ему необходима.

Вот почему друзьям тоже случается говорить о прошлом. Это происходит тогда, когда один из них должен вернуться в свое прошлое. И друг сопровождает его. Порой у нас возникает неодолимая потребность рассказать другу, что с нами произошло. Но не для того, чтобы выговориться. Выражение «выговориться» неточно. Мы рассказываем о себе, потому что нам необходимо, чтобы нас поняли, чтобы другое человеческое существо поняло нас до конца. Зачем нам это нужно? И что означает быть понятым? По сути, это означает понять самих себя, объективно взглянуть на самих себя и дать себе оценку. Любой «поход» в прошлое совершается для того, чтобы сделать вывод: осудить или принять. Чтобы исправить то, что мы уже совершили, или продолжить путь, по которому шли. Даже если в прошлом нет ничего, кроме фатального «так было»¹, мы все равно должны решить, как надо было бы и как можно было бы поступить.

Мы сами обладаем высшей способностью судить. Но часто бываем слепы или утомлены, слишком утомлены. Друг берет нас за руку, улыбается нам. Глядя ему в глаза, мы обретаем способность быть справедливыми. Судит не он, судим мы сами. Только мы имеем право судить, и никто другой. Но без друга мы не смогли бы этого сделать. Чтобы спуститься в ад, Данте потребовался проводник. Данте охвачен страхом, его захлестывают эмоции. Вергилий — символ друга. Друга рассудительного и беспристрастного. Он останавливает героя, когда тот теряет чувство меры, он же зовет вперед и подбадривает, когда герой проявляет нерешительность.

Рассказывать — значит размышлять вслух. Друг —

---

¹ Выражение Фридриха Ницше в книге «Так говорил Заратустра». См.: *Opere di F. Nietzsche*, vol. VI. Milano, 1976, p. 304.

это человек, владеющий методом майевтики*, он вдохновляет нас на честный, объективный анализ. А решение принимаем мы сами и сами находим дорогу. Даже когда друг делится с нами своим опытом, он не стремится навязать нам свою волю, а хочет лишь сообщить информацию, которая могла бы принести пользу в решении наших проблем.

Итак, мы говорим с другом о прошлом. Но это всегда наше индивидуальное прошлое или наше индивидуальное будущее. При этом прошлое или будущее самой нашей дружбы остается за пределами наших интересов. Дружба — это данность, а не проблема, это путь, а не предназначение. Если мы будем надоедать друг другу разговорами о прошлом нашей дружбы, это может плохо кончиться. А если нас начнет беспокоить будущее нашей дружбы, тут уж совсем ничего хорошего ждать не приходится. Дружба строится на бескорыстии, которое прежде всего проявляется в отношении друзей к самой дружбе. Влюбленных волнует и тревожит их будущее. Друзей — нет. Когда мы встречаем друга, прошлое не давит на нас и общее будущее нас не беспокоит. Настоящее нашей сегодняшней встречи связано с реалиями предыдущей встречи, полностью сливается с ним. Поэтому нет необходимости заполнять промежутки. И в результате нет и самих промежутков. *А раз не существует интервал, не существует и время.*

Только в одном случае дружба обращается к прошлому и к будущему: когда в отношениях наступает кризис. Тут каждый из друзей попадает во власть сомнений и должен переосмыслить свое прошлое, чтобы правильно оценить и самого себя, и своего друга. Каждый должен точно уяснить для себя, что совершил друг, какие были у него намерения, и прийти к заключению: достоин он дружбы или нет. Но прежде всего нужно составить суждение о самом себе и уста-

---

* Майевтика — метод диалектических споров Сократа, заключающийся в обнаружении противоречия в рассуждениях собеседника и приведении его к истине посредством искусно задаваемых вопросов. — *Прим. перев.*

новить, заслуживаешь ли ты сам дружбы своего друга.

Кризис делает дружбу похожей на влюбленность. Появляется такое же беспокойство, такие же переходы от недоверия к надежде. Но если во влюбленности смена настроений может длиться годами, то в дружбе она только эпизод, который не должен затягиваться надолго. Вспомним опять, что молекула дружбы — встреча. А встреча — это настоящее, примыкающее к другому настоящему. Длительность интервала между встречами не вырастает в проблему. Если же это становится проблемой, дружба перестает существовать, исчезает. Сущность дружбы связана с прерывистой природой времени, дружба не переносит временных колебаний.

Поэтому дружба требует немедленных решений. Она требует, чтобы приговор был вынесен сразу: виновен или невиновен. Как правило, дружба оправдывает и прощает. И если прощает, то прощает до конца. Но если не прощает, а осуждает или просто сомневается, значит, что-то в дружбе уже надломлено навсегда. С дружбой происходит то же, что и с категорией чистоты¹. Достаточно самого ничтожного загрязнения, и вещество уже не может считаться чистым. Кризис в дружбе не зависит от нашей воли. Когда она дает трещину, мы можем предпринимать попытки спасти ее, сохранять дружеские отношения, делать вид, что ничего не случилось, но это ни к чему не приведет. Дружба имеет нравственную природу. Однажды потерянное доверие уже не восстанавливается никогда. Следовательно, кризис в дружбе представляет собой некий процесс. Мы апеллируем к прошлому, чтобы дать ему оценку, и к будущему, чтобы яснее представить его себе. *Принятое же решение никогда потом не пересматривается.*

У влюбленных все их решения — расстаться, не любить больше друг друга или, наоборот, любить друг друга вечно — легко отменяются. Потому что любовь, как известно, неподвластна разуму. Ее можно только

¹ См.: V. Jankélévitch. Le pur et l'impur. Paris, 1960.

подавлять, отрицать, но уничтожить нельзя. Страсть неотвратима. А в дружбе последнее слово за разумом. Сущность всех явлений всегда несет в себе черты неизбежного. Сущности любви и дружбы находятся в разных плоскостях. Во влюбленности главное — страсть, страдание. В дружбе — разум и способность оценивать.

Глава IV

1. Дружба — это одна из форм любви. Чем же она отличается от других форм любви, о которых мы здесь говорили? Есть ли в ней нечто, позволяющее нам не путать ее ни с какими другими чувствами? В отличие от других форм любви дружба выбирает свой предмет, пользуясь нравственным критериями, и строит свое отношение к нему, исходя из этих критериев. *Дружба — этическая форма эроса.*

Это определение противоречит тому, что мы привыкли слышать о дружбе. Дружба-привилегия, дружба-услуга, дружба — способ извлечь пользу: совместима ли такая дружба с моралью? Разумеется, нет. Можем ли мы считать ее настоящей дружбой? Вспомним книгу Д. Карнеги «Как завоевывать друзей...»¹. На самом деле друзей нельзя завоевать. Разве может стать моим другом человек, который, следуя Карнеги, не говорит мне правды, всегда улыбается, во всем со мной согласен, всеми способами стремится ублажить мое тщеславие? Могу ли я считать другом человека, который в корыстных целях держит себя со мной лицемерно, фальшиво, льстиво? Ни в коем случае. Его отношение ко мне не имеет ничего общего с настоящей дружбой². Дружба в первую очередь предполагает свободу другого, и как только предпринимается даже самая слабая

¹ D. Carnegie. L'arte di conquistare gli amici e il dominio sugli altri. Milano, 1939; См. Д. Карнеги. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., «Прогресс», 1989.

² Трудно даже представить себе, скольких людей ввели в заблуждение и на скольких пагубно повлияли лицемерные идеи Карнеги. Правда, надо сказать, что подобные вещи происходили и в прошлом. Сократ и Платон оспаривали софистов, утверждавших, что истинно то, во что мы сумели заставить поверить других. Марк Туллий Цицерон писал о лести: «Главная угроза здесь (в дружбе. — Т. К.) — лесть, сладкоречие, потворство, тот порок, который носит много имен, но всегда отличает людей легкомысленных, лживых, стремящихся каждым словом угодить, а не сказать правду» (М. Т. Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975, с. 412).

попытка ограничить эту свободу, она тут же перестает быть настоящей дружбой.

Мать тоже хочет, чтобы ее сын был свободен, но из боязни потерять его стремится руководить его поступками. Она призвана выполнять по отношению к сыну воспитательные функции. Пока он мал, она прививает ему любовь к истинным ценностям и исправляет его недостатки. Как правило, она жаждет быть его наставницей в жизни даже тогда, когда он становится взрослым. А друг встречается с другом на равных. Он не должен учить его жить, не должен воспитывать. Конечно, он будет говорить с другом о том, во что верит, что сам он считает правильным. Но он не учитель. Он ничего не навязывает и не хочет навязывать.

Влюбленность тоже предполагает свободу любимого. Но при этом она старается и подчинить его, ибо ей очень нужна уверенность во взаимности. Эффект влюбленности имеет много общего с эффектом действия приворотного зелья. Влюбленный мечтает опохмелить этим зельем предмет своей любви, даже если потом он сойдет с ума от того, что не знает, любим ли он на самом деле или это результат действия зелья. Уверенность, полученная таким образом, оборачивается полной неуверенностью. Ибо взаимность в любви должна быть проявлением наивысшей свободы, в противном случае она теряет всякий смысл.

Друзьям даже в голову не приходит искать приворотное зелье для дружбы. Дружба — состояние желанное и приятное. Нам незачем бежать от него. У нас никогда, даже на минуту, не возникает мысль превратить друга в раба. Друг, подчинивший себя нашей воле, — это *nonsense*. Даже если бы такое и произошло с другом, мы должны были бы во что бы то ни стало освободить его. Если я сделал что-то для того, чтобы подавить волю друга, значит, я не был ему другом.

2. Ни одна форма любви не уважает до такой степени свободу другого, как дружба. Ее деликатность ни с чем не сравнима. Например, если друг сделал что-нибудь для нас, что-то нужное нам, мы будем ему при-

знательны. Но мы не станем спрашивать его, почему он это сделал. Друг не должен давать нам объяснений. И уж тем более мы не должны их требовать, чтобы установить мотивы его поступков. Поступок друга должен во всех смыслах оставаться свободным актом. Если я стану докапываться, я всегда могу найти причину, возможно, даже корысть. Совершенный поступок всегда можно объяснить. И тогда он предстанет перед нами как необходимость¹. Поступок может считаться свободным актом только до тех пор, пока его не совершили. Мы до последнего момента вольны совершить его или не совершить, и никто не знает, каков будет наш выбор. Вот поэтому мы и не спрашиваем себя, по какой причине друг поступил так, а не иначе. Мы хотим, чтобы он всегда оставался свободным, подобно духу еще ничего не совершившего творца, делающего свой выбор тогда, когда все еще возможно.

Влюбленные из всех сил стараются разгадать поведение любимого. Мы с тоской спрашиваем себя, почему наш любимый поступил именно так. Дело в том, что любимый человек имеет над нами огромную власть. Наши желания, стремления, наше счастье зависят от от него, и если мы счастливы, то хотим отодвинуть от себя причины возможного несчастья. Влюбленные то борются против силы, которая существует независимо от их воли, то капитулируют перед ней. Дружба не признает никакой власти, стоящей над нашей волей. Друг — объект нашей воли. Если свободная воля против дружбы, дружба кончается. Если друг делает меня несчастным, если я задаюсь вопросом о мотивах его поступков и страдаю, такое страдание — серьезная угроза для дружбы. И не только потому, что дружба запрограммирована на радость. Но и потому, что она основана на свободе. Если друг плохо относится ко мне, мучает меня, я отождествляю его поведение с его волей. Никакой страсти, существующей «над нами», нет. Я сужу его по нравственным законам. Мы очень требователь-

¹ По этому вопросу см. прекрасную работу V. Jankélévitch. *Traité des vertues*. Paris, 1970, p. 17—36.

ны к моральному облику наших друзей. Мы относимся к ним гораздо строже, чем к другим людям. «Друг никогда не должен был так поступить со мной», — говорим мы. Любимого человека можно и ненавидеть. Такая ненависть уживается рядом с любовью, просто они как бы располагаются на разных уровнях. В любви мы прощаем так же быстро, как впадаем в ненависть; более того, забывая о нашем гневе, мы тут же отдаемся во власть любовного экстаза. Дружба, бесспорно, более постоянна и последовательна. Ненависть разрушает ее, травмирует и наносит ей невосполнимый ущерб. Для дружбы ненависть — не случайный эпизод, а злое, отвратительное чувство, которое нельзя ни оправдать, ни простить.

Мы не выбираем в друзья людей, которых не уважаем. Я не стану все время мысленно беседовать с человеком, которого считаю негодяем, искать совета у предателя. Дружба — это такое социальное пространство, где люди относятся друг к другу нравственнее, сердечнее, чем к тем, кто находится за пределами этого пространства. Здесь нравственные нормы соблюдаются самым строгим образом: так, как они в идеале должны были бы соблюдаться всеми. Иммануил Кант в «Основах метафизики нравственности» сформулировал этот моральный принцип: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству, и в своем лице, и в лице всякого другого, так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹. Таково всеобщее нравственное правило, которому мы должны следовать постоянно. Увы, мы не делаем этого. Все отношения, имеющие целью получение выгоды, противоречат указанному нравственному правилу. Такого рода отношения побуждают нас использовать других как средства для достижения наших целей. Мы не следуем этому правилу только в отношениях с людьми, которых любим. Мать относится к своему сыну не как к средству, а как к цели. Мы не смотрим на любимого нами человека как на средство: для нас он —

¹ И. Кант. Сочинения, т. 4, часть 1. М., 1965, с. 270.

наивысшая цель. Мы стремимся быть рядом с ним не по каким-то деловым соображениям, а потому, что такова наша конечная цель. То же самое можно сказать и о друге. Мы видим, как важна свобода для друга. Признавать свободу человека, уважать эту свободу означает относиться к этому человеку как к цели.

Есть у Канта и еще одна категория, которая поможет нам дать более точное определение дружбы. Это категорический императив — единственная в своем роде норма, с которой должны согласовываться все остальные максимы поведения: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»¹. Мы всегда должны были бы придерживаться этого правила. Но в жизни мы поступаем иначе. Правда, к некоторым людям мы действительно относимся так, что наше поведение приближается к категорическому императиву. Обычно это те, кого мы любим.

Поступать в соответствии с максимой, которую мы хотели бы возвести во всеобщий закон, куда сложнее, чем относиться к человеческой сущности другого как к цели. Разве можем мы желать возвести во всеобщую нравственную норму страстную влюбленность? Рекомендовать для всех возвышенную и пылкую любовь, не знающую покоя?

Трудно было бы сделать всеобщей нормой и материнскую любовь, ибо мать любит дитя больше, чем самое себя, ничего не требуя взамен, а только отдавая. Не можем мы безапелляционно предложить в качестве всеобщей нормы и героические поступки или возвести в правило нечто из ряда вон выходящее, безрассудное, опровергающее и превосходящее все привычные представления. Мы не вправе требовать, чтобы все походило на святого Франциска и испытывали любовь ко всему миру в целом, даже к животным, даже к таким явлениям природы, как вода и огонь. В этом случае любая организационная, любая экономическая деятельность стала бы невозможной. Мы можем возводить во всеоб-

¹ И. Кант. Там же, с. 260.

щую норму не из ряда вон выходящее, а привычное, то, что для нас находится в пределах осуществимого. Например, бескорыстие, щедрость, любезность, искренность, верность, способность понимать других. Существует почти полное единодушие по поводу того, что считать добродетелью, а что, наоборот, пороком. В нашем обществе, где правит экономическая и политическая выгода, где мы постоянно находимся под гнетом конкуренции, жестокая необходимость заставляет нас смиряться со злоупотреблениями, привилегиями, унижениями, бесчеловечностью. Нам и самим случается ненавидеть, лгать, вводить в заблуждение. Мы зачастую пробиваем себе дорогу, работая локтями или с помощью хитрости. Мы стараемся достигнуть власти, чтобы меньше зависеть, чтобы получить большую свободу. Но, поступая так, мы используем других людей как средства и подбрасываем поленья в костер конкурентной борьбы. Даже в самом спокойном и тщательно регламентированном с помощью всеохватывающих правил обществе социальные отношения пронизаны интригами, клеветой и завистью. Неискренность и коварство входят в правила игры у людей, стремящихся завоевать рынок и добиться успеха.

Однако если не со всеми, то по крайней мере с некоторыми мы ведем себя или стараемся себя вести, следуя категорическому императиву. Друзья в отношениях друг с другом придерживаются кантовской модели поведения, предложенной им в качестве всеобщей.

3. Итак, мы видим, что дружба обладает глубоким этическим содержанием, что друзья относятся друг к другу лучше, чем к остальным людям, то есть приблизительно так, как должны были бы относиться друг к другу все люди. Дружба стремится к идеалу нравственного совершенства. Отсюда следует, что мы выбираем себе в друзья тех, кто по крайней мере по отношению к нам ведет себя нравственно. В свою очередь нас могут выбрать в друзья только в том случае, если и мы будем вести себя так же, как они, если мы, с точки зрения нашего друга, будем относиться к нему без-

упречно. Каждый в отношениях с другом должен быть безупречен. Именно такую дружбу древние называли дружбой добродетельной¹ (или доблестной), и этот принцип продолжает действовать в наши дни.

Значит ли это, что мы выбираем себе в друзья всех тех, кого уважаем, кем восхищаемся? Отнюдь нет. Мы можем испытывать уважение к человеку, восхищаться им, но при этом не быть его другом и даже не желать попасть в число его друзей. Дружба не может существовать без уважения, без нравственного отношения друг к другу. Но дружба — это не просто уважение, не просто восхищение. Дружба — это еще и любовь. Это особая форма любви: ее объектом становится человек, которого мы ценим и который с точки зрения этики ведет себя корректно, по крайней мере по отношению к нам.

Влюбленность устанавливает критерии оценок для всего без исключения. Она всегда стремится определить ценность предмета наших желаний. А дружба предполагает, что ценности определены заранее. Разумеется, мы ценим в друге те качества и свойства характера, которым раньше вообще не придавали значения, на которые не обращали внимания. Но с социальной точки зрения ценности заданы заранее. Друг — это тот человек, который открывает для нас эти ценности и который строит свое поведение в соответствии с ними. В любимом человеке нам может быть дорога небрежно откиннутая прядь волос, какая-нибудь только ему свойственная мимика, любая его прихоть. В друге же мы ценим высокие интеллектуальные и моральные качества, доброжелательность, жизнерадостность, чуткое отношение к нам. Кто же может без всяких оговорок стать нашим другом? Тот, кого, по нашему мнению, должны ценить и другие. Мы воздаем должное другу, признаем те его качества и те достоинства, которые, конечно же, всегда были в этом человеке и увидеть которые не составляло труда, но другим оценить их помешали равнодушие или неприязнь. Любовь

¹ Этим определением, принадлежащим Аристотелю, пользуются Теофраст, Цицерон, Плутарх. См.: L. F. Pizzolato. *L'amicizia nel mondo classico*. Milano, 1972.

к другу не искажает его образ в наших глазах, она лишь помогает нам лучше разглядеть его, не преувеличивая достоинств, а только позволяя оценить их должным образом. Критерии оценок универсальны. На словах мы все им следуем. Но не на деле. Друг — это тот, кто не забывает об этих критериях и не отступает от них, когда речь идет обо мне. И я поступаю так же по отношению к нему.

Значит, друг — это человек, который признает нашу правоту. Правоту в глубинном, философском смысле... Ведь сама жизнь может быть справедлива или несправедлива. Друг ценит в нас те качества, которые никто раньше не ценил, уважает нас за то, за что другие презирали, и, значит, признает нашу правоту именно в этом глубинном смысле. Он на нашей стороне, он борется вместе с нами и, если надо, мстит за нас, так как уверен, что мы правы.

Чтобы оценивать положительно, необходимо доброжелательное отношение. Друг всегда настроен доброжелательно. Он ведь знает, что мы из себя представляем, и помогает нам быть самими собой. Другие люди равнодушны. Их сердца холодны, и поэтому они не могут разглядеть, каковы мы на самом деле. Только друг видит нас такими, какие мы есть. Бывает, что и незнакомый человек признает нашу правоту и протягивает нам руку помощи. В этом случае и он, пусть ненадолго, становится нашим другом.

Признать какое-нибудь достоинство в человеке означает также увидеть этого человека как бы изнутри. Достоинства заключаются не только в поведении, они в чутком отношении к другим, в движениях души. Дружба бескорыстна и возвышенна, потому что друг признает и ценит даже те наши достоинства, из которых нельзя извлечь никакой пользы.

4. Мы уже сказали, что друзья должны относиться друг к другу нравственно. Но возникает вопрос: важно, чтобы они относились нравственно только друг к другу или отношения «за пределами» дружбы тоже имеют значение? Иными словами: могу ли я быть другом дур-

ного человека, если я знаю, что он дурной человек? Во влюбленности это возможно. Мы влюбляемся, абстрагируясь от достоинств любимого. Дружба гораздо строже. Узнав, что наш друг поступил бесчестно, мы бываем глубоко потрясены. Поэтому нашу дружбу очень легко ослабить с помощью клеветы: сказать нам о друге что-нибудь такое, что бросило бы тень на его нравственный облик.

Ну а если с нами друг всегда вел себя безукоризненно и поступал как человек глубоко порядочный, никогда не склоняя нас к дурным поступкам? Если он стремился в дружбе проявить себя с лучшей стороны, подобно тому как это делает сын в отношениях с матерью, ибо хотел, чтобы мы оценили его положительно? Один из способов любить — стараться соответствовать идеальному образу, созданному нашим любимым. Для дружбы имеет значение именно нравственный облик. С другом мы стараемся быть искренними, честными. Поэтому многие люди, стремясь произвести самое хорошее впечатление, скрывают свои слабости и пороки. В обществе друга они стараются проявлять только свои достоинства.

Отец может быть преступником, но воспитывать сына в духе нравственности, потому что хочет, чтобы сын был лучше его. Вор и бандит могут самым нежным образом относиться к своей любимой: потому что они любят ее и хотят, чтобы и она их любила. Точно так же человек может выказывать благородство и чуткость к другу, скрывая от него свои недостатки. И тогда его друг вправе сказать: «Ко мне он всегда относился хорошо». Может ли такая дружба считаться подлинной? Да, это настоящая дружба. Это признают даже те, кто считает, что подлинная дружба возможна только между людьми достойными, — Аристотель и Цицерон. Вот что находим мы по этому поводу у Цицерона: «Пусть же будет нерушим этот закон дружбы: ничего постыдного не просить у друзей и не делать по их просьбе»¹. Друг, скрывающий свои недостатки, но никогда не тре-

¹ М. Т. Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975, с. 399.

бующий от нас ничего бесчестного, не нарушает этого закона. Следовательно, речь идет о настоящей, хотя в чем-то и непрочной дружбе. Один из двоих вынужден таиться, не может быть откровенен до конца, не может довериться другу, сказать о себе самое главное. Дружба предполагает постоянное углубление в познании друг друга. В данном случае на пути такого познания оказывается непреодолимое препятствие. Любовь вполне совместима с умолчанием и недомолвками. Бывают люди, мужчины и женщины, которые никогда не простили бы сексуальной измены супругу или любовнику, несмотря на то, что любят его и искренне любимы. И тогда, чтобы не подвергать риску главное — любовь, другой молчит. Он молчит, потому что не придает значения происшедшему, потому что считает его эпизодом, не влияющим на суть отношений.

Как уже говорилось, дружба является этической формой зрота. Друг интуитивно угадывает и помогает нам проявить лучшие свойства нашей души: все самое доброе, самое человеческое, непосредственное, искреннее, бескорыстное, благородное, что в нас есть. Значительный этический компонент, заключенный в дружбе, делает безусловно справедливым выражение: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. По друзьям можно составить объективную картину нравственного облика человека. Мы можем судить по ним о его бескомпромиссности, принципиальности, о его отношении к интеллекту, о его творческих способностях и даже о степени его снисходительности.

Люди непохожи друг на друга. Существуют трезвенники и пьяницы, правдолюбцы и лжецы. Интриган окружает себя интриганами, властолюбец, которому льстит угодничество, будет окружен подхалимами. Шантажист сам станет жертвой шантажа. Мафии и другие преступные организации держатся на взаимном страхе всех членов.

Завершим эту главу цитатой из Вольтера: «Дружба — молчаливый договор между двумя тонко чувствующими и добродетельными личностями. Я говорю «тонко чувствующими» потому, что монах или от-

шельник могут быть вполне добродетельными людьми и прожить жизнь, так и не узнав, что такое дружба. Я говорю «добродетельными» потому, что злодеи нуждаются лишь в сообщниках, прожигатели жизни — в собутыльниках, скупые — в компаньонах, политики собирают вокруг себя своих сторонников, бездельники заводят лишь поверхностные связи, государи пребывают в обществе придворных, и только у добродетельных людей бывают друзья»¹.

---

¹ Voltaire. Dizionario filosofico. Milano, 1970, p. 54—55.

Глава V

1. Мы уже сказали, что дружба — это этическая форма любви. Но дружба еще и предпочтение. Быть другом всегда означает, что тебя любят больше, чем другого, что тебя предпочитают кому-то другому, огромной безликой массе других. Дружба похожа на чувства двух братьев, каждый из которых хочет, чтобы выбрали его, чтобы ему уделили больше внимания. Материнская любовь уравнивает, сглаживает различия, для матери все дети действительно равны. Потребности отдельного индивида находятся в противоречии с таким абсолютным равенством. Дружба требует индивидуального внимания. Каждый, утверждает Фенелон, хочет, чтобы его любили ради него самого независимо ни от чего, чтобы ему принесли в жертву весь мир. Не здесь ли следует искать корни всех привилегий и неопределенностей? Кьеркегор пишет: «Именно поэтому христианство с недоверием относится к мирской любви и к дружбе, ибо предпочтение, страсть... по сути есть проявления эгоизма»¹. Он утверждает, что христианская любовь может существовать только как долг. Христианство учит, что любить ближнего — наш долг. Следовательно, любовь в этом случае — не самопроизвольное влечение, не порыв страсти, не чувство. Это этический императив, волевой выбор. Но можем ли мы заставить себя любить человека из чувства долга, испытывать к нему симпатии? Кант уже задавал себе этот вопрос и ответил на него отрицательно. Нет, мы не можем заставить себя любить и испытывать симпатию. Любовь и симпатия — чувства произвольные, их нельзя вызвать усилием воли. Я могу стремиться полюбить своего врага, но самое большее, что мне удастся, — это сделать что-нибудь для него. Я могу гнать от себя все дурные мысли, которые приходят мне в голову, подставить ему вторую щеку, отдать все свои день-

¹ S. Kierkegaard. Gli afti dell'amore. Milano, 1983, p. 206.

ги. Но я не могу вызвать в себе чувства нежности и симпатии, настроить себя на искреннюю дружбу. Святому Франциску, говорят, это удавалось. Но потому-то он и считается святым, наделенным даром необычайной любви. Кант пришел к выводу, что, поскольку мы не в состоянии заставить себя чувствовать, нравственность может требовать от нас только поступков, но не чувств. Этика, по Канту, не имеет ничего общего с дружбой, с симпатией, с любовью. Нравственный поступок совершается исключительно из чувства долга, вопреки влечению и собственным чувствам. Однако, поступая таким образом, то есть заставляя себя делать то, что нам неприятно, не утрачиваем ли мы непосредственной радости творить добро? Мы должны для этого совершить насилие над нашими чувствами, свести на нет свою непосредственность. В результате мы будем всегда вести себя достойно, но не более того; мы будем справедливы ко всем, но ничего не сможем дать каждому.

Этика Канта сыграла важную роль в формировании современного общества, основанного на законах разумной выгоды. Для того чтобы общество функционировало нормально, нужен не альтруизм, а точное исполнение своего профессионального и общественного долга. Если бы мы не изобрели внеличной этики, требующей абсолютного беспристрастия, нам никогда бы не удалось создать справедливое общественное устройство, дающее всем одинаковые права и налагающее на всех одинаковые обязательства. Чтобы преодолеть избирательность дружбы, семьи, родственных связей — любых предпочтений, нужна этика, осуждающая все, что основано на чувстве, и утверждающая наш одинаковый долг по отношению ко всем людям. Только не отдавая никому предпочтения, служащий «по ту сторону административного окошечка», врач в больнице, прокурор в суде могут поступать нравственно. В католических странах этика чувств увековечила привилегии и стала препятствием для создания тех беспристрастных, действенных и справедливых общественных установлений, которыми гордится

протестантский мир. Тут двух мнений быть не может. Беспристрастность современной административной системы — порождение Кантовой этики, на первое место ставящей долг.

В обществе произошли улучшения не потому, что люди стали больше любить друг друга, а потому, что были созданы беспристрастные, справедливые организационные структуры. Служащему «по ту сторону окошечка» ни к чему обладать чувством милосердия. Современный мир обособился от этики чувств. Добродетели получили объективное отражение в безликих и беспристрастных правилах поведения. В конечном итоге появился робот, который всем охотно отвечает на вопросы, всегда готов услужить, неутомим, бесконечно терпелив, беспристрастен, справедлив.

Но если таков прогресс человечества, то, спрашивается, причем здесь дружба? Дружба здесь совсем ни при чем¹. Она любит то, что ценит, и ценит то, что любит. Это не значит, что ее следует предпочитать долгу: она дополняет его. Дружба имеет смысл лишь постольку, поскольку люди испытывают потребность в любви,

¹ Было сделано множество попыток исказить теорию Канта и объяснить происхождение благородных поступков чувством расположения. Примером может служить работа: L. A. Blum. *Friendship, Altruism and Morality*. London, 1980. Если мы утверждаем, что любовь, в тех отношениях, где она присутствует, является главным источником этики (*ama et fac quod vis*), это не означает вовсе, что этика не нужна. Да, любовь действительно безошибочно ведет нас к добрым делам. Но мы устаем, ленимся и очень легко забываем, что требуются еще и поступки. Мы повторяем «люблю, люблю», но не делаем ничего конкретного. На самом же деле нужно действовать, совершенствоваться, направлять себя. Нужно, чтобы я, движимый любовью, вменил себе в обязанность навещать свою мать или своих детей, своего больного друга. Каждое общество указывает нам на наши обязанности по отношению к тем, кого, как мы сами говорим, мы любим. Эти обязанности рождаются из самой простой интуиции в применении к конкретным ситуациям. Если моя мать страдает от одиночества и я люблю ее, я должен пойти навстречу ее желанию общаться. Любая этика предписывает нам делать добро другому. Когда мы любим, у нас даже появляется потребность делать добро. Но между желанием и поступком существует расстояние, преодолеть которое можно только с помощью конкретных действий, основанных на чувстве долга.

в индивидуальном отношении к себе со стороны других. Беспристрастная этика способствует прогрессу общественного устройства, но только любовь дает нам силы переносить все тяготы жизни. Врач в больнице обязан всех лечить одинаково хорошо, но при этом держать за руку плачущего ребенка все равно должна только мать. Потому что ребенку, который нуждается в лечении, обязательно нужна еще и мать, принадлежащая только ему, и никому больше. Жизнь состоит и из того, и из другого. Медицинское обслуживание может быть разным, а материнская любовь всегда одинакова. То же самое можно сказать и о дружбе. Мы не претендуем на то, чтобы получить от нее больше, чем она может дать. Но мы понимаем, что нам без нее не обойтись.

В том случае, когда в основу общественного устройства положен принцип непристрастности, он становится предварительным условием дружбы. Я не могу требовать от своего друга, чтобы он ради меня изменил этому принципу. Если он врач, я не могу потребовать от него, чтобы он не обращал внимания на других больных, если он судья, я не стану просить его, чтобы он решил дело в мою пользу. Согласившись на это, он поступил бы как человек безнравственный и, следовательно, заслуживающий всеобщего презрения. А я как друг не могу желать ему зла.

Поэтому в тех странах, где общество разделено на сословия и касты, дружба тоже будет сословной или кастовой. Однако в наши дни в обществе, построенном на всеобщем равенстве перед законами, дружба должна прежде всего уважать эти законы и принцип непристрастия. Она воспринимает социальные добродетели в том виде, в каком общество ей их преподносит, и безоговорочно следует им. Сама она не создает эти добродетели, но старательнейшим образом применяет их на практике и ревностно охраняет.

2. Мы видели, что стремление к предпочтению, заложенное в дружбе, не является нравственным. Оно может противостоять морали как привилегия, а может

дополнять и обогащать ее. Однако не скрыт ли здесь более глубокий смысл? Щенки спешат к матери, чтобы утолить голод. Дети тянутся за лаской. Не это ли и есть первый порыв к предпочтению? А может быть, нам следует искать его в конкурентной борьбе, в соперничестве? Что, если желание быть любимым, избранным имеет то же происхождение, что и соперничество, стремление к успеху? И не стоит ли оно в одном ряду с сексуальным соперничеством, с борьбой за чины, за территорию? Возможно, нечто общее здесь есть. Но, скорее всего, мы на ложном пути. На самом деле в дружбе нет борьбы. Чтобы стать другом, не нужно расталкивать других. Соперничество бывает в любви, в эротических отношениях, но не в дружбе. Предпочтение, существующее в дружбе, заключается в индивидуальном отношении, в признании ценности индивидуальности, единственной и неповторимой. Любая личность заслуживает такого признания и не пытается отобрать его у кого-нибудь другого. Мать находит в каждом из своих детей особые достоинства: один — обаятельный, другой — отзывчивый, третий — терпеливый, а самый младший — ласковый. У каждого есть что-то свое. Всего-навсего одна отличительная черта, являющаяся достоинством, а любое достоинство абсолютно и доминирует над остальным. Если у человека нет ни одного из этих качеств, он в чем-то оказывается ущербным. В самом деле, какое впечатление должен производить человек, совсем лишенный терпения? Или мужества? Или неспособный на нежность? Но именно это «что-то свое» и рождает непохожесть, неповторимость. Ее нельзя измерить какой-либо единой мерой, как это можно сделать с другими человеческими свойствами, проявляющимися в борьбе за первенство (или в любом другом типе отношений, в котором наличествуют степени: например, в уходе за животными).

Дружба делает нас личностями уникальными и неповторимыми, она нас возвышает. Мнение друга имеет для нас колоссальное значение. Друг — это тот, кто нас понимает, кто способен оценить наши малозаметные достоинства. Друг признает нашу правоту. Но он не

судья на соревнованиях, он не дает нам ни призов, ни премий, не делает нас богатыми, не может обеспечить наше социальное продвижение. Предпочтение, которое он отдает нам, означает, что он признает нашу индивидуальную значимость, нашу личность и ее ценность. Такое предпочтение связано с самой природой нашего «я». У Поппера мы читаем: «То, из-за чего стоит жить, потеряло бы немедленно всякую привлекательность, если бы человеческие жизни не были уникальны, если бы из поколения в поколение передавались все типические черты определенного класса, если бы совершались одни и те же поступки и повторялся один и тот же жизненный опыт у всех, кто принадлежит к этому классу. Именно неповторимость наших переживаний вызывает в нас желание жить»¹. Но на самом деле одной неповторимости мало. Главное — наличие мыслящей личности. Каждая вещь, даже самый обыкновенный камень, неповторима, но ценность ее не в этом. Ценность привносится сознанием концентрированного «я», мыслящей частицей мирового многообразия. По совершенно таинственным причинам жизнь породила сознание, которое знает, что существует и что может не существовать. Чтобы выбрать существование, сознание должно полюбить самое себя, должно сказать «да» самому себе, оценить себя, предпочесть себя небытию. Если бы оно не делало этого, если бы не было этого первоначального «нарциссизма», ему пришлось бы исчезнуть, раствориться. У животных на страже сохранения жизни стоит инстинкт, готовность бежать от опасности, боль. Человек же выбирает между бытием и небытием. Эта дилемма в его жизни существует всегда. И если сознание выбирает бытие, то есть предпочитает самое себя, оно «поступает» так не только потому, что его побуждают к этому страх, голод, жажда, боль, одним словом — инстинкт, но и потому, что «я» способно оценить самое себя, потому что ему удастся полюбить свою удивительную индивидуальность — хрупкую и страстную.

¹ К. Поппер. *La società aperta e i suoi nemici*. Roma, 1973, vol. II, p. 322.

Эсхил называл людей «эфемерными», — поэтому-то каждый и хочет, чтобы его любили ради него самого, независимо ни от каких обстоятельств, из чистой симпатии. Каждый в глубине души желал бы абсолютного предпочтения. Ибо после возникновения сознания жизнь могла продолжаться только при условии, что индивидуальное сознание будет способно ценить самое себя, отдавая себе предпочтение. Любовь представляет собой модель такого предпочтения. Дети не могли бы сохранить в себе жажду жизни, если бы не ощущали материнской любви. Фрейд оставил нам блистательные страницы о неутолимой потребности в объектах любви и в идентификации. Цель влюбленности в конечном итоге тоже состоит в том, чтобы найти человека, которого мы выберем и предпочтем всем остальным и который будет любить нас больше, чем все остальные. Нам необходимо, чтобы нас любили больше всего на свете: это дает нам силу справиться с бесчисленным множеством образов, живущих внутри нас. Мы — продукт своего социального опыта, всех своих идентификаций, всех своих желаний. Наше «я» представляет собой неустойчивое и непонятное единство. Только любовь придает ему устойчивость и силу¹. Не абстрактная справедливость, а индивидуальная любовь, направленная исключительно на наше «я».

Возможно, однако, что есть и другая, более глубокая интерпретация этой проблемы. Отдельная личность может произвести переворот в культуре и в конечном итоге в эволюции человеческого рода. Творческий разум способен осуществить высшую из революций. Потенциально человеческая личность обладает огромной силой. Поэтому сознание есть осознание того, что мы (потенциально) являемся видом «для себя». Разум запрограммирован на создание «иного». Каждый человек (потенциально) — новый Адам². И это делает индивидуальность бесконечно ценной. Влюбленность, материнская и отцовская любовь, дружба обращены

¹ См.: F. Alberoni. L'albero della vita. Milano, 1982, p. 115.

² Ibid., p. 23.

к личной индивидуальности. К тому, что является самым хрупким, но и самым важным. Настолько хрупким, что нуждается в поддержке извне, в признании и в любви другого достойного человека. И все же индивидуальность — единственная в своем роде неукротимая сила природы.

Глава VI

1. Дружба — это отношения между двумя совершенно свободными индивидами, встреча равных. Двое могут стать друзьями, даже если у них разное экономическое и социальное положение, но только при том условии, если они встретятся как два свободных независимых человека, обладающих одинаковой властью и равным достоинством¹.

Обычно размышления о дружбе наводят нас на мысль о том, что люди нуждаются в помощи. Действительно, мы зовем друзей тогда, когда нам нужна бывает их помощь. Мы часто вспоминаем о них в трудные для нас моменты. Но истинная дружба складывается не из этих моментов². Люди, постоянно помогающие друг другу, не становятся друзьями. Наоборот, в таких отношениях часто возникает разлад. Дружба погибает, если мы берем себе за правило беспрерывно пользоваться помощью друга. Она несовместима с высокой степенью потребности в другом. Дело в том, что дружба не терпит серьезных нарушений в равновесии власти. Если я испытываю в чем-то нужду, удовлетворение которой зависит от другого, значит, этот другой получает надо мной власть. Поэтому если все время прибегать к помощи одного из друзей, то в конце концов попадаешь к нему в зависимость, даешь ему власть над собой. И эта власть будет тем сильнее, чем больше мы будем полагаться на нашего друга. Такие отношения полностью противоречат независимому характеру дружбы и в конечном итоге разрушают ее. Даже если другой от-

¹ См.: C. S. Lewis. *I quattro amori*. Jaka Book. Milano, 1982, p. 92—93.

² Это отмечал еще Цицерон и со всей определенностью повторяет Льюис (там же, с. 91—93). Подобное явление отмечается и в других культурах. J. Pitt-Rivers (*People of the Sierra*. Chicago, 1963) показывает, как друзья взаимно помогают друг другу. Но при этом нельзя забывать, что они делают это, потому что они — друзья, а не наоборот: становятся друзьями, потому что помогают друг другу.

носится к нам прекрасно, даже если он очень охотно приходит к нам на помощь. Достаточно, чтобы он один раз проявил невнимательность, или чтобы у него возникли какие-нибудь трудности, или чтобы ему просто все это надоело, и нам уже кажется, что нас предали. Выбирая такой стиль поведения, мы тешим свою лень и в результате поступаем так, как не подобает поступать друзьям. Мы нагружаем друга обязанностями и в конечном итоге шантажируем его своей дружбой. Мы ставим его в такое положение, в котором дружба становится ему в тягость. А между тем дружба всегда должна быть легкой. Друг должен помогать нам с радостью. Это предполагает, что мы будем пользоваться его помощью только в самых экстренных случаях. Дружба — это неожиданный дар, а не постоянная благотворительность. Если я стараюсь отплатить другу за помощь, оказывая ему в свою очередь услуги, налагающие на него определенные обязательства (*du ut des*), я превращаю свою дружбу в вымогательство и вынуждаю друга защищаться. В таком случае предпочтительнее в открытую договориться о взаимных обязательствах. Самое подходящее место для получения выгоды — рынок, а не дружба. Я не могу требовать себе по праву то, что другой однажды отдал мне с радостью, в порыве чувств. Если друг принадлежит к числу власть имущих, лучше всего стараться не прибегать к его помощи.

Аристотель посвятил немало страниц «Никомаховой этики» рассуждениям о формах дружбы между людьми неравными¹. Возможна ли дружба между бедным и богатым, образованным и невежественным, взрослым и ребенком? Существует общая тенденция считать, что такая дружба невозможна. Например,

¹ См.: Аристотель. Никомахова этика, гл. IX. Мы рекомендуем читателю обратиться к литературе (преимущественно на английском языке), показывающей, какое значение имеет в выборе друга совпадение по возрасту, полу, классовой принадлежности, социальному положению. См.: P. Lazansfelde, R. Merton. *Friendship of Social Process* в книге M. Berger, T. Abel, C. H. Page. *Freedom and Control in Modern Society*. New York, 1954, p. 18—66.

К. С. Льюис придерживается именно такого мнения и, чтобы обозначить этот «тип любви», использует термин «привязанность». Без сомнения, явное неравенство делает дружбу невозможной. Однако во многих случаях это неравенство вполне преодолимо, если друзья помещают его «в скобки». На практике это означает, что тот, на чьей стороне превосходство и власть, должен предоставить их полностью в распоряжение друга. А друг не должен этим пользоваться. Более того, ему следует приучить себя не испытывать в этом нужды. Вот тогда дружба станет возможной, ибо она будет основана не на неравенстве и потребительском отношении, а на том, что каждый из друзей уникален, на том, что способствует развитию личности другого.

При виде друга следует забывать об услугах. Дружба сродни смирению. Она может существовать, только позабыв о себе самой¹. Не бывает дружбы без уступок существующему положению вещей, без ожидания, которое не должно, однако, стремиться к достижению цели, ибо достижение цели всегда ведет к получению избытка желаемого. Поэтому дружба — это самоограничение в желаниях. Но без отречения, без страданий. Это умение размышлять, довольствоваться тем, что есть, обходиться без сиюминутных, страстных желаний. Дружба не выносит ни зависти, ни скупости. Она благословляет все, что мы имеем. В дружбе осуществляется переход от индифферентного состояния к радости. Я не хочу желать, чтобы не разочаровываться, но если мне что-нибудь удастся, я воспринимаю это как великую радость, как чудо.

Все, что обладает ценностью, а значит и дружба, предполагает переход от «ничего» ко «всему». Чтобы было изобилие, нужна пустота. В любви экстаз рожда-

¹ Тут наблюдается одно загадочное явление. Если я счастлив, это означает, что я сам себе уже безразличен. Мое максимальное «я» — это уже не я сам. Прекрасная смерть — это когда мы умираем за других. Наступает враг, мы бесстрашно бросаемся вперед, чтобы защитить своих, и умираем без боязни. Наша природа требует от нас, чтобы мы были частью более сложной сущности, чем мы сами. И тогда наши желания исчезают. Но это не постоянное состояние души, ибо длится оно один только миг.

ется из отчаяния. В дружбе удовлетворение возникает из ограничения желаний.

Однако отказ от желаний не приносит счастья. Тот, кто испытывает счастье, отказываясь от своих желаний, теряет способность радоваться. Отказ от желаний в дружбе — не героический поступок. Скорее это избавление от дурных намерений. Как только мы осуществим тот тип равенства, который основан на щедрости, с одной стороны, и на бескорыстии, с другой, каждый из друзей сможет спокойно обратиться к другому с просьбой. В отношениях с другом унижение невозможно. Попросить о чем-нибудь друга — не проблема, это так же естественно, как угощать, дарить.

2. Почему же во всех других ситуациях обращение с просьбой содержит в себе элемент унижения? Скажем, просьба увеличить зарплату? Потому что, когда мы просим о чем-то, мы тем самым как бы даем другому в будущем власть над собой, попадаем к нему в зависимость. Если он отказывает нам, наша позиция оказывается еще слабее, а его — еще сильнее. Профсоюзы не просят, они требуют. Рабочие добились очень многого, перестав просить. Они поняли, что просить бесполезно. Унижение ничего не дает. Теперь они не просят, а борются, требуют. Обычно те, кто требуют, считают, что делают это по праву, и нередко прибегают к угрозам. То есть просят, но с оружием в руках. Это то же самое, что и отнимать. Но отнимать то, на что имеешь право. Когда мы отнимаем у вора, право и сила — на нашей стороне. Если же мы только просим, мы не можем даже сослаться на то, что имеем на это право. У человека возникает ощущение несправедливости, когда он знает, что пришло время добиваться того, что ему полагается по праву, но у него не хватает смелости заявить об этом решительно. Ему говорят: «Ты прав, с тобой поступили несправедливо». Но никто пальцем для него не пошевелит. Наоборот, некоторые бывают даже довольны, им доставляет радость его унижение. Существует определенная жестокость в принятой манере обращаться с бедными, слабыми, несчастными. И определенное

удовольствие видеть другого униженным. Человеку пришлось уйти, его унизили, перед ним захлопнули дверь, в такой ситуации он осознает свое право, но у него не хватает сил требовать. Он умоляет, просит. Дистанция между ним и «сильным мира сего» растет, становится бесконечной. При такой огромной разнице в силе избежать унижения можно только с помощью контрсилы. Только став сильным, можно реализовать свои права. Требование предполагает наличие силы, возможность столкновения, борьбы. Коллективная солидарность, осознание своих прав, подготовка к столкновению неотделимы друг от друга. Это различные проявления одного и того же процесса. Поэтому просить не унижаясь, просить то, что тебе полагается, всегда означает просить «с оружием в руках». Даже когда мы обращаемся с просьбой к служащему на почте или к продавцу в магазине и получаем отказ, у нас есть возможность настаивать или жаловаться. Если продавец нам отказывает, мы обращаемся к директору. Владелец магазина не может запретить нам устроить скандал, который произведет отрицательное впечатление на других клиентов. При системе узаконенных взаимных обязательств тот, кто находится по другую сторону прилавка, обязан удовлетворить клиента. В противном случае продавца ждет наказание. Значит, клиент обладает определенной властью. У нас есть власть даже над теми, кого мы любим. Мы можем заставить их страдать, если они не согласятся выполнить наши требования.

А вот над другом у нас никакой власти нет. Мы не протестуем, не прибегаем ни к каким репрессивным мерам. Ничего похожего. Мы просто просим, и он дает нам то, что мы просим. Эта просьба не унижает нас, ибо она не способствует усилению его власти. Мы рассчитываем на друга, вот и все. Обращаясь к нему с просьбой, мы надеемся на его хорошее к нам отношение. Происходит встреча двух равных людей, благожелательно относящихся друг к другу. Между ними существует молчаливый договор, по которому тот, кто просит, получает желаемое. «Просите, и дано будет вам; стучите,

и отворят вам». Но без молитв, разумеется, а просто так, как стучат в дверь к другу. Друг откроет, если вы постучите, не откажет, если вы попросите, и не потребует никакого вознаграждения.

3. В чем разница между похвалой друга и похвалой начальника? В том, что начальник хвалит, сохраняя дистанцию. Если, хваля, он относится ко мне как к равному, то становится моим другом. С другой стороны, если он относится ко мне как к равному, значит, и я могу похвалить его. Иными словами, это значит, что он тоже воспринимает меня как руководителя, относящегося к нему как к равному. Дружба — это два человека, каждый из которых мог бы руководить другим. Дружба — движение, направленное на создание превосходства и в то же время на отказ от превосходства. Вот почему друзьям часто удается избежать непримиримых противоречий. Дружба — это всегда встреча двух людей, решивших встать на один и тот же уровень, признающих друг друга свободными и не задающихся вопросом, кому из них принадлежит ведущая роль, а кому — второстепенная. Это процесс осуществления равенства.

Бывает, что механизм, обеспечивающий равенство, дает сбой, и тогда дружба прекращается. Это случается обычно тогда, когда жизненные обстоятельства очень благоприятствуют одному и совсем не жалуют другого. Привыкшие к состоянию равенства друзья не могут преодолеть возникающих различий. У Пиранделло есть рассказ, иллюстрирующий этот сбой механизма равенства. Двое крестьян 11 лет бок о бок проработали на одной ферме. Каждый вполне доверял другому. Между ними никогда не было никаких разногласий. Оба они были женаты и имели одинаковое количество детей. Одним словом, они во всем были похожи друг на друга. Но вот жена одного из друзей, забеременев в шестой раз, умирает. Овдовевший крестьянин, обезумев от горя, не позволяет другу ни говорить с ним, ни прикасаться к себе. Через три дня он собирает вещи и вместе с детьми уезжает. Другу, который пытается

его удержать, он говорит, что не в состоянии здесь оставаться. Он чувствует, что не сможет жить в новой ситуации. Теперь, когда он остался один с ребятами, ему уже не сохранить прежних, независимых отношений с другом. Ведь он постоянно будет нуждаться в помощи друга и его жены. Обычно дружбе удается победить многие виды неравенства. Было бы ошибкой считать, что она возможна только между людьми с одинаковым доходом, принадлежащими к одной и той же социальной группе. Но есть ситуации, в которых неравенство уничтожает или отравляет любой тип дружбы. Например, при абсолютной единоличной власти, обязательным условием которой является недоверие ко всем, принижение всех. Монарху «милостью божьей» нет нужды принижать других, его превосходство общепризнано. У наследственной аристократии тоже есть общепризнанные «ранговые» уровни, снижающие степень соперничества. Но при деспотизме нового образца (вспомним Муссолини, Гитлера, Сталина) бороться за власть могут все. У того, кто наверху, всегда есть причина опасаться своих подчиненных. Поэтому он должен полностью поработить их. Если бы мы захотели представить себе нечто абсолютно противоположное понятию «друг», мы должны были бы вспомнить о диктаторе. Всем, кто находится с ним рядом, угрожает опасность, и они должны знать об этом. Им не следует даже между собой заводить слишком близкие отношения. Ибо их могут заподозрить в заговоре. У деспотов не бывает друзей, они испытывают страх перед дружбой, которая может обернуться заговором против них. Дружба — добродетель демократического, республиканского строя.

Глава VII

1. Мы знаем, что все вещества с точки зрения физики могут находиться в трех состояниях: твердом, жидком и газообразном. В общественной жизни тоже можно выделить три состояния¹.

Первое состояние — изменяющееся, горячее, страстное, обладающее огромной притягательностью и проникнутое глубоким чувством солидарности. Но оно не прочно и легко переходит в два других состояния. Используя выражение Макса Вебера, я назвал его *состоянием зарождения*.

Второе — это состояние *установления*. К нему приходят, как правило, через состояние зарождения, преодолев несколько стадий. Каждая стадия включает в себя момент выбора, волевой акт. Установление — это то, к чему мы стремились, что старались удержать, сделать реальностью, когда оно только еще мерещилось нам в состоянии зарождения. Установление тоже основано на вере и на прочном чувстве солидарности. Но оно не бывает таким пылким, как состояние зарождения; оно сдержаннее и устойчивее.

Третье состояние — я назвал его *повседневным* — результат ослабления и исчезновения состояния установления. Повседневность отличается невысокой степенью солидарности и прагматическими отношениями, имеющими своей целью получение выгоды.

Эти три состояния встречаются в очень многих социальных структурах. Различные социальные структуры, когда они находятся в одинаковых состояниях, обладают сходными чертами. И наоборот, одни и те же структуры, находящиеся в разных состояниях, могут

---

¹ Системное изложение этой теории можно найти в книге: F. Alberoni. Movimento e istituzione. Об особенностях влюбленности как состояния зарождения, любви — как состояния установления и о состоянии повседневности см.: F. Alberoni. In matrimonio e amore.

значительно отличаться друг от друга. Чтобы слишком не утомлять читателя, перейдем к примерам.

Начнем с пары, или с диады. В этом случае *состоянию зарождения* соответствует влюбленность. Два человека ранее даже не были знакомы, а если и были знакомы, не испытывали друг к другу никакого особого влечения. Потом неожиданно что-то произошло. Влюбившись и оказавшись в состоянии зарождения, они другими глазами стали смотреть друг на друга, на окружающий их мир, на свое прошлое. Состояние зарождения означает возрождение, новое начало. Оно порождает сильнейшее чувство солидарности. Два индивида оказываются во власти некой объединяющей силы, воодушевляющей их и притягивающей друг к другу.

Эта же пара через несколько лет дает нам пример *установления* (второе состояние). Двое влюбленных справились с разделявшими их препятствиями и приняли решение жить вместе. Возможно, они поженились и у них родились дети. Теперь они превратились в единую пару, но без прежней страсти и подъема. Более того, время от времени они тоскуют по прошлому. Теперь, однако, у них нет даже сомнений, которые мучили их в пору влюбленности. Тогда восторги чередовались со страданиями. Установление — результат выбора, это то, к чему они стремились. В состоянии зарождения все кажется возможным, но не все бывает возможным. Все кажется преодолемым, но выясняется, что очень многое изменить нельзя. Приходится что-то выбирать, от чего-то отказываться. А в состоянии установления мы уже прочно владеем всем, что у нас есть.

Теперь представим себе двух утомленных жизнью супругов, ведущих размеренную жизнь, соединенных скорее заботой, чем страстью, скорее соображениями взаимного удобства, чем сильной любовью. У них нет даже уверенности в ценности того, что они имеют, в правильности сделанного выбора; они не гордятся тем, что одержали победу над препятствиями. Это уже не установление, это — *состояние повседневности*, бытовой союз.

Особенности *состояния зарождения, установления*

и повседневности можно найти и в жизни групп. Возьмем, например, какую-нибудь религиозную группу. Мы могли бы с тем же успехом привести в пример политическую группу или какое-нибудь культурное объединение. Для нас важно, что мы подвергаем ее анализу в момент *зарождения*. Наблюдая религиозную группу в этот период, мы находим в ней людей, одержимых идеей божественного откровения, страстно верующих и питающих большие надежды на обновление. Все христианские группы, до и после Реформации, начинали с попыток глубже, точнее следовать заповедям Евангелия. Мы находим в этих группах братство¹, стихийный коммунизм, жизнерадостность. Прошлое представляется темным и полным ошибок. Зарождение — это время восторгов, благословенное время первых шагов.

Затем эта же религиозная группа превращается в секту. Она *устанавливает* определенные правила, прекращает все внутренние теологические дискуссии. Секта уже далека от восторженных порывов первых дней; теперь уже стало ясно, что установление царства божьего на земле — дело долгое. Члены секты все еще зовут друг друга братьями. Но от первоначального стихийного коммунизма ничего не остается. Не остается ничего и от восторгов и крайностей первых дней. Секта установила для себя нормы, определила поле своей деятельности, выбрала себе пастырей. Солидарность перестала быть страстной, волнующей. Но она продолжает существовать, и каждый может на нее рассчитывать. Это и есть установление.

Группа может достичь и третьего состояния — *повседневности*. Секта уже существует как сложившаяся структура. Никто не становится ее членом через обращение в новую веру. Она состоит из тех, кто родился в этих местах, кто ходит в церковь потому, что

¹ Группа в состоянии зарождения напоминает то, что В. Турнер называет *communitas*. См.: V. Turner. *Processus rituale*. Brescia, 1973. Но у Турнера *communitas* — не зарождение общественного движения, и даже не цель, не идеал установления. Это, если пользоваться принятой нами терминологией, установление особого типа.

так поступали его родители. Приходы хиреют. Священники озабочены больше мирскими делами, чем божественными. Прихожан не объединяет больше чувство прочной солидарности. Все еще в ходу слово «брат», но услышать его можно только во время богослужения. То, что было выражением взаимной горячей любви, превратилось в элемент ритуала.

Совершенно очевидно, что состояние зарождения у пары (влюбленность) имеет много общего с состоянием зарождения в группах: чувство слияния друг с другом, солидарность, душевный подъем, устремленность в будущее. То же самое можно сказать и о состояниях установления и повседневности.

И в парах, и в группах, и даже в крупных религиозных и политических структурах состояние зарождения неустойчиво и недолговечно. Оно постепенно переходит в состояние установления. Процесс перехода от состояния зарождения к установлению мы назовем *движением*. Движение всегда ограничено временными рамками. Различные движения в свою очередь могут сливаться, образуя еще более сложные социальные явления. Иудаизм, христианство, ислам возникали как движения. Сначала они тоже прошли через состояние зарождения, благодаря которому возникла основа для установления. Затем в них вливались другие течения, признанные первоначальной доктриной, в результате чего их структура все более усложнялась. Я называю иудаизм, христианство и ислам *культурными цивилизациями*. С помощью заложенной в них творческой энергии они сумели передать свой «язык» другим движениям.

2. Внеся ясность в основные социологические теории, займемся выяснением следующих вопросов: бывает ли дружба только парной или она может быть групповой? К какому состоянию тогда она относится? К состоянию зарождения, установлению или повседневности?

Начнем с первого вопроса. Основное ядро дружбы — пара или группа? Античная традиция говорит

вполне определенно: пара. Древние оставили нам множество историй о друзьях, готовых отдать жизнь друг за друга. Дамон и Финция, Кастор и Полидевк, Патрокл и Ахилл, Орест и Пилад, Эвриал и Нис. И все же неразлучные, «моногамные» пары друзей встречаются крайне редко. Обычно дружба не стремится создать «закрытую», самодостаточную пару. Такая тенденция характерна скорее для влюбленности. Влюбленность — это состояние зарождения коллективной структуры, состоящей только из двух человек. Эти двое строят отношения, основанные на сильнейшем чувстве солидарности, и входят в состав более многочисленных социальных структур как единое целое. Дружба, в отличие от влюбленности, не тяготеет к замкнутости. Двое друзей бывают рады, когда к ним присоединяется третий или даже четвертый. Нужно только, чтобы эти вновь присоединившиеся, по крайней мере в тот момент, вели себя как настоящие друзья. Вспомним Данте: «О, если б, Гвидо, Лапо, ты и я подвластны скрытому очарованью...»¹ Должны ли мы заключить отсюда, что ядром дружбы является группа? Ни в коем случае, дружеские отношения всегда остаются строго межличностными, в их основе лежит предпочтение, и их не следует путать с групповой солидарностью. В следующих главах мы поговорим об этом подробнее.

А теперь перейдем ко второму вопросу. Дружба — это состояние зарождения, установления или повседневности? И в этом случае ответ будет аналогичен ответу на первый вопрос. Ни то, ни другое, ни третье. Дружба не является коллективной структурой, подобно паре или группе, она не формируется в состоянии зарождения и не проходит стадии установления и повседневности. Дружба осуществляется с помощью встреч и продолжается благодаря им. Если мы взглянем на дружбу со стороны, с точки зрения социологии, она предстанет перед нами как *пульсирующая солидарность*. Индивидуумы расположены не по кругу, как в армии, в поселе-

¹Данте Алигьери. Малые произведения. М., «Наука», 1968, 12 (II).

нии, в лагере или в городе, а образуют некую цепь, выстраиваясь друг за другом. Скорее они напоминают путешественников, коммивояжеров, исследователей, которые встречаются и расстаются, чтобы потом встретиться снова. Могут они и постоянно находиться вместе, как бы совершая одно и то же путешествие до конца жизни. А могут встретиться один лишь раз. Нелепо поэтому пытаться подменять дружбу солидарностью между членами партии, секты, жителями одного города. Или пытаться заменить дружбой любовь. Я могу говорить с другом о своей любви, но он не может заменить мне ее. Дружба — это сеть межличностных отношений, которые накладываются на все области коллективной солидарности, будь то парная, групповая или религиозная солидарность.

Если же мы посмотрим на дружбу изнутри, нам откроется ее *сетевая структура*. В центре — несколько глубоких чувств, которые постоянно обновляются и как бы открываются заново и на которых держится все строение дружбы. От них сотни лучей расходятся по всем направлениям. Каждый луч — это встреча или несколько встреч с одним человеком. Жизненная энергия никогда не останавливается, она движется по цепи, вспыхивая то в одном пересечении, то в другом. При этом сама сетевая структура беспредельна. Всегда существует вероятность новой встречи, которая в какой-то мере приводит к пересмотру всей структуры. Когда кончается дружба, вся сетевая структура полностью меняется. Энергия начинает двигаться по кругу. Но если дружба замыкается в кругу этнической, политической или религиозной солидарности, если оказывается неспособной на контакт за пределами этого круга, она что-то теряет. Ибо основа ее сетевой структуры — индивидуальная встреча. А вероятность встретить человека, который сделает нас душевно богаче, пройдет с нами часть жизненного пути, воодушевит нас, укажет нам возможную цель, существует всегда.

3. Вопрос, особенно часто вызывающий споры: возможна ли ревность в отношениях между друзьями? Толь-

ко что мы говорили о том, что в принципе к двум друзьям может присоединиться третий или даже четвертый и что дружбе не свойственна нетерпимость. Тем не менее среди друзей встречаются случаи самой настоящей ревности. Особенно в юношеской дружбе, у которой много общего с влюбленностью. Но, с другой стороны, у каждого из нас один или несколько раз в жизни бывали такие моменты, когда мы чувствовали себя покинутыми и униженными, видя, как наш лучший друг (или лучшая подруга) увлекся другим человеком и перестал обращать на нас внимание. И все же ревность ли это? Не правильнее ли будет считать, что в данном случае речь идет о разочаровании? Каждый из нас ждет от друга взаимности, любви, внимания. Если же всего этого нет, если друг к нам безразличен, значит, он ведет себя не как друг. Он подвергает риску нашу дружбу не потому, что вызывает у нас ревность, а потому, что ведет себя недостойно. Когда мы говорим, что к двум друзьям может присоединиться третий и четвертый, мы вовсе не имеем в виду образование новой группы, из которой будет исключен первый друг. Появление нового друга не означает, что старый должен быть забыт.

По-моему, слово «ревность» следует употреблять только применительно к таким ситуациям, когда мы не можем «делить» нашего любимого ни с кем, когда мы хотим, чтобы он думал только о нас, и ни о ком больше, и даже сама мысль, что он может поступить иначе, лишает нас покоя. Девиз ревности такой же, как и у древнего бога израильтян: «И не будет у тебя другого бога, кроме меня». Но и этого мало. О ревности может идти речь тогда, когда мы убедимся, что тот, кто ревнует, боится измены. Ревнивец — это человек, одержимый страхом, что его могут покинуть, что ему предпочтут другого.

Такая ревность встречается редко даже среди влюбленных, а если и возникает, то ненадолго. Находясь в состоянии зарождения любви, мы верим человеку, которого любим, мы уверены в нем. Но страх, что любимый уйдет, изменит, страстная потребность держать

его под контролем часто приводят к решению начать совместную жизнь, к браку. Эти чувства свидетельствуют скорее о любви к власти, чем о любви к человеку.

Такой тип ревности абсолютно несовместим с дружбой, ибо у дружбы не бывает ни властелинов, ни рабов. Несовместимо с дружбой и стремление к замкнутости. Дружеские отношения должны быть открытыми, свободными, спокойными. Если дружба порождает в нас угнетенность, значит, что-то в ней неладно, и тогда рано или поздно наступит кризис.

А вот чувство покинутости, горечь обиды вполне понятны и допустимы в дружбе. В них нет ничего от стремления к власти, они не плод воспаленного воображения. Если друг предпочитает мне другого, он больно ранит меня, если он невнимателен ко мне, я страдаю. Видимо, в нашей дружбе появилась трещина. И не я в этом виноват, а он. Мои обиды — это только выражение тревоги, вызванной его несправедливым и опасным для нашей дружбы отношением ко мне.

Глава VIII

1. В *состоянии зарождения* индивиды видят друг друга в искаженном свете, они попадают под взаимное эротическое обаяние, кажутся друг другу необыкновенными. Но при этом их личности плохо дифференцированы и поэтому вполне заменяемы. В этой всепоглощающей кипящей лаве индивидуальность растворяется, и только через некоторое время начинают обозначаться ее неповторимые черты.

Рассмотрим подробнее этот процесс на примере влюбленности. Влюбившись, мы поначалу ничего не знаем об индивидуальности, о конкретных качествах любимого. Мы понимаем, что любим его, прежде чем нам становится известно, где он живет, есть ли у него братья и сестры, отец и мать, беден он или богат, здоров или болен. Чтобы сделать ему приятное, мы должны знать его вкус. Но мы предпочитаем радовать его собой, своим присутствием, своей преданностью. Мы считаем, что его интересует только одно — наша любовь, и поэтому показываем ему, насколько она велика. С другой стороны, он нравится нам таким, какой он есть. Значит, и мы можем нравиться ему такими, какие мы есть. Нас не волнуют его заботы. Его привязанности тоже мало нас интересуют. Узнав о них, мы умиляемся подобно Вертеру, которого восхищала любовь Шарлотты к маленьким братишкам и сестренкам. В подобных ситуациях мы замечаем только «добродетели Шарлотты», а сами по себе младшие сестры и братья никакого интереса у нас не вызывают.

Разница между влюбленностью и дружбой станет для нас особенно очевидной, если мы приглядимся к тому, как влюбленные и друзья выбирают подарки. Влюбленный выбирает такой подарок, который мог бы сделать в его глазах предмет любви еще более желанным и еще более прекрасным. Первое, что делает влюбленная женщина, — меняет свой гардероб так, чтобы

угодить любимому. Затем она полностью меняет его гардероб, чтобы все, что в нем есть, отвечало ее вкусу. Она полюбила его таким, каким он был раньше, но хочет, чтобы он стал другим. Своими подарками она старается изменить его, приблизить к идеалу, существующему в ее воображении. Влюбленный мужчина тоже стремится своими подарками подчеркнуть или сделать еще более выразительной красоту любимой женщины. Ни один из влюбленных, в сущности, не дарит того, что нравится другому, не старается исходить из его вкусов. Даря подарки возлюбленному, мы стараемся сделать его более желанным для нас самих.

А вот для друга мы выбираем подарок так, чтобы он ему понравился, сделал его духовно богаче, принес пользу ему самому. Разумеется, мы можем подарить и что-нибудь для него неожиданное, незнакомое, но при этом мы всегда предполагаем, что наш подарок его заинтересует, придется по вкусу, принесет радость. Выбирая подарок другу, мы не стремимся сделать друга красивее, привлекательнее, желаннее для самих себя, мы хотим угодить ему. А не наоборот, как это делают влюбленные, заставить его соответствовать своему идеалу.

Повседневные потребности и будничные заботы любимого человека нас не тревожат. Мы предполагаем, что в нем, как и в нас самих, происходит душевный переворот.

Когда мы говорим любимому (любимой): «Ты меня не понимаешь», мы имеем в виду, что он (она) не интересуется нашими ежедневными делами, не любит. Ибо любить означает предать забвению повседневность, бесконечные будничные хлопоты. Человека, который любит, беспокоит только то, что он считает главным, а главное — вовсе не совокупность всех «деталей», из которых состоит другой. Главное важнее деталей, они приобретают значение только через главное. Когда мы любим, любая деталь становится прекрасной. У влюбленных их эмпирическое «я» утрачивает свое значение рядом с «я», возникающим как результат любов-

ного слияния. «Я» как бы рождается вновь, и суть его в этом втором рождении.

Влюбленность говорит нам: давайте любить друг друга, а остальное приложится. Если один из влюбленных чем-то озабочен, другой видит в этом лишь препятствие. «Пока ты со мной, — говорит он, — ни о чем не думай. Пусть эти часы ничем не омрачатся. Забудь о ничтожных, низменных делах. Не принижай того, что по природе своей сродни чуду». Нет, влюбленный совсем не склонен влезать в шкуру другого, обременять себя его проблемами. Любовь требует быть выше этих проблем, оставить их в стороне и двигаться туда, где они покажутся ничтожными. На самом деле цель влюбленности состоит не в том, чтобы удовлетворять потребности и вникать в проблемы индивида, а в том, чтобы *создать новую общность*. Все, что мешает этому процессу и тормозит его, следует отметать и оставлять без внимания. Только тогда, когда новая общность уже создана, можно снова обрести интерес к личности как к таковой. Тогда на первый план опять выходит взаимопонимание.

Позднее, после того как пара уже образовалась, начинается длительный процесс открытия, признания каждой индивидуальности, приходит умение уважать ее такой, какая она есть. Любовь, обратившись к своей сущности, овладевает наукой проникать в конкретные, земные желания любимого. Она начинает заниматься поисками того, что он любит, и отказываться от того, чего он не любит. Проникаться его заботами. Именно в этом и состоит переход от влюбленности к любви.

2. Влюбленность, пока она не кончилась, делает любимого существом непознаваемым. Если мы после долгих лет разлуки по-прежнему влюблены в человека, значит, мы по-прежнему не знаем, что он действительно из себя представляет, о чем он думает. Если наша любовь не прошла через испытание буднями, если она была прервана, мы так и не узнаем, любил ли нас этот человек на самом деле или нет. Влюбленный никогда не

бывает уверен в чувствах любимого, если любимый не говорит о них сам. Только тот, кто не влюблен, может по особенностям поведения и поступкам другого заключить, что этот другой влюбился. Тот, кто не любит, полагается на свой разум. Влюбленный живет надеждой.

Влюбленность может развиваться, стабилизироваться и превратиться в глубокое взаимное чувство. А может и потерпеть поражение. В последнем случае ей, как правило, не удастся угаснуть спокойно и плавно. Конец ее всегда драматичен, всегда причиняет боль. И обязательно влечет за собой разочарование. Влюбленность — это поиски взаимности, попытка определить границы возможного. Каждый требует от возлюбленного то, чего у другого нет, либо то, чего другой дать не может, что он не в силах сделать. И каждый может встретить отказ. Отчаяние, вызванное этим отказом, затрагивает самые сокровенные стороны личности: те струны, из которых состоит наше «я». Именно об эти препятствия, об эти отказы и разбивается любовь. Влюбленный воспринимает отказ как непростительную слабость, как нелепую ограниченность. Если предмет любви не выполняет его просьбу, ему начинает казаться, что он недостаточно любим. Поэтому он тут же говорит «нет» и уходит, думая про себя: раз для меня не могут сделать даже такой малости, значит, меня не любят. Благополучное развитие влюбленности всегда нарушается какой-нибудь ничтожной причиной, которая, казалось бы, никак не должна была вызвать серьезных последствий. Но именно ее ничтожность и заставляет нас думать, что нас почти не любят или любят недостаточно сильно. Любовь или есть, или ее нет, у нее не бывает степеней, и тот, кто считает, что его любят недостаточно глубоко, предпочитает вообще отказаться от такой любви.

Итак, оба отрекаются от любви, потому что им кажется, что они недостаточно любимы. Оба приходят к такому заключению, после того как каждый отказал другому в просьбе, которую мог бы исполнить. Но проходят годы, влюбленность остается в прошлом,

то, что казалось ничтожным препятствием, обретает свой истинный смысл и оказывается главным свойством натуры. Все случайные препятствия были связаны с основными качествами характера, с его стержнем, на который наталкивалась любовь в процессе бурной деформации. То чувство, которое казалось недостаточно глубоким, теперь, когда уже накоплен жизненный опыт, представляется нам очень большим, даже огромным. То, что мы считали заносчивостью, было на самом деле неуверенностью и страхом. То, что нам казалось легкомысленным, было глубоко и серьезно, а то, что мы принимали за нерешительность, было следствием отчаяния. Лишь по прошествии времени люди могут объективно взглянуть друг на друга, поставить себя на место другого.

3. Общеизвестна банальная мысль (миф, передающийся из уст в уста в самых разнообразных вариантах), суть которой заключается в том, что влюбленность, даже если она кончается плохо, ведет к дружбе. Двое влюбленных, которым раньше влюбленность мешала понять и лучше узнать друг друга, обнаруживают, что теперь им это легче сделать и что, освободившись от страсти, они стали любящими друзьями. На самом деле все обстоит иначе. Когда кончается влюбленность, всегда остается горький привкус обиды. Даже через несколько лет каждый из влюбленных считает другого виноватым в том, что они не сохранили и не сумели вернуть себе потерянный рай. Бывшие влюбленные хотели бы вновь пережить восторженные порывы первых дней, а так как на их пути, кроме них самих, нет никаких других препятствий, они обвиняют друг друга в неспособности оживить давно умершее. Их захлестывает тоска, а из тоски рождается досада. Прежде всего это относится к тому из двоих, который считает, что он страдал сильнее, что его обманули. Поэтому, что бы ни говорили по этому поводу, а главное, на что бы ни надеялись влюбленные в такой ситуации, влюбленность, умирая, крайне редко переходит в прочную дружбу. Чаще она оставляет в душе желание

во что бы то ни стало держать другого под контролем, владеть его мыслями, его вниманием, не оставляя его ни на минуту одного. Когда любовь кончается плохо, она нередко превращается в тупое, упрямое стремление к обладанию. Это стремление остаться в сердце другого может подвигнуть на великие, героические поступки; способных к творчеству оно может вдохновить на создание произведений искусства. Но в натурах убогих и мало развитых духовно это стремление может вылиться в упреки и обвинения, порой доходящие до брани, до анонимных писем.

Дружба между бывшими влюбленными маловероятна именно потому, что в них продолжают жить мечта о потерянном рае и обида на человека, который не смог когда-то осуществить эту мечту и не способен воскресить ее теперь. Дружба может возникнуть только после того, как все эти призраки рассеются. Обычно это происходит тогда, когда каждый из бывших влюбленных влюбляется снова. Только новая любовь сглаживает обиду. Только счастливая новая любовь может исцелить прошлое своим очистительным огнем. И только тогда, когда эта новая влюбленность станет прочной любовью, бывшие влюбленные смогут спокойно встречаться снова. Дальнейшее будет зависеть от их истинных достоинств. Друг — беспощадный судья, не допускающий никаких отклонений от истины. Если у бывших влюбленных были качества, ценность которых признает даже холодный рассудок, между ними может возникнуть дружба.

Дружба не является продолжением любви. Она вновь открывает некогда любимого человека. Но смотрит на него уже не теми восторженными глазами, которыми влюбленные смотрят друг на друга в состоянии зарождения, а внимательным взглядом друга в момент встречи. Прошлое в таких ситуациях отнюдь не потеряно. Оно становится фоном, на котором возникает прочная солидарность.

Почему же люди так часто повторяют: «Мы остались хорошими друзьями»? Возможно, они хотят лишь

сказать этим, что им удалось сохранить хорошие отношения, что они не держат зла друг на друга и забыли об обидах. Или что они испытывают чувство привязанности друг к другу. Два человека, любившие друг друга и переставшие любить, могут объединиться перед лицом опасности, прийти на помощь друг другу. Они поступают так, потому что знают друг друга и потому что у них за плечами общее прошлое. Для каждого из них другой является «ближним», которому он должен помочь и перед которым он немного в долгу.

Часто, однако, люди говорят «мы остались друзьями» именно тогда, когда им нужно скрыть, что в их душе продолжают жить неутоленное желание и глубоко запрятанное чувство обиды. Им хочется убедить самих себя в том, что они смогли победить демонов. «Аполлоновская» дружба нужна, чтобы преодолеть искушение и страх перед «дионисийским» началом. И наконец, иногда эти слова означают всего лишь то, что двое бывших влюбленных сохранили светские, вежливые отношения, не отравленные ненавистью. Мэрилин Монро и Артур Миллер после развода продолжали хорошо отзываться друг о друге и не уставали повторять, что остались добрыми друзьями. А на самом деле? На самом деле они больше не встречались. Возможно, они хотели убедить самих себя, сами в это поверить. Такие примеры, однако, только лишний раз подтверждают, насколько трудно бывает в реальной жизни прийти к дружбе через любовь.

4. А теперь мы можем задать себе такой вопрос: действительно ли хорошо известные примеры дружбы древних представляли собой различные формы дружеских отношений или же их следует рассматривать исключительно как случаи влюбленности? В одном из своих юношеских произведений, «Лисиде», Платон рассуждает о дружбе. Но современному читателю может показаться, что он объединяет дружбу, эротику и гомосексуальную влюбленность. В этом произведении Платон приводит сначала рассказ Сократа о своей беседе с Гиппоталом: «Но тебе-то кто кажется красивым,

Гиппотал? Ответь мне». Однако Гиппотал, услышав этот вопрос, покраснел, и тогда я сказал: «Сын Гиеромина, Гиппотал! Можешь и не говорить, влюблен ты в кого-нибудь или нет: я вижу, что ты не только влюблен, но и далеко зашел в этой своей любви»¹. Ктесипп же добавляет затем, что Гиппотал беспрестанно говорит о Лисиде, что он сочиняет в честь своего возлюбленного стихи и песни, которые поет по ночам. Для нас тут не может быть сомнений: Гиппотал влюблен в прекрасного Лисида, безумно влюблен.

В одной из своих последних книг американский ученый, имя которого здесь уже упоминалось — Райзман, — в качестве типичного примера личной дружбы приводит отношения между Ионафаном, сыном Саула, и Давидом. Вспомним: Давид вызвал на поединок Голиафа и одержал над ним верх, принеся победу Израилю. За это он был представлен царю Израиля, и тот говорил с ним. В Библии сказано: «Когда кончил Давид разговор с Саулом, душа Ионафана прилепилась к его душе, и полюбил его Ионафан, как свою душу... Ионафан же заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу. И снял Ионафан верхнюю одежду свою, которая была на нем, и отдал ее Давиду, также и прочие одежды свои, и меч свой, и лук свой, и пояс свой»². Трудно отделаться от впечатления, что Ионафан с первого взгляда влюбился в юного и прекрасного героя. И похоже, что эта любовь Ионафана — односторонняя и безответная. Отсутствие взаимности — характерный признак влюбленности, в то время как для дружбы типична именно взаимность. Без взаимности дружба не может продолжаться. Это заметил Аристотель, который писал: «Желающих вообще благ именно таким образом называют расположенными (ευποι), если то же самое желание не возникает у другой стороны, потому что при взаимном расположении (ευποία) возникает дружба»³. Друзья должны общаться на равных, равновесие сил между ними

¹ Платон. Диалоги. М., 1986, с. 270.

² 1-я книга Царств, 18.

³ Аристотель. Соч. в 4-х томах, т. 4. М., 1984, с. 221.

не должно нарушаться. Безответная любовь сосредоточивает всю власть в руках одной стороны — той, которая не любит. В этом состоит несправедливость такого типа любви, а дружба не терпит несправедливости.

Особенно интересен случай из биографии Монтеня. У Монтеня был близкий друг — Этьен де Бозси, который умер через несколько лет после того, как они подружились. С тех пор Монтень постоянно оплакивал его и не мог уже найти ему замену. Много лет спустя в «Опытах» он напишет: «И в самом деле, когда я сравниваю всю последующую часть моей жизни, которую я, благодарение Богу, прожил тихо, благополучно и — если не говорить о потере такого друга — без больших печалей, в нерушимой ясности духа, довольствуясь тем, что мне было отпущено, не гоняясь за большим, — так вот, говорю я, когда я сравниваю всю остальную часть моей жизни с теми четырьмя годами, которые мне было дано провести в отрадной для меня близости и сладостном общении с этим человеком, — мне хочется сказать, что все это время — дым, темная и унылая ночь. С того самого дня, как я потерял его, я томительно прозябаю...»¹ Речь идет, следовательно, о всепоглощающей, необычайной любви, оставляющей неизгладимый след в жизни. В другом месте «Опытов» Монтень со всей определенностью заявляет, что истинная дружба, образцом которой была его дружба с Этьеном, «неделима: каждый с такой полнотой отдает себя другу, что ему больше нечего уделить кому-нибудь еще; напротив, он постоянно скорбит о том, что он — только одно, а не два, три, четыре существа, что у него нет нескольких душ и нескольких волей, чтобы отдать их все предмету своего обожания»². Когда мы читаем эти строки, у нас складывается впечатление, что они написаны о чувстве страстной влюбленности. Монтень, сравнивая дружбу с любовью к женщине, опровергает возможность такой интерпретации своей дружбы

¹ М. Монтень. Опыты. Книга первая, гл. XXVIII. М., 1981, с. 180.

² Там же, с. 178—179.

с Этьеном. Но на самом деле любовь к женщине волнует его очень мало. Его привлекает только гомосексуальная любовь-дружба древних греков. Вот что он пишет по этому поводу: «Если бы мог возникнуть такой добровольный и свободный союз, в котором не только души вкушали бы это совершенное наслаждение, но и тела тоже его разделяли, союз, которому человек отдавался бы безраздельно, то несомненно, что и дружба в нем была бы еще полнее и безусловнее»¹. Итак, согласно Монтеню, всепоглощающая, «моногамная» дружба, духовное и телесное слияние — тот вид любви, который приходит на смену влюбленности. Это любовь, построенная на доверии, безмятежная, названная нами на основании используемых здесь социологических категорий установлением: любовь страстная, но обоюдная, желанная, подчиненная разуму. Позиция Монтеня по этому вопросу послужила причиной многочисленных споров именно из-за ее двусмысленности.

---

¹ Там же, с. 174.

Глава IX

1. С древних времен продолжают споры о том, является ли дружба только уделом пары или она может существовать в виде сообщества друзей. Сторонником этого последнего мнения был Эпикур — философ, придававший дружбе особенно большое значение.

Эпикур и его последователи мечтали создать общину друзей, живя в которой можно было бы заниматься самосовершенствованием. Целью всей его философии было создание такой *общины*. «Сад» (так называлась его школа, обязанная этим названием дому с садом, где он проводил время со своими учениками) — это мужской монастырь, созданный Учителем и его последователями. Учителем (сначала им был сам Эпикур) становился тот человек, который познал истину и передавал ее своим ученикам. В эпикурейских *общинах* идеи Учителя не подлежали обсуждению: они внушались всем окружающим. Даже женщинам и рабам (в упрощенном виде). Дружба ли это? Если исходить из принятой нами аналитической системы — конечно, нет. Эпикурейство — движение, которое проходит различные стадии группового состояния зарождения, группового установления и групповой повседневности. Эпикур называл дружбой отношения, которые с социологической точки зрения представляют собой нечто совсем иное: *общину*, становящуюся движением.

Удивляться здесь не стоит, это очень распространенная ошибка. К. С. Льюис пишет: «Вероятно, не будет преувеличением, если мы скажем, что и коммунизм, и тред-юнионизм, и движение против рабства, и Реформация, и Возрождение начинались одинаково (со встречи друзей)»¹. Однако Льюис заблуждается, на самом деле движение отнюдь не начинается с появления группы друзей. Нелепо было бы утверждать, что двена-

¹ C. S. Lewis. I quattro amori, cit., p. 90.

дцать апостолов и Христос в один прекрасный день решили основать движение. А дружки из Медины — Мухаммед, Абу Бекр и Оман — вдруг решили создать ислам. Лютер, Меланхтон, Цвингли и Кальвин и не помышляли о Реформации во время своих застольных бесед. Более того, они узнали друг друга благодаря движению. Их сблизило обращение в новую веру. Конечно, участвуя в движении, мы находим себе друзей. *Но это вовсе не означает, что группа друзей может основать движение.* Наоборот, именно благодаря участию в движении люди становятся друзьями. Но и тут все обстоит не так просто. Действительно, движение в состоянии зарождения образует теснейшие связи, скрепленные солидарностью и братством. Не следует, однако, путать эту разновидность любви с личностной дружбой. Тот, кто участвует в движении, чувствует себя товарищем, братом, камрадом всех остальных. Товарищи (братья, камрады) стремятся слиться воедино и целиком посвятить жизнь служению группе и ее миссии. Движение требует безграничной самоотдачи. В религиозном движении — самоотверженному служению Богу. В политическом движении — партии, Родине, Революции. Это высокое назначение важнее интересов каждого отдельного индивида, который в сравнении с высшими целями — ничто. Когда между индивидом и революцией, между индивидом и божеством возникает конфликт, индивид оказывается раздавленным. Друзья индивида в один миг превращаются во врагов. Сначала они делают все, чтобы переубедить его, но, когда это не удается, на него обрушивается поток ненависти, обвинений в измене.

Внутри движения люди видят друг друга в искаженном свете. И это относится не только к религиозным движениям. Удивительные вещи, например, происходили с феминистками 30-х годов. Они восторженно говорили о своих подругах по движению, которых почти не знали, с которыми едва были знакомы.

Участникам движения, находящегося в состоянии зарождения, кажется, что они принадлежат к республике святых, к сообществу избранных. В эти периоды

все чувствуют себя вождями. Каждый абсолютно свободен и одновременно связан с коллективной судьбой. Поэтому, даже подчиняясь, каждый не испытывает унижения, ибо и он, и его руководитель — лишь исполнители воли стоящей над ними массы. В религиозных движениях нет ни слуг, ни хозяев, а есть только дети господни. Так же как при коммунизме нет *господина* генерала и *солдата* имярек. Есть *товарищ* генерал и *товарищ* имярек. Причем функции первого не менее важны, чем обязанности второго, просто они у каждого свои.

Товарищи и братья в общественных движениях воспринимают друг друга в искаженном свете. Они не друзья, а борцы. Истинная суть личности каждого скрыта. Из предыдущей главы мы знаем, что влюбленность не может проникнуть в реальную природу другого, в его действительные потребности. То же самое происходит и в движениях. Все признают друг в друге своих и начинают превозносить с первого взгляда, все видят друг в друге героев. Все — «превосходные товарищи». Если не считать того, что потом они могут возненавидеть своего бывшего товарища и обвинить в измене. Можно ли назвать такие отношения настоящей дружбой? Нет. Если мы просто ценим в человеке «хорошего товарища», это не означает еще, что между нами завязалась дружба. Конечно, движение порождает тесные связи, солидарность, уважение, сочувственное отношение друг к другу, которые, казалось бы, легко могут персонифицироваться. Через несколько лет (или даже десятки лет) достаточно, чтобы «хороший товарищ» дал о себе знать, и его встретят с распростертыми объятиями. Это напоминает всем известное братство по оружию. Но на самом деле настоящих межличностных отношений здесь нет. Чтобы по-настоящему узнать другого, нужно время, нужны испытания.

2. Великие коллективные движения уравнивают людей. В глазах вождя, перед лицом закона, в коллективном движении дружба кажется непростительной привилегией даже тогда, когда она не предлагает ниче-

го сверх того, что является необходимым. Даже Иисус не смел на людях понимающе кивнуть Иоанну Крестителю. Глядя на фреску «Тайная вечеря», все обращают тем не менее внимание на то, что положение у Иоанна Крестителя привилегированное.

Таким образом, наличие друзей в коллективном движении компенсирует жестокое безразличие вождя или группы. Возможности каждого индивида определенным образом ограничены. Мне могут возразить, что в христианской религии индивид — не только существо с ограниченными возможностями, но и цель. Любить человека таким, какой он есть, — такова цель. Однако в христианских движениях ничего подобного не происходило. Самым большим, на что эти движения оказались способны, было создание диалектики индивид—группа, индивид—вождь. В христианстве коллективная сила тоже стремится растворить индивида в группе. Тот, кто проявляет нерешительность, кто не способен отречься от отца с матерью, обречен. Кто сказал, что христианство — единственное движение, уважающее индивидуальность? Христианство такое же движение, как и все прочие.

Движение с момента своего зарождения помещает себя за пределы добра и зла¹. Этика движения начинается только тогда, когда оно признает, что возможности группы тоже могут быть ограничены. С точки зрения диалектики «индивид—группа» личностная дружба утверждает, что группа — не все, а индивид — не ничто. Поэтому дружба, отдающая предпочтение индивиду, имеет человеческую, нравственную ценность. Всеобщий жизненный закон состоит в том, что в мире существуют и порыв к избыточному, и предел. Не будь этого порыва, в жизни остался бы один голый расчет, а если бы не было предела, в ней царила бы только нравственная диктатура. Персонализм является пределом для коллективного движения. Но в то же время он дополняет это движение, способствует его совершенствованию.

¹ См.: F. Alberoni. *Le ragioni del bene e del male*. Milano, 1981.

Следовательно, товарищи и друзья — не одно и то же. Дружба менее предсказуема, чем идеология. Она не уравнивает, а дифференцирует. Дружба не может одинаково относиться к двум людям, она полностью индивидуализирована. Ни одного из товарищей мы не можем назвать «личным», только друг бывает личным. Идеологи и вожди ко всем относятся одинаково: как к абстракциям, а не как к единственным и неповторимым индивидам. Группа бывает однородна по своей социальной природе. Дружба всегда неоднородна, она представляет собой сетевую структуру с меняющейся плотностью. Друзья — это не сообщество похожих людей, строящих свои отношения на основе равенства, как это бывает среди монахов. Друзья — это равные, общение которых строится на личностной основе.

Поэтому враги бывают у группы, но не у друзей. В сетевой структуре дружбы нет места для врагов. У меня могут быть враги, и я могу искать себе союзников, но для моих друзей они не будут врагами, так же как мои друзья не являются друзьями друг для друга. В группе — все «друзья» между собой. В группе у всех одни и те же враги. Существует только «мы», состоящее из «друзей» и дополняемое извне врагами. Личностная дружба устроена иначе.

По отношению к движению дружба представляет собой некое излишество: каприз, изыск, прихоть, причуду.

3. Люди, участвовавшие в одном движении, пережившие вместе процесс «слияния» в состоянии зарождения, даже много лет спустя, когда их политические идеи становятся иными, а жизненные пути расходятся, сохраняют ярко выраженную тенденцию доверять друг другу, считать бывших участников движения «своими» людьми, помогать им. Понятие «бывший» значит для них очень многое, затрагивает в их душах что-то сокровенное. Оно воскрешает в их памяти ту волшебную пору «слияния», когда все они выступали заодно, были братьями. Это время пролетело как один миг, но оказа-

лось достаточным, чтобы между ними родилось доверие и чуткое отношение друг к другу. Всякий «бывший» пользуется преимущественным правом на доверие по сравнению со всеми остальными. И тем не менее я ничего о нем не знаю, равным счетом ничего. Просто он еще на один миг становится для меня «прекрасным товарищем» по движению, имевшему место в те незабываемые времена, когда все были «прекрасными товарищами», когда все еще только начиналось и чудилось, что до Царства Божьего рукой подать. Нам кажется, что та часть жизни, которую мы прошли вместе, те абсолютно неповторимые драматические моменты, которые мы пережили, делают нас каким-то образом очень похожими. Что он, хотя мы ничего о нем не знаем, должен быть устроен так же, как и мы, должен исповедовать те же идеалы. Это как пожизненный договор, как вера, от которой нельзя отступить. Нечто подобное имеет место в католической теологии, где сан присваивается навечно. Человек, произведенный в священники, может уйти в светскую жизнь, но он навсегда остается священником, ибо решение о присвоении сана отменить нельзя. На индивидуе, участвовавшем в движении в тот период, когда оно находилось в состоянии зарождения, лежит неизгладимая печать, или, во всяком случае, принято считать, что она есть.

Подобные чувства участников движений тоже не следует путать с дружбой. Они могут стать почвой для появления настоящей дружбы. Или остаться только воспоминаниями, только ностальгией. Счастлив тот, кто сумеет направить воодушевление и надежды прошлого в русло личностных дружеских отношений. Но это крайне трудно. На самом деле приходится начинать все сначала. Преемственность здесь только кажущаяся.

4. Существует и еще один вид солидарности, который часто принимают за дружбу: возникшие в результате совместной жизни единство и взаимное доверие. Они появляются как итог после пережитых вместе радостей и несчастий, лишений и опасностей. После того как

вместе смотрели в глаза смерти, сражались против общего врага. Людей, объединенных одной общей судьбой, связывает очень сильное чувство. Они как солдаты на войне, между которыми устанавливается теснейшая вынужденная близость. Или как узники концентрационного лагеря. «Что-то очень потаенное, что-то такое, чего я еще не понимала, сделало нас близкими друзьями,— пишет Элен Эпштейн.— Это «что-то» было выше различий в характерах, в образе жизни, выше личных амбиций и желаний»¹. В таких ситуациях внешние обстоятельства, вынуждающие людей быть вместе, уничтожают существующие между ними преграды. В те периоды жизни, когда наша индивидуальность почти полностью сливается с другими индивидуальностями, между нами и ими возникает связь. Некоторые считают, что именно такое единение, в котором индивидуальное уходит на второй план, и есть прочная основа дружбы. Попробуем подвергнуть критическому анализу эту точку зрения, оставив в стороне примеры из давно минувших военных лет. В современной жизни особенно важное значение приобретают школы, принадлежность к религиозно-этнической группе, к политической партии. Говоря о школе, мы имеем в виду не начальную школу, с которой мы расстаемся, переезжая в другой город, а высшие школы, специально созданные для сплочения правящего класса: Итон, Гарвардский университет, МТИ*, Высшие школы общественного управления во Франции, Католический университет в Милане. Совместная жизнь в этих школах преследует цель идеологического сплочения, обособления от других, осознания общей судьбы, избранности, особого назначения. Влияние таких школ ощущается в течение всей жизни. Эти школы воспитывают элиту, и окончивший их бывает допущен в элитарные круги, так же как и его однокашники. В будущем он предпочтет обращаться именно к ним, выбирать только их, потому что он знает, им доверяет, потому что они ему ближе

¹ Н. Epstein. Figli dell'olocausto. Firenze, 1982, p. 34.

* Массачусетский технологический институт.

и имеют в его глазах преимущества по сравнению со всеми остальными. Конечно, ему придется вступать в контакты и с другими людьми, но он будет считать достойными уважения и предпочитать всем остальным своих товарищей по Оксфорду или Кембриджу. Со стороны они воспринимаются как некое братство, клуб для избранных. Такого рода солидарность характерна и для тех, кто принадлежит к одной политической или этнической группе с сильной организацией. В среде итальянских католиков или итальянских коммунистов существует такая сильная связь и такое взаимное доверие, что они инстинктивно предпочитают человека из своего круга любому другому. У тех, кто был членом молодежной организации «Католическое действие», ОФИК*, а затем вступил в партию, кто читал одни и те же книги и следовал заветам одних и тех же духовных учителей, кто привык советоваться друг с другом по всем важным вопросам, возникает естественная потребность в общении со своим кругом, в своеобразной замкнутой структуре. Они могут сотрудничать с людьми другой веры и другого склада, но в самых важных, сложных делах доверяют только своим. Они без колебаний выбирают человека из «своего круга», из той среды, в которой они воспитывались и живут. Этнические группы устроены по этому же принципу. Во всех странах существуют объединения евреев, которые вместе подвергались репрессиям, участвовали в одних и тех же событиях, они принадлежат к одной культуре, и им поэтому легче понять друг друга. Почти все психоаналитики — последователи Фрейда — были евреями, а те из них, которые не были евреями, например Юнг, первыми отошли от его теорий и начали полемизировать с ним. Надо сказать, что этнические группы повсюду играют важную роль. Японцы, находясь в других странах, выбирают для общения японцев, потому что с соплеменниками легче найти общий язык. Не говоря уже о государствах, возникших на этнической основе, таких, как многие африканские

* Объединенная федерация итальянских католиков.

страны, где дружба вообще возможна только между людьми, принадлежащими к одной этнической группе.

Третий источник возникновения солидарности — участие в совместной борьбе внутри одного движения. Из предыдущей главы мы знаем, что такая солидарность, возникая быстро, может существовать очень долго. Движение появляется в мире для того, чтобы противостоять этому миру. Его участники чувствуют себя избранными, спасителями. Они полностью доверяют друг другу и живут как братья. Движение может потерпеть крах, и тогда солидарность исчезнет. Но его участники будут жить с тоской по прошлому. Они превратятся в «бывших». Если же движение набирает силу, становится сектой, орденом, религией — связи укрепляются и обретают прочность. Примером таких движений могут служить «Причастие и Освобождение» в Италии и «Опус Деи» в Испании. Оба они повторяют модели религиозных орденов, всегда вносивших живительную струю в развитие католической церкви. Возникнув как «фракции» внутри церкви, они не порывают с ней, а становятся ее движущей силой. Мощный эмоциональный заряд, страстная преданность идее, чувство дисциплины, взаимопомощь позволяют некоторым из этих движений завоевать огромную власть в церкви. В Италии члены «Причастия и Освобождения» заняли командные позиции во многих светских католических организациях. В этих организациях на всех уровнях есть группы единомышленников.

Военная служба порождает категорию «бывших» только после того, как война кончается и люди разъезжаются по домам. Но в странах с милитаристскими традициями военные действия не прекращаются. В Израиле Моше Даян и Шарон пришли к власти благодаря поддержке бывших военных. Военный доверяет только бывшему товарищу по армии. Ко всем остальным он относится с недоверием и подозрительностью.

И все же подобные виды солидарности — только предпосылки для возникновения дружбы. Внутри круга, охваченного солидарностью, дружба тоже делает свой выбор. Дружба всегда избирательна. Когда внешние обстоя-

тельства вынуждают людей враждовать, именно дружба становится той силой, с помощью которой людям удается в какой-то мере освободиться от угнетающей власти этих обстоятельств. Дружба стремится избегать любого принуждения, всего, что определяется заранее. Тем, кто живет в колледже или служит в армии, дружба помогает скрыться от давящей на них обезличивающей силы установленного порядка. Друзья не позволяют затянуть себя на дно. Они не подвластны нивелирующему влиянию группы. Физически они находятся во власти чуждых им сил. Но им удается уединиться духовно. Вдвоем или втроем они образуют союз, некий разумный космос, в котором жизнь снова обретает «штатские» очертания. Это *locus homini*, противостоящий массе, хаосу. После того как вынужденная коллективная жизнь кончается, они могут забыть о том, что им пришлось вытерпеть, относясь к пережитому как к голому факту, не представляющему никакой духовной ценности. А вспоминать они будут о совместной жизни с другом, ибо только об этом стоит помнить.

Следовательно, людей не могут объединить перенесенные вместе лишения. Нет ничего привлекательного в том, что мы прожили с кем-нибудь часть жизни, которая была бесцветной, пустой, незначительной. Главное — это качество жизни и «направление» встречи. Даже в ситуациях наибольшего отчуждения — в тюрьме, на фронте, в концлагере — дружба рождается только из встречи. В крупных университетах, в среде самой избранной элиты, естественно, возникает прочная солидарность, чувство инстинктивной близости, взаимное уважение. Но и тут дружба — удел тех немногих, которые обособляются от массы. Они создают отдельную группу, особый союз, интересы которого часто не совпадают с интересами других, противоречат общепринятым целям, самому назначению школы. Католическая церковь, воспитывающая священников в специальных учебных заведениях, семинариях, всегда с некоторым недоверием относилась к дружбе. И не потому, как считают многие, что видела в ней опасность гомосексуальных отношений. А потому, что друзей не

так легко заставить подчиниться, они активнее других сопротивляются идеологическому давлению. «Всякая подлинная дружба,— пишет Льюис,— сродни бунту. Держать под контролем людей, у которых есть настоящие друзья, дело трудное: они не так легко поддаются положительному влиянию, которое могло бы их исправить, и отрицательному, которое могло бы их свратить»¹.

5. Таким образом, всякая дружба всегда рождается из коллективности, но направлена против этой коллективности. Она вырастает из определенного круга солидарности, но выступает против него. А с другой стороны, эта же самая дружба, возникнув в коллективе, может сама превратиться в поле солидарности, может стать группой, и тогда другая личностная связь, направленная против нее, разорвет круг. Следовательно, между личностной дружбой и групповыми отношениями существует диалектическая связь. Дружба, возникшая как межличностные отношения между индивидами, противостоящими группе, постепенно тоже может превратиться в групповые отношения. Друзья, которые внутри коллектива уединяются, чтобы остаться самими собой, постепенно превращаются в маленькое замкнутое сообщество со своими правилами и своим «языком». Переход от индивидуальной дружбы, от индивидуального выбора к группе часто совершается незаметно, особенно в детстве и в отрочестве. Сначала существует пара «неразлучных» друзей, которые все время проводят вместе, доверяют друг другу все свои секреты, даже нескольких минут не могут прожить друг без друга. Родители в таких случаях обычно шутливо спрашивают, где их сын оставил свою «половину». Иногда неразлучных друзей бывает не двое, а трое. В книге Ален-Фурнье «Большой Мольне» Франческо и Агостино (Большой Мольне) неразлучны до такой степени, что вызывают к себе враждебное отношение других детей, которым кажется, что друзья ими пренебрегают. Потом появляет-

¹ См.: C. S. Lewis. *I quattro amori*, cit., p. 104.

ся таинственный цыган, и друзей становится трое. Таким же путем может возникнуть и группа из четырех, пяти человек. Значит ли это, что возникающая группа является продолжением дружеских отношений, имеющих сетевую структуру? Нет, это только иллюзия. Первое время структура группы продолжает оставаться сетевой. Друзья общаются друг с другом как отдельные индивиды, а групповая солидарность, «мы», находится на втором плане. Но затем начинают происходить едва заметные сдвиги, и наступает момент, когда достигается и преодолевается *определенный рубеж*. И тогда появляется группа как обособленная реальность, как объект любви, стоящий над отдельными индивидуальными объектами, то есть над друзьями. Поначалу группа не имеет власти, существуют только друзья. Но после того, как бывает пройден упомянутый рубеж, группа обретает свою самостоятельную жизнь, свое право на существование и требует, чтобы ей были принесены в жертву права индивидов. В книге Ференца Мольнара «Ребята с улицы Паал» межличностная дружба уступает место групповой солидарности, которая в один прекрасный день требует, чтобы ей принесли в жертву индивида. Но смерть маленького Немешека вносит раскол в эту солидарность, потребовавшую столь страшной жертвы. После чего снова восстанавливается приоритет индивида.

Объединившимся друзьям часто кажется, что они положили начало сообществу избранных. Что они, следовательно, лучше, сильнее, умнее других. Именно групповое «мы» и дает это ощущение исключительности и силы, порождает гипертрофированное «я». Еще немного, и мы уже имеем дело с объединением или с клубом, в который могут быть допущены и другие члены, положение которых, однако, будет несколько ниже. Таким образом, группа друзей становится чем-то вроде правящей верхушки, которая стоит на страже солидарности более многочисленного объединения и руководит им.

Нам могут возразить, однако, что двое друзей тоже говорят о себе «мы», и между ними тоже существует со-

лидарность, и они тоже, объединившись, противостоят остальным, внешнему миру. Чем же в таком случае дружеская солидарность отличается от групповой? Тем, что у друзей группа, «мы», никогда не бывает важнее, чем сами индивиды. Группа никогда не приобретает онтологического значения, перекрывающего значение ее членов. Группа существует для индивидов, а не индивиды для группы. В этом и заключается коренное изменение, почти незаметное и не поддающееся определению, которое превращает сеть дружеских отношений в группу. С какого-то момента «мы» приобретает более высокий статус, становится целью. Индивид, вместо того чтобы идентифицировать себя с другом, идентифицируется с группой. И тогда, хотя и кажется, что все осталось по-прежнему, на самом деле все меняется.

Глава X

1. Почему нам никогда не бывает скучно с друзьями? Потому что настоящая дружба — всегда приключение, попытка проникнуть в тайны жизни, поиск. Именно так рождается дружба в детстве и в юности. Дети становятся друзьями, изобретая новые игры, давая выход своей фантазии, открывая большой и таинственный мир, который их окружает. Марк Твен в «Приключениях Тома Сойера» и в «Приключениях Гекльберри Финна» показал эту живую, творческую, увлекательную сторону детской дружбы. В этом возрасте товарищ по играм совсем не похож на взрослого друга, сонно клюющего носом праздными вечерами. Это существо, устремленное в мир, импульсивное, способное увлечь за собой. Каждый испытывает необходимость в другом, чтобы с его помощью оживить, сделать осязаемым свой воображаемый мир, от которого потом можно будет перейти к открытию мира реального. Любое познание мира начинается с фантазии. Как только фантазия угасает, воображение перестает творить, исчезает любопытство — познанию приходит конец. Так происходит во всех возрастах. Но в детстве и в юности отчетливее видно, как действует этот механизм познания.

По сравнению с детством в отрочестве становится меньше увлечений фантастическими приключениями, но возникает более глубокий интерес к психологической стороне жизни, к миру общественных отношений, к истории. Подростки должны уже выбирать, какие отношения они установят с друзьями, хотя они ограничены более тесными для них рамками реальных возможностей. Мы все в какой-то мере являемся психологами, изучающими свою психику и психику других, чтобы понять, каким законам она подчиняется. В этом поиске собственной идентичности и, следовательно, своего отличия от других самым близким

человеком, самым «изученным» становится наш друг. Тот, кто нам ближе всех, кого мы можем изучать и как себя самого, и как бы со стороны. Отроческий друг подобен нам и в то же время он другой, совершенно другой. Он открывает перед нами новые жизненные горизонты, ради нас отправляется на поиски нового и находит новые области для нашего экспериментирования.

Все подростки в каком-то смысле философы: они ищут ответы на глобальные вопросы: почему я живу именно в этом мире, а не в каком-нибудь ином? Почему я появился на свет и для чего я живу? Куда я иду и куда я должен идти? Это вопросы пробуждающегося сознания, с удивлением осмысливающего себя и мир, пораженного и очарованного. Оно испытывает искушение перед всем, чем могло бы стать, и воспринимает как потерю все, от чего отказывается. Дружба имеет непосредственное отношение к этим вопросам. Общение с другом помогает индивидуальности составить представление о своих возможностях и о гранях этих возможностей.

Дружба — это идентификация и дифференциация. В книге «Нарцисс и Боккадор» Герман Гессе рассказывает о дружбе двух абсолютно разных людей. Нарцисс — ученый и аскет. Боккадор — чувственная, артистическая натура, но сам он этого не знает, потому что отрекся от своего детства и от любви к матери. Друг Нарцисс побуждает его углубиться в самопознание и найти свою истинную природу. И когда Боккадору это удастся, он уходит из монастыря, чтобы найти свою судьбу, и покидает Нарцисса, несмотря на то, что любит его, как и прежде.

Встреча друзей — это всегда открытие своей непохожести, своей уникальности, а значит, и своего одиночества, своего индивидуального риска. Конечно, дружба придает уверенность: ведь рядом друг. Вместе друзья отваживаются на самые рискованные поступки. Каждой из двух девушек, мечтающих пойти на танцы, не хватает смелости сделать это в одиночку. Вдвоем они чувствуют себя храбрее, увереннее, защищеннее. Но

если они и отправились туда вместе, то не для того, чтобы быть там подле друг друга. Танцевать каждая будет со своим кавалером. И каждая немного продвигается по пути своей индивидуализации. Потом они станут доверять друг другу любовные секреты, обобщать свой опыт, полученный от общения с разными людьми, искать свои собственные жизненные пути. Чем чаще встречаются двое друзей, тем чаще потом они бывают вынуждены продолжать свой путь в одиночестве. Подобно тому как двое охотников или воинов, которые пришли на помощь друг другу, потом расходятся и идут каждый своим путем навстречу собственным опасным приключениям.

Поэтому традиционное описание дружбы неверно. Стереотипы способствуют насаждению различных моделей дружбы: дружбы-протекции, дружбы-привычки, модели замкнутых дружеских отношений. Разумеется, такие отношения вполне возможны. Даже у подростков группа друзей, возникшая для того, чтобы познавать мир и его тайны, замыкается в себе, отражая нападки этого мира. Но можно ли подобные случаи отнести к разряду личностной дружбы? Сетевая структура дружбы утрачивается. Встреч больше не происходит. Компания «дружков» превращается в сплоченную группу, осуществляющую полный контроль за своими членами, как это бывает с жителями одной деревни или одного племени. Компания не признает ничего, что могло бы подвергнуть искушению кого-нибудь из ее членов и изменить ей. Она не допускает появления новых дружеских связей за ее пределами. В итоге возникает тоталитарное ядро, ревнивое и мстительное. Больше всего такое сообщество боится вызова со стороны другого, зарождающегося сообщества. Оно боится также влюбленности, которая могла бы внести в него раскол. Компания «дружков» абсолютно несовместима с творческой природой дружбы. Она стремится продлить свое существование, подавляя всех, кто бунтует против нее. И все-таки в конце концов члены компании изменяют ей, и она распадается. Незаметно, по одному, они покидают ее. Одни женятся, другие находят работу или уезжают в другой город, у третьих появляется желание

вновь обрести хотя бы малую толику своей индивидуальности.

Широко бытует мнение, что дружба связана с привычкой, что дружеские отношения завязываются в баре, за бильярдным столом, за покером. Встречаются даже люди, отождествляющие дружбу со светским общением или привычкой поболтать о том о сем после ужина. Все эти виды общения могут быть наполнены самым разным смыслом. Однако там, где есть скука, дружбы не бывает. Там, где царит однообразное повторение одного и того же, дружбе нет места. Друзья, как мы уже видели, никогда не скучают, когда они вместе. Если же все-таки им становится скучно, значит, они не друзья или пришел кто-то третий и помешал им. Многие светские встречи — в баре, в гостиной у какой-нибудь светской дамы, в Country Club — не имеют никакого основания считаться встречами друзей. Party — вовсе не сбор друзей. Это смешение друзей, знакомых, просто случайных людей. Цели у них самые разные: провести время, познакомиться с новыми людьми, заключить сделку и еще многое другое. Друзьям на таких вечерах мало что удается сказать друг другу, они не могут побыть вдвоем и должны приспособливаться к общепринятым ритуалам. У них обязательно должно возникнуть произвольное желание уединиться, чтобы поболтать друг с другом.

2. Мы уже говорили, что истинная дружба — это приключение, поиск, исследование, и приводили в пример детскую и юношескую дружбу. Но нет ли тут ошибки? Разве детская и юношеская дружба не отличается, и весьма существенно, от взрослой? Многие факты говорят о том, что действительно отличается. Например, играя вместе, дети очень легко увлекаются друг другом, несколько дней или даже недель живут во власти одной какой-нибудь идеи, но потом неожиданно обо всем забывают. Чувства взрослых — и в любви и в дружбе — гораздо постояннее. Взрослая влюбленность не имеет ничего общего с молниеносными детскими «романами», с мимолетными детскими увлечения-

ми: взрослые испытывают нечто подобное на уровне эротических отношений, но не на уровне любви.

Что же касается дружбы, то мы видим, как дети ссорятся со своими друзьями, обижаются, ревнуют их и тут же мирятся. Ничего похожего не происходит во взрослой дружбе, не допускающей подобных колебаний. Иногда поведение подростков в отношениях с друзьями очень напоминает поведение влюбленных: сильнейшее чувство привязанности, ревность. В отрочестве нет четкой границы между влюбленностью, привязанностью, братской и дружеской любовью, как это бывает у взрослых. Некоторые люди переносят в свою взрослую жизнь эти черты детской и юношеской дружбы. Они легко впадают в восторг, увлекаются малознакомыми людьми. Проявляют властность в отношениях с друзьями, требуют, чтобы друзья только им одним поверяли свои секреты. Агрессивность, отсутствие уважения и несдержанность — безусловные симптомы детской и юношеской одержимости.

По этой причине детскую и юношескую дружбу действительно трудно отличить от других форм привязанности и любви. Но это не означает, что нельзя уже в этом возрасте выделить то, что характерно именно для дружбы и отличает ее от всех других отношений. Вернемся к «Нарциссу и Боккадору». Первые встречи друзей вполне могли бы стать преддверием гомосексуальной влюбленности. Но из реплики Нарцисса, обращенной к другу, становится ясно, что речь идет именно о дружбе: «Цель наша не в том, чтобы сблизиться... не в том, чтобы один превратился в другого, а в том, чтобы узнать друг друга и научиться видеть и уважать другого таким, какой он есть на самом деле: как нашу противоположность, а в чем-то и как наше дополнение»¹. Разговор, типичный для дружбы. Он может происходить между людьми любого возраста: и в пять лет, и в пятьдесят.

Характерные признаки дружбы легко отыскиваются и в произведениях, предназначенных для детей. Возь-

¹ Н. Hesse. Narciso e Boccadoro. Milano, 1982, p. 99.

мом, например, фильм Шпильберга «Э. Т.». Этот фильм рассказывает о дружбе между мальчиком по имени Элиот и маленьким инопланетянином, очутившимся на Земле. Сама по себе дружба между двумя столь непохожими существами — уже типичный признак отношений именно этого рода. Маленький Элиот зачарован другим-инопланетянином, наделенным необыкновенными свойствами. По этому поводу Пьер Альдо Роватти замечает: «Мальчик идентифицирует себя с Э. Т., чтобы уйти от мира взрослых, чтобы найти себе другую дорогу вместо той, которая пестрит всевозможными указателями. С помощью инопланетянина мальчик пытается, как он это делал всегда, вырваться из однообразия семейных и школьных будней». Но затем Роватти делает любопытное замечание: «Поэтому главное здесь — не дружба»¹. Вывод более чем ошибочный, ибо именно дружба и желание уйти от семейных будней и есть основные пружины развития действия. Вспомним характеристику Гекльберри Финна, когда он впервые появляется на страницах «Приключений Тома Соуэра»: «Вскоре после этого Том повстречался с юным парией, Гекльберри Финном, сыном местного пьяницы. Все матери в городе от всего сердца ненавидели Гекльберри и в то же время боялись его, потому что он был ленивый, невоспитанный, скверный мальчишка, не признававший никаких обязательных правил, а также потому, что их дети восхищались Гекльберри... Он не должен был слушаться, над ним не было господина. Он мог удить рыбу или купаться, когда и где ему было угодно, и сидеть в воде сколько заблагорассудится. Никто не запрещал ему драться. Он мог не ложиться спать хоть до утра. Весной он первый из всех мальчиков начинал ходить босиком, а осенью обувался последним. Ему не надо было ни мыться, ни надевать чистое платье, а ругаться он умел удивительно. Словом, у него было все, что делает жизнь прекрасной. Так думали в Санкт-Петербурге все издерганные, ско-

¹ P. A. Rovatti. Che tenerezza quegli occhi a palla. — In «La Repubblica», 3 febbraio 1983.

ванные по рукам и ногам, хорошо воспитанные мальчики из почтенных семейств»¹.

Инопланетянин для земного мальчика — такой же оригинальный товарищ, который вместе с ним восстает против повседневного однообразия и исследует границы возможного. А что же такое земной мальчик для инопланетянина Э. Т.? Э. Т. одинок, беззащитен, ему страшно. Он потерял родителей и хочет их найти. Он хочет снова попасть к своим родителям, вернуться домой. Элиота он выбирает в друзья, потому что его вид не вызывает у него страха. Потому что в Элиоте нет ничего пугающего и потому что он не отталкивает его. Элиот сразу понимает, что инопланетянин такой же ребенок, как и он. Ему удастся разглядеть это за уродливой внешностью, разгадать, что представляет из себя это существо, и разделить его заботы. И это тоже типично для дружбы. Для Э. Т. мальчик — средство, чтобы найти родителей и вернуться домой. Тем не менее Э. Т. полюбил Элиота так сильно, что предпочел бы умереть, но не причинять ему зла. Сцена в больнице по своему трагическому накалу поднимается до вершин классических образцов дружбы, когда друг готов умереть ради друга, как Дамон и Финция, как Орест и Пилад. Было бы грубейшей ошибкой, однако, путать эти чувства с влюбленностью. Влюбленные хотят быть вместе. А Э.Т.— в изгнании, он стремится вернуться домой. Элиот сопровождает его на этом пути. С помощью Элиота инопланетянин возвращается на свою настоящую родину, которая находится очень далеко от того места, где живет Элиот, на небе.

В фильме показана сильнейшая эмоциональная связь, существующая между двумя друзьями, мучительность идентификации и боль потери. И все-таки Э. Т. улетает. Дружба допускает такой конец. Если бы речь шла о влюбленных, Э.Т. остался бы на Земле, или Элиот улетел бы вместе с ним, или они покончили бы с собой. Влюбленный должен оставаться рядом с воз-

---

¹ Марк Твен. Собр. соч., т. 4. М., 1960, с. 49—50.

любленным. А дружба — это преданное служение. Друзья помогают Э. Т. улететь, вернуться на родину, сделать то, что требует от него любовь. Такова типичная ситуация не только для детской и юношеской дружбы, но и для дружбы *tout court**.

Друг — всегда инопланетянин, дающий нам возможность отклониться от повседневного пути и отправиться открывать неведомые дали, которые без него были бы нам недоступны. Друг — всегда тот, кто нас понимает, кто видит нас сквозь нашу внешнюю оболочку и признает нашу правоту. И наконец, друг — это всегда тот, кто помогает нам идти навстречу зовущей нас судьбе, даже если в результате ему придется нас потерять.

3. Некоторые люди встречаются чуть ли не каждый вечер, чтобы пообщаться. Часто это сверстники, школьные приятели. Они не сообщают друг другу ничего особенного. Темы их разговоров всегда одни и те же. Повторяются одни и те же реплики, делаются одни и те же замечания. Даже если участники таких встреч (каждый в отдельности) умные и остроумные люди, они полностью теряют свое лицо, оказавшись в обществе друг друга. Компания «растворяет» любой интерес, делает примитивным любой контакт. Она всем навязывает определенный лингвистический минимум, не позволяющий говорить о чем-нибудь новом. Беседа, построенная на бесконечных повторениях, не может вырваться из замкнутого круга. Новые встречи практически не происходят. Становится невозможным испытывать новые чувства. Прекращается появление новых идей. Реальное совпадает с существующим, а существующее — суже происходящим. «Компания» наглядно показывает, как происходит деградация индивида под влиянием группы, когда у этой группы нет ни идеала, ни цели, ни идеологии, одним словом — ничего. Дружеская компания — это группа, неуклонно следующая своим традициям, единственной целью которой является ее собственное выживание.

* Вообще (*франц.*).

Нередко происходит возрождение компании друзей юности. Мы видели, что такая компания распадается по мере того, как отдельные ее члены влюбляются, женятся, уходят. Живущие в городе обычно не восстанавливают потом социальные объединения такого типа. Большой город анонимен. Соседи мало общаются между собой. Друзья живут в разных концах города, и для того, чтобы собраться, им надо заранее условиться о встрече. Зато в небольших селениях и в маленьких городах, пройдя через этап отделения и индивидуализации, бывшие школьные товарищи встречаются снова. И тогда к ним присоединяются их жены и мужья, еще какие-нибудь члены семейств, дети. Через некоторое время они вновь становятся коллективным объединением, представляющим собой замкнутое сообщество.

Очень многие люди, говоря о дружбе, имеют в виду именно такой тип социальных объединений. И это понятно: дружба кажется им недостаточно активным видом отношений, к тому же часто приносящим разочарования. А в таких компаниях, действительно, можно попробовать всего понемногу. Есть в них и настоящие дружеские отношения, хотя и подавленные, «повязанные» коллективной силой. Порождают они и множество неглубоких и неискренних приятельских связей, основанных скорее на привычке, чем на подлинном интересе друг к другу. И наконец, есть в них и связи, возникающие из чистого расчета, а также замаскированные под дружбу враждебные отношения. Компания связывает воедино все эти самые разные типы отношений и подчиняет их общему дружескому кодексу, искусственно уравнивая. Компания скрывает различия, напряженность, зависть, лицемерие, вражду. Главное для нее — соблюдать правила поведения, ритуалы, которые требуют, чтобы все считали друг друга друзьями и соответствующим образом общались. Дружеская компания напоминает клуб. Можно было бы даже сказать, что по своей структуре она напоминает party, но замороженную, набальзамированную, ставшую вечной и неподвижной. В мире именно такого общения процветают различные формы дружеского лицемерия.

Объятия, поцелуи, и тут же — ложная откровенность, зависть, злорадство.

Почему же эти отношения путают с дружбой? Почему, когда речь заходит о дружбе, первое, что вспоминают, — это бездумное групповое общение? Почему нам сразу приходит на ум компания, клуб, скука? Почему мы не вспоминаем о поиске, о приключениях, как в детстве или в юности? Потому что и здесь мы опять имеем дело с отторжением социальными структурами, консолидированными общественными институтами всего живого, беспокойного, всего, что нацелено на поиски нового и необычного. Постоянный поиск, в котором пребывает дружба, лишает друзей спокойствия. Поэтому обыденное сознание приписывает этот тип дружбы только детям, утверждая, что потом якобы такого рода дружба становится уже невозможной. А взрослая дружба должна быть солидной, спокойной, осматрительной, скучной: именно такой, какой бывает она у компании дружков или у приятелей по клубу. На самом деле это неверно. Дружба, так же как и коллективность, всегда остается сама собой. В детстве общие для всех обязанности заключаются в том, чтобы ходить в школу, не забывать надеть теплое белье, не промочить ноги, вовремя приходиться домой вечером и т. п., затем на смену этим обязанностям приходят многие другие, давящие на индивида в процессе его роботизации, которая всегда была коллективным идеалом. При этом между индивидом и коллективом существует известная напряженность. Дружба выступает на стороне индивида, она против коллективности. Конечно, коллективность обычно берет верх, она поглощает индивидуальную дружбу, делая ее молекулой новой структуры. Но напряженность остается и постоянно возобновляется. Источником этой напряженности как раз и является дружба, которая выступает как опора индивидуальности, жаждущей непредсказуемого и подлинного.

Глава XI

1. Друг, по сути дела, всегда является «товарищем по охоте», «однополчанином», то есть тем, кто бывает рядом с нами, когда мы познаем и завоевываем мир. Друг — это не тот, кто дарит нам подарки, кормит нас и принимает. Он для нас не источник существования, не благотворитель. Скорее можно сказать, что он наш сообщник, который помогает нам брать от жизни то, что нам необходимо. В детстве родители нас кормят и заботятся о нас. Потом мы начинаем заботиться о себе сами. Мы учимся контактировать с миром и с другими человеческими существами, стараясь получать от них все, что нам нужно. Вместе с другом мы учимся использовать свои возможности, ориентироваться в мире. Друг — всегда носитель какой-нибудь деятельности, и мы встречаемся с ним только в том случае, если мы тоже являемся носителями какой-нибудь деятельности. Встреча, как мы уже говорили, — это пройденный вместе отрезок пути. Следовательно, мы оба должны пребывать в движении.

Мы заводим себе новых друзей в такие периоды, когда нам приходится менять себя, пересматривать свои поступки и свое отношение к самим себе. Такие моменты наступают в жизни не один раз. Время от времени мы утрачиваем свою идентичность и должны ее восстанавливать. Наша идентичность всегда имеет социальный характер. Мы становимся тем, кем мы являемся, только вступая в отношения с миром: с тем миром, в котором мы получаем оценку и сами оцениваем себя. С годами мы меняемся: окружающие начинают ждать от нас чего-то другого и тем самым вынуждают нас становиться иными. Но самое главное — целиком и полностью меняется само общество. Буквально за несколько лет становится иным мышление, сменяются основные ценностные ориентации. Другими становятся не только способы решения проблем, но

и сами проблемы. Обновляются слова, язык. Тот, кто продолжает говорить так, как говорил раньше, становится непонятен и смешон. Тем не менее ощущение стабильности сохраняется, и это объясняется тем, что все, так или иначе, приспосабливается к происходящим изменениям, сохраняя при этом свою идентичность.

Кто может сохранить свой статус, свое положение без постоянного действия, без постоянной борьбы? Одни должны все время доказывать свое право на известность, другие — просто добывать себе хлеб насущный, третьи — бороться за власть. То, что мы из себя представляем, то, чем мы стали, и то, чем является наше бытие, — результат движения, конкурентной борьбы, непрерывного действия. Животное вынуждено большую часть времени проводить в поисках пропитания. Именно поэтому птицы летают. Если бы у них была пища, они перестали бы летать. Лебеди, которых регулярно и хорошо кормят, становятся ленивыми, апатичными. А животные, живущие в естественных условиях бывают пугливыми, худыми, у них стремительная реакция и натренированные мускулы. Сокол должен уметь летать очень высоко, большими кругами, а потом камнем бросаться вниз. Ласточка должна уметь стрелой взметнуться в небо. Все заняты поисками пищи. К тому же в естественных условиях животным грозит опасность быть съеденными. Практически все они могут стать добычей других животных. Не говоря уже о сексуальном инстинкте, заставляющем животных вступать в единоборство с другими мужскими особями своего вида. Территория тоже не существует сама по себе: ее следует охранять и защищать от нашествия чужих¹. Животное, избавленное от всех этих проблем, впадает в апатию.

В жизни человека нет определенного возраста, в котором происходит эволюция. Вся жизнь есть процесс развития. Нельзя найти ни одного индивида, который должен был бы раз и навсегда приспособиться

¹ По поводу агрессивности см.: K. Lorenz. Il cosiddetto male. Milano, 1969.

к одному какому-нибудь обществу. Каждый из нас в течение своей жизни поочередно сталкивается с различными обществами. Всякий раз он как бы отправляется в чужую страну, где ему приходится, как эмигранту, все начинать сначала.

Разумеется, события, изменяющие нашу жизнь, происходят с нами не каждый день. Существуют периоды, когда мы отождествляем себя с определенной деятельностью, с одной ролью. Но наступает момент, когда мы начинаем испытывать дискомфорт; нас одолевает все нарастающая тоска: то, что мы делаем, кажется нам скучным, обыденным. Однако настоящая причина этой тоски иная: мы сами теряем контакт с большим обществом, сами замыкаемся в своем ближайшем окружении, в котором все остается на своих местах. Скука — симптом, говорящий о деградации наших отношений с миром и, следовательно, о нашей собственной деградации. Скука исчезнет, как только мы вернемся в мир, то есть как только мы примем его вызов. Иначе говоря, как только мы займемся поисками нашей новой идентичности.

Время от времени в течение нашей жизни мы должны поэтому избавляться от какой-то части самих себя, расставаться с частью нашего окружения, к которому привыкли. Мы должны заблудиться, чтобы вновь найти дорогу. Мы снова должны стать странниками, попадающими в незнакомые места. И снова завоевывать себе место в обществе, которое в эти моменты становится для нас как бы чужим.

2. Именно в эти переломные периоды мы и встречаем друзей. Встреча с другом — это только один из аспектов встречи с миром. Когда мы теряем контакт с обществом и отчуждаемся от самих себя, мы сокращаем и свои межличностные связи. Нам хочется общаться только со знакомыми людьми, несмотря на то что нам бывает скучно с ними. Разговор не вяжется даже с самыми близкими друзьями. Дружба, как мы уже говорили, имеет сетевую структуру. В эти периоды сеть

как бы съеживается, а главное, проходящая через нее энергия ослабевает.

Поиски самого себя тоже подчиняются всеобщим законам, по которым развивается любая деятельность. Сначала мы имеем дело с периодом исследований, периодом проб и ошибок. Мы пытаемся действовать то в одном направлении, то в другом. Начиная с разведки, с испытаний, мы накапливаем опыт ошибок и разочарований. Только спустя некоторое время проясняется дорога, по которой мы должны идти. После чего мы можем уже составить окончательный план действий и сосредоточить наши усилия в нужном направлении. На этом последнем этапе мы, можно сказать, проектируем самих себя. Мы решаем, какими мы хотим стать, исходя из наших желаний, стремлений, возможностей и ресурсов. Поэтому у нас всегда есть выбор: мы можем пожелать стать такими или иными. И возможность действовать: участвовать в жизни общества, чтобы осуществить свой план. Каждый этап поисков и определений нашей идентичности — это действие, сопоставление, борьба. В эти моменты наши мысли принимают прагматическое, утилитаристское направление. Мы не можем себе позволить витать в облаках и расслабляться. В таких обстоятельствах мы обычно считаем своими друзьями всех, кто хорошо к нам относится, всех, кто помогает нам преодолеть возникающие на нашем пути преграды. Когда мы попадаем в чужую страну и чувствуем себя там изгоями, нас радует любое, даже самое ничтожное проявление благожелательности. В то же время мы готовы изо всех сил возненавидеть тех, кто мог бы нам помочь, но не делает этого, тех, кто с высоты своего привилегированного положения отказывается помочь нам решить наши проблемы. Это время острых ощущений, надолго запоминающихся обид, мгновенно вспыхивающей признательности.

Люди, которые нам помогают, хорошо к нам относятся, — наши благодетели — представляются нам чем-то вроде нашего аванпоста во враждебно настроенном обществе, свободной территорией, с которой можно завоевывать другие земли. Так происходит до тех

пор, пока мы снова не окружим себя друзьями, которые позволят нам с достаточной степенью уверенности добиваться намеченных целей. Порою многие из наших благодетелей кажутся нам друзьями. Но если мы внимательно проанализируем наши чувства, то увидим, что наше дружеское к ним отношение зависит исключительно от того, что они для нас делают, от их расположения к нам; и все потому, что они нужны нам и оказывают нам помощь. Стоит им только в чем-нибудь нам отказать, как мы тут же начинаем проявлять к ним враждебность или стараемся забыть о них. Активная позиция заставляет нас относиться к людям как к средствам для достижения цели, погружая нас в самые противоречивые и переменчивые чувства в зависимости от того, преуспели мы или нет, наградили нас или покарали.

Именно в этом водовороте связей и эмоций происходят встречи, которые потом приводят к дружбе. Дружба не рождается в уже готовом виде где-то вдалеке от жизни и в противовес ей. Она рождается в борьбе. Ей нужны волнения, опасности, неуверенность, ложь, лицемерие, сомнения. Дружба — это остров этичности в лишенном нравственности мире, где все воюют против всех. Дружба существует в виде отдельных крошечных вкраплений, появляющихся то там, то здесь, как нечто избыточное, как роскошь, которой время от времени награждает нас судьба, но с которой мы можем и не повстречаться вовсе. Ибо наша жизнь может оказаться наполненной только столкновениями, интригами, махинациями, соблазнами, обманом и ничем больше.

В эти периоды у нас вряд ли может возникнуть дружба с теми, кого мы называем нашими *благодетелями*. Мы воспринимаем их в основном как возможности, которые следует использовать. Мы смотрим на них как на орудия для достижения цели; мы хорошо к ним относимся, потому что они нужны нам, но откажи они нам в чем-то, и мы охотно вырвем у них из рук то, что нам требуется. У друга же нам ничего отнимать не приходится. И не только по этическим соображениям, но и потому, что друг сам помогает нам брать.

Возникает законный вопрос: что же все-таки за отношения связывают нас с *благодетелями*? Неужели речь идет только о получении выгоды? Мы в значительной степени зависим от наших благодетелей. Прототип благодетеля — мать. Мы испытываем к благодетелю чувство *благодарности, признательности*. А признательность не может возникнуть как результат размышленный или подсчетов выгоды, которую она принесет. Это произвольное движение души, порыв, пробуждающий в нас желание отблагодарить за то, что для нас сделали. Но благодарность не может быть пропорциональной благодетелю. Георг Зиммель¹ заметил, что благодарность становится понятной только тогда, когда мы исходим из идеи ее несоизмеримости. Благодетель, которое мы получаем, расценивается нами как несоизмеримое, и поэтому признательность тоже должна быть несоизмеримой. Японская культура, придающая большое значение благодарности, изобрела целый ряд сложных правил, регламентирующих реакцию на оказанные услуги. Какое бы благодетель нам ни оказали, пусть даже просто в виде вежливого обращения, мы обязаны отблагодарить тех, кто проявил к нам доброжелательность, и заплатить им так называемый «он»². Но благодарность все равно всегда будет несоизмеримой. В книге Юкио Мешимы «Голос воли» мальчик Шиньи на протяжении многих лет носит рыбу в сад к бакенщику, который помог ему сдать экзамен. Нам такая благодарность показалась бы невыносимым рабством. Мы сочли бы, что бакенщик давно должен был бы сказать — нет, не надо, ты уже ничего не должен. Но ведь на самом деле мы никогда не можем полностью отплатить за сделанное нам добро.

Благодарность ни в коей мере не зависит от качеств благодетеля и от того, какие чувства мы к нему питаем. Он может вызывать у нас симпатию или неприязнь, быть умным или глупым, любезным или грубым, честным или плутом. К нашей благодарности это не имеет

¹ См.: К. Н. Woeff. The Sociology of George Simmel. London, 1950, p. 392.

² См.: R. Benedict. Il cristianesimo e la spada. Roma, 1968.

никакого отношения. Мы можем даже ненавидеть человека, но вынуждены признать, что он помог нам, и поэтому должны быть ему благодарны.

Теперь, надеюсь, понятно, зачем автору понадобилось так подробно выяснять, чем друг отличается от благодетеля. Не следует также забывать, что, кроме всего прочего, в отношениях с другом всегда присутствует взаимность. Поэтому мы не чувствуем себя обязанными, даже если он делает для нас очень многое. Или, лучше сказать, в отношениях с другом «дебет» и «кредит» имеют такую природу, что они уравнивают друг друга и делают неуместными любые подсчеты.

3. А сейчас не пора ли нам привести в пример ситуацию, в которой благодетель становится другом? Безусловно, мы так и поступим. Это происходит тогда, когда благодетель ведет себя активно, когда он бывает не просто источником получения выгоды, а созидает вместе с нами. Когда он тоже действует и тоже рискует. Вспомним весьма распространенную ситуацию: мы — в чужой стране, мы — эмигранты. Мы можем встретить людей, которые отнесутся к нам по-доброму, помогут нам освоиться в незнакомом окружении, пригласят к себе на какое-нибудь торжество, познакомят со своими друзьями. Это и есть благодетели. Но другом может стать только тот, кто, хотя он сам из этих мест, в каком-то смысле такой же чужестранец, как и мы. Например, мятежник. У друга всегда двойная суть. С одной стороны, он такой же, как и мы, наша копия. А с другой — принадлежит к незнакомому нам обществу. В чужой стране другом становится тот, кто выступает против этой страны или по крайней мере против каких-то аспектов ее жизни; тот, кто бывает нашим сообщником. Следовательно, друг — это не тот, кто принимает нас, следуя правилам гостеприимства, а тот, кто открывает нам секреты незнакомой страны, узнав которые мы можем покорить ее. Разумеется, взаимная дружба возникает только тогда, когда и мы будем для друга тем же, чем он стал для нас.

Вот почему становятся друзьями те, кто пребывает в поиске, — чужие в собственной стране, изгнанные отовсюду, те, кто должен и хочет бороться, чтобы создать мир. Становятся друзьями те, кто может дополнить друг друга, ибо каждый в какой-то одной, своей области, в каком-нибудь одном деле превосходит другого. Поэтому в основе встречи двух друзей лежит родство душ и общность ситуации, в которой оба оказываются. Трудно сказать при этом, какое из этих двух обстоятельств важнее. Вероятно, чтобы объяснить феномен встречи, главное — знать жизненную ситуацию, в которой находятся оба друга. А для того, чтобы встречи продолжались и, значит, для того, чтобы завязалась прочная дружба, первостепенное значение имеет тип личности и тот жизненный опыт, носителем которого является другой.

Поиски идентичности — это полный лишения и риска паломнический путь. Тот, кто отправляется на поиски своей идентичности, должен потерять себя и снова найти, должен умереть и родиться заново, спуститься в преисподнюю и вернуться к свету. Такое путешествие нельзя совершать коллективно, оно является делом сугубо индивидуальным. И очень опасным. Смерть-возрождение может стать смертью. Из преисподней можно не вернуться. Пустившийся в такое путешествие должен проявить мудрость и изворотливость. Он не должен доверяться тому, что видит, должен устоять перед соблазнами, суметь обмануть, чтобы не быть обманутым. Подобно Улиссу и всем героям мифов. Но кому-то все же доверять нужно. Кому-то, кто находится на рубеже двух реальностей: своей собственной и другой, олицетворяющей враждебный мир. Улисс на протяжении всего своего опаснейшего путешествия постоянно беседует с Афиной, единственной своей защитницей. Данте доверяется Вергилию. Даже Ахилл, сражаясь с Гектором, пользуется поддержкой Минервы. Гектор оказывается побежденным именно потому, что

его обманывает богиня, явившаяся перед ним в образе Дейфоба. Друг, следовательно,— тот, кто сопровождает нас на нашем паломническом пути: он наш помощник¹. Иногда он не покидает нас на всем пути, а иногда появляется только в решающий момент. Порой он отправляется вперед, на разведку, а бывает, ограничивается тем, что утешает, дает советы.

---

¹ См.: R. G. Trevico. Note sulla struttura del mito. Milano, 1981.

Глава XII

1. В человеческой жизни наряду с влюбленностью, дружбой и другими формами любви есть еще одна важная область чувств — эротическая. Она может существовать и сама по себе, и вместе с другими чувствами. Влюбленность перенасыщена эротикой. Влюбленные готовы целые дни проводить в объятиях друг друга. Но сильное эротическое влечение существует и независимо от влюбленности. Более того, если мы посмотрим на вещи с точки зрения статистики, то увидим, что в повседневной жизни превалирует не влюбленность, а эротика. Не любовь, а эротика просматривается более или менее отчетливо во всех отношениях, возникающих между двумя полами. Все женщины склонны рассматривать каждого встреченного ими мужчину как возможный эротический объект. И все мужчины точно так же смотрят на женщин. Некоторые люди вызывают более сильное эротическое влечение, чем другие. Одно время о них принято было говорить, что они сексапильны — очень точное выражение, указывающее на специфику их привлекательности. Человек, вызывающий эротический интерес, может не иметь никаких других особенностей и достоинств. Ему не обязательно быть умным, честным, смелым. Эротическая привлекательность не имеет ничего общего с нравственными принципами. И в этом отношении она полностью противоположна дружбе, она ее антипод. Тем не менее эротика тоже приводит к возникновению различных союзов, заставляет людей искать друг друга, желать друг друга на расстоянии, вызывает у них стремление встретиться снова, быть вместе. Поэтому иногда ее путают с влюбленностью. Неудовлетворенное эротическое желание может привести к всплеску эмоций, похожему на влюбленность. Разница только в том, что, получив удовлетворение, это пароксизмальное желание идет на убыль. А влюбленные чем больше времени проводят

вместе, тем сильнее им этого хочется; чем большей близости они достигли, тем острее в них потребность сокращать дистанцию. Эротика же обладает свойством удовлетворяться. Она подражает страсти, перенимает все ее безумства. Но, достигнув цели, успокаивается и забывает о своих желаниях. Потом эротический интерес восстанавливается примерно так же, как восстанавливается энергия всех инстинктивных реакций: голода, жажды, сна. Эротический интерес отличается от влюбленности еще и тем, что его привлекает новизна, возбуждает смена объекта. А влюбленность упорно ищет одного и того же человека и, найдя его, лишается покоя. Эротика, даже если она ищет определенного человека, всегда готова заменить его. Лишь бы представился удобный случай.

У вступивших в эротические отношения одна цель — доставить наслаждение друг другу, и не более того. Каждый из них для другого — пища и питье. Возможно, это самая непосредственная, самая полная и самая произвольная форма взаимности. Поэтому для Фрейда и психоаналитиков половая сексуальность стала моделью взаимности. Более того, они сделали ее парадигмой всех взаимных человеческих отношений. Они утверждают также, что формы сексуальности догенитального уровня — онанизм, садизм, мазохизм — не могут быть взаимными. В данном случае нас, разумеется, не интересует, какое наслаждение испытывает садист, издевающийся над своей жертвой, как не интересуют нас и другие формы догенитальной сексуальности. Мы говорим только об эротике, которая подчиняется принципу взаимности, для которой важны ответные эмоции, взаимное наслаждение.

Как и дружба, эротические отношения осуществляются через встречи. Время в эротических отношениях тоже имеет прерывистую структуру. Но специфика эротики состоит в том, что она стремится не к возобновлению отношений, не к продлению их, а к разнообразию, к новизне, необычности. Эротика смотрит на человека с точки зрения возможности испытать новое, необычное ощущение сладострастия. И если она ищет одного

и того же человека, если жаждет только его, и никого больше, значит, каждый раз находит в нем нечто из ряда вон выходящее, получая исключительное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Влюбленный ищет своего единственного и неповторимого человека, все качества которого кажутся ему необыкновенными и вызывают в нем восторг. *Эротика же видит в человеке только эротические свойства и ищет не самого человека, а новые ощущения.*

Единица влюбленности, ее молекула — состояние зарождения. Влюбленность — это постоянно возобновляющееся чувство к одному и тому же человеку. Молекула дружбы — встреча, а сама дружба — цепь встреч с одним и тем же человеком. Молекула эротики — новое ощущение. Эротические отношения продолжают до тех пор, пока эротические ощущения, эротическое наслаждение остаются необычными, из ряда вон выходящими. Если эротика не находит этого в одном человеке, ей приходится искать другого. Назначение влюбленности — создать коллективную структуру: пару. Назначение дружбы — пройти вместе жизненный путь, плечом к плечу, преданно и честно. Цель эротики — дать друг другу необычайное наслаждение. Эротическое наслаждение происходит от слияния тел, от исчезновения на какое-то мгновение собственной идентичности. Во влюбленности два человека соединяются, чтобы создать новую общность, новое «мы», которое имеет тенденцию продлевать свое существование и изменять действительность. В эротике всегда два человека стремятся соединиться на время, отказываясь при этом от своей физической и психической индивидуальности. Как только необычайные ощущения кончаются, каждая индивидуальность восстанавливается, обогащенная новым эротическим опытом. Эротика — тоже познание. Ей интересно знать о каждом человеке особенности его поведения, его реакции. Возможно, она представляет собой самую простую форму взаимного познания двух полов, самый непосредственный способ достижения близости, которая поначалу обещает быть полной.

Все, что не находит своего выражения в чисто эротической форме, является, по мнению психоаналитиков, результатом либо самоустранения, либо сублимации. Психоаналитики считают, что в основе всех межличностных отношений лежит эротика. Любая межличностная связь — будь то любовь или дружба — достигает своей сущности, становится подлинной, только раскрыв свою эротическую природу. Такова концепция некоторых психоаналитических школ (таких, как школа Вильгельма Райха¹), скрыто присутствующая и в других психоаналитических доктринах. Психоаналитическая теория находит эмпирическое подтверждение в том, что почти все люди склонны оценивать с эротической точки зрения каждого представителя другого пола, с которым они вступают в контакт. А гомосексуалисты, естественно, представителей своего пола. Поэтому однополая дружба тоже поначалу несет в себе исходные эротические черты. В том случае, когда происходит отказ от эротики, дружба возникает, как полагают психоаналитики, именно как результат такого отказа. Следовательно, в основе дружеского влечения лежат те же эротические импульсы, только отвергнутые или сублимированные. Если бы дружба отдалась на волю этих импульсов, ей пришлось бы исчезнуть, уступив место эротике, порождением которой она является.

Молодым людям свойственно постоянно находиться в поисках эротического опыта. Отношения, не получившие сексуального выхода, воспринимаются ими как неполные, ущербные. Поиски сексуальности, погоня за эротикой в определенные жизненные периоды могут принимать характер навязчивой идеи. И тогда появляется цель — «соблазнить» или «завоевать» как можно большее число людей другого пола. Отчасти это вызвано желанием получить власть над ними, а отчасти — стремлением к исследованию, к познанию. Но количество в конце концов уничтожает знание, предельно упро-

¹ См.: W. Reich. La funzione dell'orgasmo. Milano, 1970; Analisi del carattere. Milano, 1970; Ascolta piccolo uomo. Milano, 1972.

щает опыт и в итоге убивает эротику. Начавшись со стремления познавать новое, встречаться с разными людьми, чтобы почувствовать, сколько в каждом из них есть своего, особенного, а значит, и необычного, эротический поиск утрачивает именно это ощущение новизны, неожиданности. Сознание запечатлевает только множество обнаженных тел, похожих одно на другое. Эротика растворяется в этом полном и абсолютном отсутствии дифференциации.

Эротика противоречива. Речь идет о противоречии между индивидуальностью и процессом слияния. Индивид нужен эротике для того, чтобы уничтожить его, совершить над ним насилие. Она стремится к слиянию, к обнаженности, потому что ищет в них нечто особенное, неповторимое. Жорж Батей¹ очень тонко подметил эту склонность эротике к осквернению. Ей нужны чистые, невинные, ангельские лица, чтобы обойтись с ними непристойно, вынудить их к тому, что, судя по внешности, им совсем не свойственно. Ей нужны красивые, элегантные одежды, изысканные, царственные туалеты, чтобы сбросить их. Мужчина в вечернем костюме холоден, неприступен, изящен; женщина — надменна, недоступна, безупречна, как жрица или богиня. Чтобы усилить эротическое влечение, человеческие существа подчеркивают все, что может увеличить дистанцию между ними. А затем эротика уничтожает эту дистанцию, срывая все покровы. Надменные щеголи, заносчивые и невозмутимые, в один миг превращаются в примитивных голых людей; раздетые богини теряют всякий стыд. Поэтому эротическая встреча не что иное, как насилие, разрушение, кощунство, необузданность. На самом деле вечернее платье — это не только строгость, защита, отстранение, желание сохранить дистанцию. Все это, конечно, имеет место, но в то же время в этом платье угадывается и нечто противоположное: намек на скрытое под ним обнаженное тело, тайное приглашение дать волю разнузданным страстям. Женщины непроницаемы и недоступны, как божества. Но элеган-

¹ См.: G. Bataille. L'erotismo. Milano, 1969.

ные одежды, кажется, вот-вот спадут с них. Они оставляют открытой грудь, или целиком оголяют спину, или с помощью головокружительного разреза выставляют напоказ ноги. Женщины соблазняют, одновременно отталкивая и приглашая, сопротивляясь и маня. Это не означает полного расположения. Но ведь женский способ соблазнять не более чем символ, который подразумевает, что мужчина должен быть впереди, предлагать, брать на себя инициативу. Чтобы у женщины оставалась возможность защищаться, насмехаться, а потом внезапно уступить, когда этого уже никто не ждет. Эта модель поведения генетически запрограммирована в человеческих существах, как, впрочем, и почти во всем живом мире. Биологический вид *homo sapiens* сознательно и искусно усиливает то, что заложено в нем природой. Этот биологический вид, не имеющий ни шерсти, ни перьев, ни произвольных эротических запахов, не зависящий от своих инстинктов, создал себе целую культуру соблазнов, с помощью которой можно вызывать эротический интерес чуть ли не по желанию.

2. Чем же отличается дружба от эротических отношений? Первое, что приходит на ум,— постоянство. Но это неверно. Есть разные формы дружбы. Некоторые друзья проводят рядом друг с другом всю жизнь. Другие встречаются редко или даже только в исключительных случаях, тем не менее у них дружба — настоящая. С другой стороны, эротическое влечение может породить отношения, которые будут продолжаться очень долго. Для дружбы главное не продолжительность и регулярность общений, а встреча. Именно здесь нужно искать ее отличие от эротики. В таком случае, может быть, все дело в структуре времени? Наши встречи с другом — вне времени. Мы уже видели, что время в дружбе исчезает, перестает играть какую бы то ни было роль, ибо отношения между двумя друзьями не вызывают сомнений, не могут стать причиной тоски, напряжения. Все, что происходит между встречами, не вырастает в проблему. Но и для эротической встречи тоже важно только настоящее, сиюминутное наслажде-

ние, а то, что происходит между встречами, не имеет значения. Таким образом, и в том, и в другом случае мы имеем дело с прерывистой структурой времени. Разница же заключается в характере самого *опыта*. Эротический опыт никогда не бывает случайным, он готовится заранее. И бывает нацелен на то, чтобы получить новое, необычайное наслаждение, не обязательно взаимное. Если этого не происходит, желание идет на убыль и может даже совсем исчезнуть. Дружба ничего не готовит заранее. Друзья ничего не ждут от своей встречи. Они не судят ее, не оценивают. Если встреча была недостаточно насыщенной, это неважно. У дружбы много времени в запасе, очень много. И друзьям еще не раз представится случай встретиться по-настоящему. А эротическая встреча готовится с учетом результата. После того как она произошла, ее оценивают, выносят ей приговор. Каждый хочет от другого выдумки, новизны, искры. Эротика — это взаимная услуга, которая должна приносить удовлетворение. Каждый может разочароваться в другом, и, если разочарование повторяется два или три раза, нет никакого резона продолжать поиски того, что не существует. Различного рода консультанты, сексологи, психоаналитики тонут в огромном количестве вопросов о том, как улучшить сексуальные качества людей, озабоченных этими проблемами. Пары экзаменуются, подвергаются проверкам с помощью тестов, изучают друг друга, чтобы усовершенствовать свой *performance**. Существуют специальные пособия и учебники. Любовь, если понимать ее в эротическом смысле, — искусство, которому нужно учиться и учить. Искусства влюбляться или искусства дружить не существует. Книги, подобные той, которую написал Фромм об искусстве любить¹, — такие же мистификации, как и книги Карнеги об искусстве приобретать друзей. Нельзя научиться любить, это известно априори. Дружбе тоже нельзя научиться. Можно научиться хорошим манерам, вежливо-

* *Performance* — исполнение, действие (англ.).

¹ E. Fromm. *L'arte di amore*. Milano, 1981.

сти, и это, конечно, пойдет на пользу как в любви, так и в дружбе. *Но соблазнять надо учиться.* Мир эротики — это мир средств и целей: цели познаются, а средства совершенствуются, становятся еще более изощренными. Друзья и влюбленные встречаются, не зная, чего они хотят. Цель обнаруживается во время самой встречи. Поэтому чем активнее мы ищем, чем сильнее стараемся повлиять на себя и на друга, чем точнее все просчитываем, чем больше стараемся соблазнить, тем плотнее закрываются наши глаза и уши для восприятия этой цели. А в эротических отношениях каждый должен знать себя и другого. Чтобы соблазнить другого, чтобы усилить в нем желание и соответствующим образом ответить на это спровоцированное желание.

Подавляющее большинство усилий, предпринимаемых распадающимися парами, ни к чему не приводят, и не потому, что они не овладели искусством соблазнять и совершенствовать эротические отношения. А потому, что у них нет любви, а любви нельзя научиться. Только любовь может соединить: будь то материнская любовь, влюбленность или дружба. Если ее нет, эротика, по той самой причине, что она является временной услугой, не может спасти положение. Ее успех зависит от того, насколько я жажду получить наслаждение, от желания и упорства, с которыми я завоевываю, соблазняю другого. Но зачем мне стараться, если я не люблю его? Если он мне не друг? Пары, которые обращаются в консультации, хотят продлить свое существование в качестве пар, продолжить сложившиеся отношения. Эротика они считают средством для того, чтобы спасти и укрепить эти отношения. Но эротика, в ее чистом виде, нисколько не заинтересована в длительности своего существования. Она хочет лишь необычайного наслаждения, и ничего более. Она готова пойти на театрализацию, на любые уловки при условии, что ей с избытком удастся получить то, что она ищет. Но как только возникают сложности и долг оказывается сильнее наслаждения, она капитулирует.

Эротические отношения, в отличие от дружбы и от

любви, могут прекратиться внезапно, без сожалений, угрызений совести и обид. Любовь кончается только после многочисленных неудач. Дружба умирает, когда ее травмируют предательством или разочарованием. Поэтому ее конец тоже связан с болью, с чувством горечи и разочарования, которое может продолжаться очень долго. А эротические отношения умирают в течение одной ночи, не оставляя следа. Человек, которого мы держим в объятиях, трепеща от страсти и повторяя «любимый, любимый», становится для нас таким же, как все. Многие из так называемых влюбленностей, или «романов», или увлечений — всего лишь эротические связи, слегка подкрашенные романтикой.

3. Дружба в отличие от сексуальности не может находить удовлетворения в себе самой. Люди, вступившие в эротические отношения, повторяют друг другу: «Как ты мне нравишься, как хорошо с тобой, как мне приятно быть с тобой рядом, как хорошо нам вместе». Эротика должна кричать о наслаждении: о своем собственном наслаждении и о наслаждении быть рядом с другим, быть вместе. Чувство стыдливости ей незнакомо. Более того, эротические отношения стимулируются разговорами о взаимном наслаждении. А дружба, наоборот, застенчива, стыдлива, молчалива. Двое друзей никогда не станут говорить друг другу: «Как нам хорошо вместе». Дружба может доставлять удовольствие, вызывать чувство огромного удовлетворения. Но об этом не говорят. Получить, наконец, возможность отблагодарить друга, который очень помог нам когда-то, — счастье, радость, бьющая через край. Но сказать об этом другу мы не можем. Если мы заговорим с ним об этом, если скажем ему: «Посмотри, теперь, когда я могу отблагодарить тебя, я счастлив, как дитя», он почувствует себя неловко. И тогда наше счастье тоже улетучится. Поэтому мы должны уметь сдерживать эмоции. Это довольно любопытное явление. Поверяя другу наши самые сокровенные тайны, мы не можем рассказать ему о наших чувствах к нему самому. Но это и понятно. То, что мы делаем для друга, благо-

родно по сути своей и поэтому не может быть выставлено напоказ, не может служить источником нашего самодовольства. Мы не можем сказать: «Посмотри, какой я благородный». Ибо похваляющаяся собой добродетель уже не добродетель. *Никто не должен кичиться своей добродетелью.* Нельзя сказать о себе: «Я — скромный, щедрый, я — альтруист». Достаточно только подумать так, чтобы превратиться в человека нескромного и эгоиста. Нельзя хвалиться тем, что является основой всякого нравственного поступка: бескорыстием, любовью к другому, заботой прежде всего о нем, а не о себе. Самодовольство эгоистично по сути. Потому-то мы, хотя нас и переполняет радость, не можем побежать к другу и рассказать ему о своих чувствах к нему.

Следует еще раз подчеркнуть, что дружба — этическая форма эроса. Именно по этой причине настоящая верная дружба старается держаться в тени. Тот, кто повсюду заявляет: «N? Да это мой лучший друг! NN? Да мы с ним старые друзья!» — на самом деле ни с кем из этих людей по-настоящему не дружит. Разумеется, у него с ними неплохие отношения, он хорошо их знает, может обратиться к ним с просьбой, пользуется у них доверием, но не более того.

Влюбленные клянутся друг другу в вечной верности. Друзья никогда не произносят клятв, не связывают себя никакими обещаниями. Если я начну уверять кого-нибудь из друзей в своей дружбе, он посмотрит на меня, как на сумасшедшего. Влюбленный, говоря «я буду любить тебя вечно», бросает себя к ногам того, кого он любит. Сказать «я любил тебя всегда» тоже подразумевает капитуляцию на любых условиях. В то же время подобные заявления делаются как бы в ожидании похвалы, в надежде на благодарность за проявленный героизм. Среди друзей фразы типа «я всегда был твоим другом» или «я всегда буду твоим другом» произносятся только тогда, когда один из друзей не верит в искренность другого, то есть когда дружбы уже не существует. Настоящие друзья никогда не станут гово-

рять это друг другу, и даже мысли подобные для них недопустимы.

По законам нравственности ни одна добродетель — включая героизм — не имеет права похвалиться собой, афишировать сама себя. Многие считают, что дружба склонна сглаживать острые углы, что она избегает рискованных решений, смелых, героических поступков. Это вовсе не так. Героизм дружбы — стоический. Он не терпит болтовни. Что бы ни совершил друг, он только скажет «не стоит об этом» и не захочет даже слышать о благодарности. Если же мы станем анализировать конкретные поступки двух влюбленных, мы увидим, что героического в них часто бывает очень мало. Зато много высокопарных разговоров.

Из всех многочисленных форм любви только дружба проявляет такую благородную стыдливость. Мать в порыве любви обнимает сына; она находит его прекрасным, замечательным, самым красивым и самым умным на свете. Влюбленные кричат о своей любви. И в том и в другом случае речь идет не об эгоизме, а об альтруизме, который вовсе не страдает от бурного проявления чувств. Ибо эти двое почти слиты воедино. Где кончается мать и где начинается сын? И как отделить того, кто любит, от того, кого любят? В этих видах любви эгоизм и альтруизм теряют смысл. А в дружбе другой всегда остается и должен оставаться самим собой. И в отношении с ним я никогда, даже на мгновение, не могу перепутать альтруизм с эгоизмом. Все добродетели должны безоговорочно сохранять свою природу. По отношению к другу я всегда должен оставаться альтруистом, всегда быть честным, искренним, скромным, тактичным. Если я веду себя иначе, дружба умирает. Если же мне удастся вести себя именно так, я не имею права впадать в самодовольство. Вот почему дружба молчалива и застенчива.

4. Может ли эротика уживаться с дружбой? Мы убедились, что речь идет о разных типах отношений и что их нельзя путать. Но это не означает, что они несовместимы. Попробуем в связи с этим более обобщенно

взглянуть на отношения, которые складываются на основе некоторых любовных чувств.

Дружба и влюбленность — вещи разные и несовместимые. Если я говорю любимому человеку: «будем друзьями», это означает, что я его больше не люблю. Нельзя совместить дружбу с любовью, возникающей из устойчивой формы влюбленности. Любовь, которая рождается из влюбленности (установление), несет в себе ее основные черты. У любящих друг друга людей могут происходить встречи такого же типа, как и у друзей. Но их чувство имеет монополярный характер, им свойственна сексуальная ревность, во всяком случае, они всегда ревнуют к другой влюбленности. «Мы», рожденное любовной парой, представляет собой коллектив, в котором есть взаимные обязанности и пристальный взаимный контроль. В дружбе это невозможно. Если мы внесем в жизнь пары либерализм дружбы, мы ее разрушим. Дружба тоже является формой любви, но совершенно иной. А эротика нельзя даже считать одной из форм любви. По своей природе она неспособна создавать прочные отношения. Она не является, как говорят психоаналитики, «постоянным целенаправленным вкладом» или, по крайней мере, не бывает таковым в большинстве случаев. Поэтому эротика не противопоставляет себя другим формам любви, она может соединяться с ними, образуя различные сочетания. В соединении с влюбленностью она освящает ее, делает ее возвышенной. Эротически воспринимаемое тело любимого человека вызывает преклонение, обожание. При этом эротика утрачивает свои разрушающие, оскверняющие свойства. Ибо влюбленность сама по себе есть выход за пределы правил, есть революция. Соединение эротики с любовью в стадии установления не столь однозначно. Чтобы остаться самой собой, эротике нужно вновь установить дистанцию, отмежеваться от любовной нежности. Эротика требует новых, сильных эмоций, повседневные заботы действуют на нее губительно. Поэтому иногда сочетание эротики с любовью по прошествии определенного времени распадается, и любовь, освобождаясь от эротики, превращается

в привязанность, нежность, преданность. Но тем не менее она и без эротики остается любовью, не исчезает. У любви всегда есть возможность активизироваться и вновь вернуться к эротике, ибо, выйдя из состояния зарождения, она продолжает нести в себе все его свойства.

Взаимоотношения эротики и дружбы еще сложнее. Дружба включает в себя гораздо больше разнородных элементов, чем эротика. Обычно в отношениях между двумя полами наступает такой момент, когда встреча может повернуть и в сторону эротики, и в сторону дружбы. Почти всегда та или другая сторона совершает выбор. Тем не менее дружба может уживаться с эротикой. Дружба между двумя разнополыми людьми, которые состояли или состоят в эротических отношениях, возможна. То же самое относится и к людям одного пола, если речь идет о гомосексуалистах. Это объясняется тем, что дружба живет своей, независимой жизнью, не испытывая потребности в эротике, и легкомыслие, свойственное последней, никак ей не угрожает.

Сама по себе эротика не перерастает в дружбу. Эротическое влечение может возникнуть из явлений совсем не совместимых с дружбой, таких, как вульгарность, каприз, обман. Эротика двулична по своей природе. Она одновременно говорит и «да» и «нет». Из отношений, построенных только на эротическом влечении, не может родиться незамутненная нравственность дружбы. Но в тех случаях, когда дружба уже существует или возникает сама по себе посредством встреч, когда отношения строятся на прочной нравственной основе, эротика не может их разрушить.

Эротика не рождает дружбу, но *дружба совместима с эротикой*. Для эротической дружбы очень важна цепь встреч. А кроме того — откровенность, доверие, душевная чистота. Если все это есть, дружба может существовать рядом с эротикой, так же как она существует рядом с любовью, возникшей из влюбленности. От последней она отличается тем, что не ревнует, не требует для себя никакой исключительности, не претендует на полное и постоянное обладание. Эротика всегда бы-

вает придатком дружбы, ее несущественной деталью. И если эротике это удастся, если она не становится угнетающей и властной, а остается «сладким довеском», ни к чему не обязывающим,— тогда она может жить долго.

В *эротической дружбе* нет места обольщению и желанию распоряжаться судьбой другого, иметь над ним власть. Настоящая эротическая дружба — это бескорыстный, благородный порыв, направленный на то, чтобы совершенствоваться самому и помочь в этом другому. Без мелочных подсчетов всех «за» и «против», без желания удержать, повелевать, влиять, направлять. Друг принимает своего друга с любовью и старается доставить ему радость. Неважно, ждал ли он его, или тот пришел неожиданно. Друг отдает, ничего не прося взамен, и получает, ничего не спрашивая. Если эротике удастся все это освоить — а иногда ей это удастся,— она может жить рядом с дружбой. В противном случае она ее разрушает.

Глава XIII

1. В повседневной жизни царят власть и произвол. В учреждениях и на предприятиях нередко встречаются руководители, для которых нет большего удовольствия, чем проявлять свою власть над подчиненными. Между коллегами идет борьба за место в служебной иерархии и за повышение в ранге. Вся служебно-производственная система представляет собой лестницу, ведущую к вершинам престижа и власти. Даже удовольствия и развлечения превращаются в средства для достижения более высокого общественного положения. Party, например,— это своего рода рекламное мероприятие, где каждый старается сделать все, чтобы его заметили. Именно так и возникают социальные оценки и создается иерархия престижа. Но при этом речь идет вовсе не об объективных и беспристрастных оценках. Образовавшиеся в процессе общения различные группы представляют собой коалиции, цель которых — бороться с противниками, уничтожать конкурентов. В ход пускается злословие: всем миром нападают на кого-то одного и выводят его из игры.

Жажда власти, желание выделиться, повелевать другими имеют место и в жизни семьи, в отношениях между супругами, между любящими друг друга людьми. В супружеских парах идет постоянный скрытый поединок, в котором каждый утверждает за счет другого, заставляет его чувствовать себя виноватым, унижает. Иногда кажется, что от пылкой влюбленности не осталось ничего, кроме потребности подавлять другого и мстить ему. Глядя на некоторые пары, задаешься вопросом, что же их связывает больше: любовь или желание мстить¹, держать другого в узде, подавлять его волю. Некоторые люди весьма далеко заходят в своей

¹ Итальянскому писателю Франко де Фавери удалось в своих романах глубоко проникнуть в этот эмоциональный мир. См., например: F. De Faveri. *Veneria bianca*. Venezia, 1977.

агрессивности и жажде власти, становясь для своих домашних или для своих подчиненных самыми настоящими деспотами. Что бы другой ни сделал — даже самое замечательное, даже самое великолепное, — они никогда не похвалят его без оговорок. Обязательно найдут какой-то дефект, придерутся к какой-нибудь мелочи и сведут на нет ценность всей работы. Они заставляют своего собеседника всегда чувствовать себя человеком, совершившим оплошность, виноватым. Это напоминает мрачную мораль времен Контрреформации, когда верующие находились в плену постоянного страха: можно было прожить всю жизнь святым, но согрешить в самый последний момент и оказаться в числе приговоренных к вечным мукам. Достаточно было какого-нибудь ничтожного обстоятельства, проявления небрежности или слабости, и все было кончено. Оставим, однако, эти примеры крайней психологической жестокости; в повседневной жизни наша радость может быть отравлена всего лишь каким-нибудь замечанием или репликой находящегося рядом с нами человека. На первый взгляд такие вещи кажутся случайными, но в действительности в них присутствует глубоко запрятанное намерение отравить радость, причинить боль. Вот от этих-то мелочных огорчений, от этого бремени повседневности и освобождает нас дружба.

Друг никогда не может быть мелочным по отношению к нам. Если человек, которого мы считаем другом, отпускает в наш адрес неприятные нам реплики, если он отравляет нам радость успеха, если он своими замечаниями ставит нас в неловкое положение, мы можем быть вполне уверены, что этот человек — что бы при этом он сам ни утверждал — не друг нам. То же самое можно сказать о злословии. Друг никогда не станет злословить в наш адрес. Если другие начнут о нас судачить, он либо будет нас защищать, либо немедленно уйдет. Он не останется даже для того, чтобы послушать и потом передать нам, о чем они говорили. Тот же, кто поступает иначе, кто постоянно передает нам все дурное, что о нас говорят, получая от этого удовольствие, не друг нам.

В дружбе нет места для насилия и властности даже

в самом незначительном, бытовом смысле, в ней нет места и для мелкого коварства. Друзья великодушны по отношению друг к другу, они ведут себя как благородные рыцари. Все, что несовместимо с благородством, отбрасывается. Поэтому встреча друзей прерывает налаженное и полное ничтожных забот течение будничной жизни. Наступает момент умиротворения и олимпийского спокойствия, возвышающего нас над всеми интригами и кознями.

2. Повседневная жизнь *амбивалентна*. По отношению к другим людям, так же как и к себе самим, мы часто испытываем не одно какое-то чувство — например, любовь или ненависть, — а два противоположных чувства одновременно. Мы любим и ненавидим в одно и то же время. Фрейд утверждает, что мы можем рассматривать эрос и агрессивность как вклады с положительным и отрицательным зарядами. Положительный — у эроса, отрицательный — у агрессивности.

Объект любви (человек, которого мы любим, наш ребенок, или наша мать, или даже наша родина, наша религия) постоянно получает положительные заряды. Чем важнее сам объект, тем больший заряд он получает. Наши личные враги, враждебная нам политическая партия или просто преступники — то есть все, что постоянно вызывает нашу неприязнь или ненависть, — это объекты, непрерывно получающие отрицательные заряды. Отношения не амбивалентны, если объект получает только положительные или только отрицательные заряды, если он наш безусловный друг или безусловный враг.

Наличие или отсутствие амбивалентности имеет большое значение для концепции удовольствия. Фрейд утверждает, что мы испытываем удовольствие и тогда, когда выражаем нашу любовь, и тогда, когда даем выход своей агрессивности. Воин, стоящий над трупом убитого врага, «счастлив так же, как любовник в объятиях своей любимой»¹. Счастье воина заключается

---

¹ S. Freud. Considerazioni affuali sulla guerra e sulla morte. Torino, 1976, vol. VIII, p. 141.

в том, что его агрессивность разрядилась на врага, то есть на объект, постоянно получавший отрицательные заряды. Счастье любовника возникает потому, что человек, которого он держит в своих объятиях,— существо, обладающее положительными зарядами. Воин был бы несчастлив, если бы убил любимого человека, а любовник был бы несчастлив, оказавшись в объятиях врага. Это очень простое, но весьма важное правило, которое может быть сформулировано так: мы испытываем удовольствие только тогда, когда наши заряды устремляются к объектам, получающим заряды с таким же знаком. Каждый раз, когда наша агрессивность бывает направлена на объект любви, мы страдаем, например, от угрызений совести. И каждый раз, когда эрос обращается на негативные объекты, мы испытываем гнев и возмущение против самих себя.

Теперь нам понятно, почему амбивалентность связана со страданием. Она мешает нам испытывать удовольствие от агрессивности и от любви в их чистом виде. Если мы амбивалентны, у нас возникает желание причинить боль любимому человеку. Потом мы чувствуем себя виноватыми, стараемся исправить то, что совершили. Амбивалентность — это хаос, энтропия. Ее рост в живых существах означает болезнь, смерть. Возможно, что в человеке уже само по себе наличие амбивалентности вызывает страдание.

Почему амбивалентность господствует в нашей повседневной жизни? Именно потому, что некоторые объекты нашей любви очень важны для нас. Мать любит своих детей. Но при этом она все время должна быть с ними, ежеминутно заботиться о них, даже тогда, когда она устала, когда ей этого не хочется. Решив быть матерью, она ставит себя в зависимое положение. Дети дают ей возможность состояться как женщине, но становятся препятствием для ее личной эволюции в других сферах. Вот отсюда постепенно и рождается амбивалентность. Мать любит своих детей, но в то же время в ее душе зреет досада. То же самое можно сказать и об отношениях между детьми и родителями. Детям необходимы родители, которые их кормят, заботятся о них,

становятся объектами их идентификации. Но при этом родители ограничивают их свободу, сдерживают их порывы.

Амбивалентность процветает во всех сферах повседневной жизни. В учреждении — среди коллег, в отношениях с подчиненными, дома с близкими. Однако страданием она оборачивается только тогда, когда речь идет о людях, с точки зрения нашего эмоционального восприятия очень важных для нас. Нам ничего не стоит не испытывать противоречивых чувств по отношению к тем, кто нам безразличен. Один человек вызывает у нас симпатию, другой — нет, но это не влечет за собой никаких проблем. Зато нам не избежать смешения двух противоположных чувств, если мы так или иначе связаны с человеком, который необходим нам, и хотим, чтобы он всегда был рядом. Амбивалентность — это болезнь прочных отношений. Бремя ее тем тягостней, чем сильнее и глубже связь. Страдание, вызываемое амбивалентностью, прямо пропорционально интенсивности чувств, которые мы испытываем к объекту.

Дружба — единственный вид любви, исключаящий амбивалентность. Мы уже видели, что в состоянии влюбленности можно ненавидеть любимого человека. Можно быть амбивалентными по отношению к родителям и детям. Но в отношениях с друзьями амбивалентности быть не может. Если вдруг она появляется, дружба начинает страдать; если амбивалентность не исчезает, дружбе приходит конец. Вероятно, именно по этой причине друзья предпочитают видеться время от времени (тогда, когда у них возникает желание), но не жить вместе. Постоянная совместная жизнь неизбежно ведет к возникновению причин для разлада, для обид, а мелочи такого рода, накапливаясь, могут приобрести решающее значение. Совместная жизнь усиливает взаимную привязанность, но в то же время она разделяет. Влюбленные рискуют своими отношениями, выбирая этот путь и стремясь к слиянию. Дружба же предпочитает отказаться от слияния в пользу встречи. Встреча всегда несет в себе позитивный заряд. Если

дружба сумела стать переплетением встреч, она уже не амбивалентна.

Именно поэтому во время встречи с другом мы испытываем чувство интеллектуального и эмоционального раскрепощения. Друг — человек открытый, откровенный, ему чуждо двуличие. Встреча с другом — это остров чистоты в мутном море амбивалентности. Это, безусловно, позитивный момент, перекрывающий постоянный поток двусмысленностей. В повседневной жизни нельзя обойтись без амбивалентности. Она возникает как результат прочных связей между объектами. Однако бывают и такие отношения, в которых она сведена к минимуму или вовсе отсутствует. Дружба — это чувство, абсолютно лишённое амбивалентности, наиболее защищённое от повседневности, от будничного оупления.

3. В повседневной жизни царит зависть. Несомненно, это одно из самых сильных чувств, свойственных человеческому существу. Фрейд придавал зависти большое значение при объяснении различий между полами. Мелани Клейн считает зависть врожденным качеством, проявляющимся в людях уже с первых месяцев жизни¹. Однако автором, которому удалось наиболее полно описать роль зависти, стал француз Рене Жирар². Жирар утверждает, что человек — это подражательное животное. Его удивительное свойство усваивать новое объясняется именно способностью ставить себя на место другого и желать того же, чего желает другой. Дети учатся понимать, что для них хорошо, чего им следует хотеть, идентифицируя себя с родителями. Но они готовы идентифицироваться и с себе подобными. Чтобы понять, как действует это удивительное чувство, понаблюдаем за поведением ребенка, которому дали какой-нибудь предмет. Он не хочет его брать, не знает, что с ним делать. Но если мы этот же предмет дадим другому ребенку или сами начнем им манипули-

¹ См.: M. Klein, J. Riviere. *Amore, odio e riparazione*. Roma, 1969.

² См.: R. Girard. *La violenza e il sacro*. Milano, 1980.

ровать, он тут же захочет его взять. Значит, желание получить этот предмет появляется у него только тогда, когда другой начинает им пользоваться. «Желание получить что-либо,— говорит Жиран,— это всегда желание другого человека (с которым мы идентифицируемся). Желание и зависть рождаются одновременно. Желание появляется потому, что есть еще кто-то, кто желает того же. Именно желание другого человека и вызывает в нас стремление иметь то же самое и быть на его месте, а значит, взять у него желаемое».

С помощью этой же теории Жиран объясняет эдипов комплекс. Ребенок, идентифицируя себя с отцом, испытывает те же желания, что и его отец: абсолютно те же и в такой же степени. Если отец хочет, чтобы мать принадлежала только ему, ребенок тоже начинает испытывать желание владеть ею безраздельно. Такой конфликт объяснить совсем не сложно. Самый нежный, самый ласковый, самый заботливый отец невольно создает своего двойника, который стремится получить все то, что есть у него. Но ребенок не может обладать тем, что есть у взрослого, и точно так же этим распоряжаться. Поэтому конфликт и разочарования неизбежны.

Жиран считает, что подражательная зависть лежит в основе почти всех человеческих отношений. Возьмем, к примеру, влюбленность. Мы влюбляемся в человека только тогда, когда он становится объектом желаний другого¹. Нам такое обобщение представляется необоснованным. Бывают желания, существующие сами по себе, независимо от того, есть ли еще кто-нибудь, кто желает того же. Мать любит своих детей, они ей желанны, и вовсе не потому, что какая-то другая женщина вызывает у нее чувство зависти. И все же в повседневной жизни у нас действительно нередко возникает желание иметь то, чем владеет другой, в особенности если этот другой находится на той же ступени социальной лестницы, что и мы. Теория потребления Мо-

¹ См.: R. Girard. *Mensonge romantique et vérité romanesque*. Paris, 1962.

дильяни и Дьюзенберри¹ основывается на *demonstratio effect*. Нам хочется иметь те же предметы потребления, которые мы видим у людей, наиболее часто вступающих с нами в контакт: у наших соседей, у людей, принадлежащих к одной с нами социальной группе. Когда у нас появляется желание иметь то, что есть у нас подобных, к этому желанию нередко примешивается и чувство досады, и мысль о том, что *они не* должны пользоваться тем, чего *мы* лишены. Зависть складывается из разных компонентов: идентификации с другим, желания иметь то, что есть у него, досады, что у него это есть, а у меня — нет. Порой к этому добавляется ощущение несправедливости и желание лишить другого того, что он имеет, заставить его страдать.

А раз *подражательная зависть* играет такую важную роль в возникновении потребностей, не будем удивляться, что она столь часто встречается в повседневной жизни. Однако степень агрессивности, ненависти, зависти у разных людей бывает разной. Одни люди, едва почувствовав желание иметь то, чего они иметь не могут, стараются как можно скорее забыть об этом желании и с легкостью от него отказываются. Зависть, таким образом, гибнет в зародыше. Другие же культивируют это желание, подогревая в себе чувство обиды и досады. Марксизм как популярная идеология построил свою теорию на этом чувстве зависти-досады, на пропаганде идеи несправедливого устройства мира, направленной против имущих, и идеологически оправдал экспроприацию и насилие. Американская культура тоже способствовала расцвету зависти как стимула в соперничестве, в конкурентной борьбе, в стремлении к успеху.

Зависть — чувство низкое, угнетающее, болезненное, она отравляет наши отношения и заставляет нас молча страдать. Завистник счастлив, видя, что другой страдает, что ему не повезло, что он потерпел неудачу. И наоборот, он несчастлив, когда другой доволен, когда ему все удается. Поэтому зависть — антипод любви.

¹ См.: I. S. Duesenberry. *Income, Saving and the Theory of consumer Behavior*. Cambridge, Mass., 1944.

Любовь желает другому счастья, зависть — несчастья. Зависть — одна из форм проявления злобы, агрессивности, желания навредить, заставить страдать. В повседневной жизни зависть подстерегает нас повсюду, даже в отношениях между родителями и детьми. Общеизвестны случаи зависти между братьями и сестрами. Они соперничают буквально во всем: им нужны одни и те же объекты любви, одни и те же поощрения. Поэтому можно утверждать, что им свойственна глубокая амбивалентность.

У влюбленных зависти не бывает. Они могут испытывать ненависть, досаду, желание отомстить любимому человеку за то, что он не отвечает взаимностью, но не зависть. Влюбленные живут слишком необычной жизнью. Каждый в глазах другого — или божественное создание, или демон, а демонам и богам завидовать нельзя. Зависть — это чувство равных. Рене Жирар справедливо критикует теорию Эмиля Дюркгейма, согласно которой общественная солидарность в первобытном обществе возникла потому, что члены этого общества были равны между собой, у них были одни и те же ценности, одни и те же желания. В подобных ситуациях, замечает Жирар, зависть достигает апогея. Для первобытного общества в зависти заключается самая большая опасность. Зависть приводит к тому, что внутри этого общества начинается война каждого против всех, которая становится возможной только потому, что все члены общества испытывают одни и те же желания¹. Поэтому первобытное общество стремилось к дифференциации путем создания различного рода ритуальных ограничений и табу. Оно испытывало ужас перед всем, что могло быть воспринято как символ одинаковости, перед всем, что говорило об исчезновении различий. Например, перед близнецами, особенно если они похожи. Или перед кровосмешением, стирающим границы между единокровными родственниками, между родителями и детьми. Современное же общество пре-

¹ См.: E. Durkheim. La divisione del lavoro sociale. Milano, 1963.

возносит равенство. И оно может его восхвалять, ибо общественное разделение труда и профессиональная специализация являются гарантией социальной дифференциации. Тем не менее даже в этом обществе подражательная зависть всегда готова вспыхнуть там, где действительно все равны. Один из способов противостоять зависти — создание групповой солидарности, направленной против общего врага, благодаря чему агрессивность находит выход за пределами группы.

Дружба, безусловно, является исключением: это тот вид отношений, который не подвержен подражательной зависти. Друзья равны между собой. У них много общего, чаще всего им бывают дороги одни и те же ценности. Каждый учится у другого, как ему поступать и чего следует желать. Единственный опыт, который мы всерьез воспринимаем, — это опыт друга. И несмотря на все это, друзья не завидуют друг другу. Почему же при такой глубокой идентификации нет зависти? Как объясняется этот очевидный парадокс?

Начнем с того, что друзья, едва заметив в себе желание иметь то, что есть у другого, немедленно прерывают идентификацию и устанавливают дистанцию, гася, таким образом, это желание. Мы видели, что дружба возможна лишь тогда, когда друзья способны ограничить свои желания, сократить свои потребности, отказаться от них. Теперь мы понимаем, как это важно. Идентификация вызывает в нас точно такие же желания, которые испытывает другой, заставляет нас хотеть того же, чего хочет он. Мы, как правило, перенимаем его желания. Но у друзей все обстоит иначе. Желание друга, хоть и вполне нам понятное, остается все-таки *его* желанием, и мы прикладываем все усилия, чтобы *его* желание осуществилось. *Мы не соперничаем с ним, а защищаем его интересы.*

Это удивительное свойство дружбы возникает как следствие процесса, который мы описывали, говоря о встрече. Во время встречи с другом мы узнаем, каковы наши истинные желания, сначала идентифицируясь с ним, а затем *дифференцируясь*¹. Дифференциация

¹ Используя терминологию Макса Шелера, скажем так: дружба порождает симпатию. Слияние у влюбленных, так же как и подража-

ция является предпосылкой нашей идентичности. С другой стороны, нам удастся понять, кем мы являемся и чего мы хотим, благодаря тому, что наш друг с уважением относится к нашим желаниям и к нашим целям, признавая их принадлежащими только нам.

Отказываясь считать своими желания друга, мы на самом деле только выигрываем от этого. В результате мы продвигаемся вперед по пути собственной индивидуализации. А это возможно только при участии друга. Вот почему у друзей не бывает зависти: он — это всегда он, а мы — всегда мы, и нам нет надобности выходить за пределы нашего «я».

Отказываться от желания, которое испытывает наш друг, естественно и приятно. В этот момент мы ясно ощущаем, что в большей степени стали самими собой, испытываем чувство удовлетворения.

Подводя итог нашим наблюдениям, напомним также, что мы не можем желать для себя человека, которого любит наш друг. Раз он любит его и мечтает только о нем одном, значит, этот человек автоматически перестает быть предметом наших желаний. Конечно, может случиться и так, что мы влюбимся в этого человека. В таких случаях ситуация становится драматической. В самом деле: состояние зарождения обладает правом рвать все предыдущие связи, в том числе и связи дружеские. Но, если исключить влюбленность, во всех случаях, когда речь идет об эротических желаниях, действует правило, по которому настоящий друг считает для себя недопустимым мечтать о человеке, являющемся единственным объектом желаний другого. Иначе мы имеем дело не с настоящей дружбой, а с одним из многочисленных проявлений лицемерного дружелюбия. Или, проще говоря, с такой ситуацией, когда дружба прекращает свое существование.

4. Дружба прерывает течение будничной жизни, возвышается над ней. Повседневность же старается внедриться в дружбу, взять ее в плен, навязать ей свои зако-

тельная зависть, является формой унипатии. См.: M. Scheler. *Essenza e forme della simpatia*. Roma, 1973.

ны. Это особенно хорошо видно на примере отношений, которые складываются между супругами и их друзьями. Супружеская пара — замкнутая структура, стремящаяся буквально все держать под своим контролем, не оставляя никаких незаполненных пространств. Ее время непрерывно в отличие от прерывистого по своей природе времени в дружбе. Но у каждого члена пары есть свои друзья. Личные друзья, которых нельзя передать другому с помощью знакомства. В самом деле, ведь встреча — это точка соприкосновения двух личных судеб, и ее невозможно ни с кем разделить. Но логика супружеской и повседневной жизни требует, чтобы все делилось пополам. Пара не признает личных друзей: твои друзья — это мои друзья. Некоторые даже ревнуют своего возлюбленного к его друзьям. Они смотрят на его духовную близость с другом как на нечто отнятое у них. Если друг принадлежит другому полу, они ревнуют, и им кажется, что их любовь в опасности. Чем больше любовь ослаблена и отравлена амбивалентностью, тем сильнее проявляются подобные чувства. Достигшая кульминации влюбленность бесстрашна: ей все нипочем. Но есть и другие разновидности любви: властная, мучительная любовь заботится почти исключительно о том, чтобы физически и духовно контролировать другого. Любовь-ненависть, любовь-власть, при которой любящий становится тюремщиком любимого, больше всего опасается, что пленник совершит побег из своей тюрьмы. Тюремщик боится друзей, потому что они являются «окнами», через которые узник видит свободу и через которые он может сбежать. В результате начинается тайная война против дружбы.

Дружба — это уважение, пиетет. Один из способов разрушить дружбу — заронить в нее сомнение с помощью оговора или сплетни. Однако чаще всего эта разрушительная работа не достигает цели, ибо она рассчитана на недоброжелательность и на чувство зависти. Мы не можем завидовать нашим друзьям, но наш муж или наша жена в отличие от нас не защищены от этого чувства. Если наши друзья им неприятны, у них обязательно вырвется какое-нибудь завистливое или злое

замечание. Это настораживает нас, вызывает чувство тревоги.

Есть у пары и другой способ держать дружбу под контролем: приручить ее к дому. Друзья приглашаются в дом вместе с другими парами и растворяются в группе. Внешне никакой угрозы для дружбы тут нет. Самый простой способ встретиться друзьям, живущим парами,— организовать встречу этих пар. Ревнивая тупость группы изобретает миллион уловок, чтобы помешать продолжению этого контакта и установлению близости, без чего дружба невозможна. В результате исчезает любая вероятность настоящей встречи. Цепь встреч прерывается.

Глава XIV

1. Какие же враги у дружбы? Мы уже говорили о зависти, амбивалентности, властности. Но есть у нее и другие враги. В повседневной жизни настоящими врагами дружбы становятся также крупные социальные структуры: промышленные предприятия, учреждения и рынок.

Что такое промышленное предприятие или учреждение? Это социальная структура, устроенная таким образом, что, осуществляя свои цели, она не принимает во внимание интересы своих работников. Человек идет работать на обувную фабрику не потому, что испытывает особую любовь к обуви, а потому, что там ему платят. Если ему предложить более высокий оклад, он охотно сменит работу. Социологи доказали, что предприятие дает бóльшую прибыль тогда, когда люди заинтересованы в своем труде, когда они хотят работать. Но это отнюдь не означает, что они разделяют цели этого предприятия. Как известно, цель предприятия — получить прибыль. Рабочим же обычно все равно, получит владелец эту прибыль или нет. Каждый из них идет на работу, чтобы осуществить свои цели, удовлетворить свои личные желания. Предприятию, как правило, удается объединить все разные личные побуждения для достижения своей единой цели. Таким образом, у тех, кто работает на предприятии, зачастую даже не возникает желания знать, что́ они производят. В качестве одного, быть может, самого чудовищного примера можно привести проект Манхэттена. В 1943 году американское правительство основало предприятие по производству атомных бомб. Над проектом работали тысячи людей. Но только очень немногие знали, что на самом деле будет здесь производиться. Был момент, когда сами ученые не могли установить, ограничится ли ядерная реакция только расщеплением определенных веществ или она распространится на всю

окружающую атмосферу. А ведь «дело» могло обернуться концом света. Но люди на предприятии спокойно и усердно трудились: они ни о чем не знали, вернее, не должны были знать.

На промышленных предприятиях люди являются средством, а не целью. Это не значит, что с ними обращаются бесчеловечно или жестоко. Совсем наоборот: коллеги стараются вести себя друг с другом как можно любезнее. Между ними устанавливаются дружеские отношения. Менеджеры говорят друг другу «ты». Но предприятие не ставит себе целью добиться благосостояния того или иного индивида, каждый работник занимает определенную должность, и, следовательно, его можно заменить. Если он не справляется со своей работой, его увольняют и на его место берут другого, который работает лучше. Закон предприятия — эффективность производства. Если индивидуальные взаимоотношения, личные симпатии начинают мешать эффективной работе, о них, конечно же, следует забыть. Это не значит, как мы увидим дальше, что дружба на промышленных предприятиях невозможна. Но в основе своей эти предприятия задуманы как раз таким образом, чтобы избежать возникновения индивидуальных межличностных связей. К тому же производственная жизнь почти всегда утомляет, изматывает, угнетает суровостью обстановки. И дело здесь не в физической усталости, а в усталости душевной, в том, что человек все время является средством и никогда — целью.

На работе дружба в большинстве случаев возникает как инородное тело. Предприятию нужны дружелюбие, готовность подчиняться. Дружба плохо уживается с должностным соперничеством. Особенно если речь идет об отношениях между руководителями и рядовыми работниками, между менеджерами и их подчиненными. Дружба политического деятеля с избирателями возможна, ибо они нужны друг другу. Она может возникнуть между адвокатом и его клиентом, между архитектором и домовладельцем. Каждый из них может ценить другого за его личные качества и в то

же время оказывать ему услуги. А на предприятии личные качества рано или поздно должны отступить на второй план перед суровой объективной необходимостью, перед неумолимой логикой эффективности производства. В каком же случае менеджер может стать другом своего подчиненного и сохранить эти дружеские отношения? Только в том случае, если подчиненный чувствует себя с ним непринужденно, если он совершает свободный выбор, не обусловленный необходимостью, если менеджер ведет себя так, как если бы он был на выборной должности, предполагающей, что его «законное право» основывается на уважении, на предпочтении, а тот, кто работает под его началом, гордится своим руководителем. Такая позитивная ситуация может возникнуть на непродолжительное время или в очень небольших коллективах. Например, в дружной научно-исследовательской группе. Подобные отношения часто складываются на предприятии в период его возникновения. На том этапе, когда функции еще не определились окончательно и все работают на подъеме, охваченные энтузиазмом. Власть пока не принадлежит кому-то одному, еще существует взаимная зависимость, чувство причастности к общему делу, к общей судьбе.

Перейдем к рынку. Здесь каждый думает только о своей экономической выгоде и, чтобы выиграть в конкурентной борьбе, должен самым тщательным образом все просчитывать. Любое постороннее явление, не имеющее отношения к этому рациональному соперничеству, опасно и должно быть отвергнуто. Даже признательность. Каждый должен получить то, что ему полагается. Рынок не допускает никаких посторонних оценочных критериев. Он тоже по природе своей несовместим с дружбой. Тем не менее в реальной жизни дружба встречается и здесь. Большинство из тех людей, чья работа связана с рынком, не конкурируют друг с другом. Продавец зелени не может составить конкуренцию водопроводчику, строитель-конструктор не станет конкурировать с фармацевтом. Даже внутри одного «цеха», одного и того же производственного сек-

тора конкуренция на самом деле ограничена и распространяется только на узких специалистов. Рынок рождает общие интересы, солидарность и всегда способствует созданию профессиональных гильдий и корпораций. Кроме того, структура рынка обычно создает бесчисленное количество возможностей для встречи на личностной основе, между равными, то есть как раз для такой ситуации, которая способствует проявлению дружбы. Поэтому часто можно наблюдать дружбу между врачами, пекарями, фармацевтами, адвокатами. Речь идет о таких формах солидарности, которые пробивают себе дорогу там, где кончается власть расчетливой конкуренции, стоимостей и прибылей.

2. Из всех современных обществ менее всего ценит дружбу и любовь американское общество. Поэтому оно так озабочено проблемами человеческих отношений и межличностных конфликтов. Положение усугубляется еще и тем, что гуманитарные и общественные науки, которые должны заниматься этими проблемами, находятся под влиянием законов рынка и промышленного производства, отравлены ими. И действительно, американская культура не в состоянии вырваться за пределы влияния экономики, какие бы усилия она ни предпринимала¹.

Утилитаристская и бихевиористская традиции в психологии достигли наиболее полного своего выражения в работах Гоффмана. Он рассматривает все межличностные отношения как театральные роли². Люди соотносятся друг с другом таким образом, как если бы каждый из них был «public relation man» для самого себя. Каждый «человек-предприятие» ищет выгоды в виде власти, престижа или

---

¹ Это не означает, что у американцев нет исследований о дружбе. Напротив, американская научная литература на эту тему более чем обильна. Но в этих работах отсутствует связь с крупными социологическими и культурными проблемами.

² См., в частности, работу Ирвина Гоффмана: E. Hoffman. *La vita quotidiana come rappresentazione*. Bologna, 1969.

уважения, в виде любви. В этом смысле все межличностные отношения строятся как работа, рассчитанная на получение результата. А это значит, что можно измерить эффективность или неэффективность отношений. Некоторые модные современные учебники по психотерапии предлагают сложные тесты, с помощью которых мы можем узнать, действуем ли мы рационально, то есть с наименьшими затратами энергии относительно поставленной нами цели¹.

В этом случае социальная психология и психотерапия, по сути дела, распространяют на личностные отношения критерии, которые действуют в сфере капиталистической конкуренции. При этом предполагается, что природа человеческого индивида ничем не отличается от природы промышленного предприятия или рынка. Поскольку мы живем в обществе, построенном по законам рынка, и работаем в стенах промышленных предприятий, можно предположить, что мы отчасти устроены так же, как рынок или промышленное предприятие. Мы ведем себя в соответствии с заранее определенными для нас функциями и продаем сами себя. Но на самом деле было бы грубейшей ошибкой считать, что, используя логику рынка или промышленного предприятия, мы сможем понять и объяснить наши потаенные желания и сокровенные мечты. Рынок и промышленное предприятие — это объективированные сферы человеческой деятельности с заранее определенными целями. Но за пределами этих объективированных зон деятельности, пишет С. Века, человеческие существа, как правило, не знают своих целей и стремятся их найти².

Отношения, характеризующиеся «промышленно-экономической» социальной психологией, — это отношения между такими действующими индивидами, которые знают (или могут узнать), кем они являются,

¹ В качестве одного из многих примеров такого рода можно привести книгу E. Wanderer, E. Fabian. *Far funzionare l'amore*. Milano, 1983.

² См.: S. Veca. *Interesse e identità*. In AA.VV. *Ricerche politiche*. Milano, 1983.

и знают (или могут узнать), чего они хотят. А между тем сложная реальность человеческих отношений состоит из встреч, в которых встречающиеся не знают, кто они и чего хотят. Именно с помощью встречи пытаются они понять самих себя и осознать свои желания. Если же пойти еще дальше, то нужно признать, что истинно ценностные отношения скрыты от нас, они нам «являются». Мы постигаем их неожиданно: тогда, когда бываем на грани потери этих ценностей или когда они оказываются под угрозой. Происходит приблизительно то же, что и в случае, когда заболевает дорогой нам человек. В такие моменты мы начинаем понимать, как много значит для нас этот человек. Он превращается для нас в конечную цель, а все остальное — в средства для достижения этой цели. Мы готовы отдать за него жизнь. Еще более неожиданной, ошеломляющей бывает другая форма, открывающая нам ценностные ориентации. В периоды зарождения чувства или в состоянии влюбленности мы делаем открытия, переворачивающие всю нашу жизнь. Раньше мы не были даже знакомы с человеком, он не сделал ничего, чтобы завоевать нашу любовь. Но нас тянет к нему, несмотря ни на что. Мы не можем без него жить. Он становится для нас конечной целью.

3. Современное общество добродетели превращает в услуги, а идеалы делает предметом сервиса. Это отмечал еще Адам Смит, превознося результаты разделения труда. Дюркгейм утверждает, что общественная солидарность в современном мире возникает не столько в связи с распространением идеалов, сколько благодаря интеграции функций. Заболевший человек нуждается не только в сострадании, но главным образом в хорошем враче. Безработному требуется не просто сочувствие, а влиятельный профсоюз. Различного рода функционеры, медики, терапевты нужны для того, чтобы помочь нам определить наши проблемы и удовлетворить наши потребности. Манлио Згаламбро с удивлением отмечает, что цивилизация, достигшая завершенности, получает в свое распоряжение все ценности,

о которых люди когда-то мечтали, но в виде вещей. «Один человек по эту сторону административного окошечка и второй человек по другую его сторону прекрасно понимают друг друга, хотя раньше никогда не встречались»¹. То, о чем мечтало человечество с давних пор, в научно-техническую эпоху претворяется в жизнь, однако человек при этом рассматривается не как цель, а как средство.

Бесспорно, на предприятии (в учреждении) каждый становится инструментом, средством для осуществления деятельности, приносящей удовлетворение кому-то другому. Степень этого удовлетворения зависит не от намерений работающего, не от его воли, а от того, насколько ему удалось стать безупречно действующим винтиком данного механизма. Каждое предприятие (учреждение) требует от своих работников превращения в функционирующие единицы. Как только на предприятии разделение труда достигает максимальной степени и люди начинают действовать, как самые совершенные винтики, их можно заменить машинами. Работа на конвейере становится настолько усовершенствованной, расчлененной на мельчайшие операции, согласованной, что появляется возможность убрать людей и вместо них поставить роботов.

Еще до наступления индустриальной эры развитие цивилизации, как мы теперь со всей очевидностью увидели, шло опережающими темпами. Деятельность промышленных предприятий всегда была нацелена на замену людей неодушевленными средствами труда. Гребцы на судне, производящие в унисон ритмичные движения веслами, представляют собой некий живой мотор. Основные свойства, которые ценятся на любом промышленном предприятии и в учреждении — исполнительность, усердие, вежливость, трудолюбие, — наилучшим образом могут быть воплощены «инертной материей». Но качества более высокого порядка — беспристрастность, терпение, точность, невозмутимость — могут быть доведены до совершенст-

¹ М. Sgalambro. La morte del sole. Milano, 1982, p. 181.

ва только с помощью электроники. Только современная вычислительная техника обладает достаточной степенью точности, чтобы обеспечить безопасность работы атомной электростанции, и таким терпением, которого хватит, чтобы найти место в самолете или в гостинице привередливому клиенту. Писатели-фантасты придумали роботов-врачей, роботов-служащих, роботов-администраторов — всегда вежливых, предупредительных, бескорыстных.

Таким образом, различные добродетели, идеалы, самые похвальные свойства характера достигаются путем отказа от личных побуждений, освобождения от капризов, слабостей, несовершенств, свойственных человеческим существам. На завершающем этапе этого процесса задание дается роботу или закладывается в компьютер. Трудно вообразить себе святого, у которого нет ни одного недостатка и которого никогда не посещают соблазны. Зато мы легко можем представить себе робота, обладающего всеми добродетелями святого Франциска, а вдобавок еще и «дальновидностью», которой у Франциска не было. С другой стороны, мы не менее отчетливо можем представить себе беспощадного робота-разрушителя, воплотившего в себе (и тоже самым совершенным образом) все наши человеконенавистнические помыслы. Современное оружие — не что иное, как явная попытка материализовать эту новую разновидность дьявольских замыслов.

Да, мы действительно отдали на откуп многие наши добродетели различного рода организациям, службам, научно-техническим усовершенствованиям. Но почему же тем не менее в нас не ослабевает жажда добродетели? Всякое изделие наших рук должно идти нам на благо, но наша тяга к жизни и ко всему нравственному не исчерпывает себя в достижениях цивилизации. Мы довольны, когда улыбающийся продавец или сделанный по последнему слову техники компьютер дает нам все, что мы пожелаем. Но нам этого мало. Убрав человека как препятствие, мы снова начинаем испытывать потребность в том, чтобы вернуть его. Любое техниче-

ское достижение имеет смысл только как нейтральное средство в отличие от живых людей, способных в процессе общения возражать нам. Нравственность — не состояние, а *отношение к препятствию*. На самом деле любезность робота ничего не стоит, ибо любезность как добродетель предполагает наличие раздражения, досады, грубости, которые нужно победить. Каждое явление существует только тогда, когда есть препятствие, которое его ограничивает и которое Владимир Янкелевич назвал «*орган-препятствие*». «Любая тенденция, — пишет он, — развивается в борьбе с противоположной тенденцией, с тенденцией антагонистической, которая в одно и то же время является препятствием на ее пути и ее резервом, тормозит ее движение и становится ее движущей силой... В бескорыстии заложена контртенденция, имя которой «*соблазн*». Соблазн — это затаенное контрстремление, глубоко запрятанное в каждом благородном порыве. Благородное желание проецирует соблазн за пределы самого себя, как свою тень... ревнивая любовь нуждается в преувеличении трудностей, которые стоят на ее пути и которые, препятствуя ей, делают ее более страстной. Разлуки, расстояния, трудности социального характера придают нашим чувствам возвышенность, разжигая в нас романтическое пламя...»¹ Бесперывно действующая жизнетворящая сила создает технику, но при этом она всегда находится над ней. Мы все время как бы присутствуем одновременно и по ту, и по эту сторону. Поэтому наша постоянная неуспокоенность не позволяет нам всерьез отнестись к последним техническим воплощениям добродетели.

Чтобы понять сущность дружбы, мы должны сделать над собой усилие и перестать мыслить категориями рынка и промышленного предприятия. Мы должны освободиться от такой психологии и от такой социологии, которые «воспроизводят» в нас эти категории. Я вовсе не отрицаю их ценности. Я хочу лишь сказать, что жизненный опыт требует, чтобы мы направили на-

¹ V. Jankélévitch. *Traité des vertues*, p. 20.

ше внимание в другую сторону. А для этого нужен другой язык. Язык, как пишет Гегель, должен сдержанно относиться к своему объекту, должен уважать его. Должен помочь ему заговорить самому. Он не может навязывать предмету свои искаженные формулы. Язык любви не имеет ничего общего с языком стоимостей-прибылей.

Глава XV

1. Каким же образом дружба существует в современном мире, в котором господствуют корыстные отношения? Отгородившись от этого мира? Значит, настоящая дружба всегда бывает только дружбой — убежищем, укрывшись в котором мы можем оставаться самим собой, островом среди не ведающего покоя мира? Ничего подобного, дружба расцветает и в самом водовороте деятельной жизни, там, где завязываются человеческие отношения. Именно тогда, когда наша жизнь кипит, когда мы наиболее активны, находим мы тех, кто мог бы пойти с нами одной дорогой. В такие моменты мы и начинаем искать столь важные для нас встречи. И бываем счастливы, когда находим человека, похожего на нас. Именно в периоды наибольшей экономической, научной, политической активности, в моменты коллективного творчества мы испытываем потребность высказаться, сравнить наши идеи. И тогда люди создают новые проекты, с воодушевлением работают вместе, не завидуя и не ревнуя. Жизнь достигает наивысшей степени интенсивности, возникает уверенность, что можно преодолеть все преграды. В этом круговороте встреч дружба проявляется как сознательный выбор, дающий индивиду новые силы и возвышающий его.

Все ученые единодушно утверждают, что профессиональная отдача людей зависит от степени сплоченности коллектива. Научные ассоциации всегда играли очень важную роль в развитии науки. Даже гении появляются как продукт определенных социальных условий. Бывают периоды, когда в обществе рождается много выдающихся личностей, которые общаются между собой. Они могут соперничать или даже враждовать, но чаще всего их связывает дружба. Эпоха Возрождения связана с расцветом всевозможных обществ, академий и различных форм меценатской деятельнос-

ти, которые одновременно были и формами дружбы, как, например, дружба между Лоренцо Великолепным и Анджело Полициано, между Леонардо да Винчи и Людовиком Моро. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в Англии Елизаветинской эпохи. Французское Просвещение тоже было эпохой повышенной творческой активности, расцвета общественных и дружеских связей. Достаточно будет вспомнить Вольтера, Руссо, Гольбаха, Дидро и Даламбера. В Германии в период расцвета германского романтизма завязалась дружба между Гёте и Шиллером, Клейстом и Мюллером. В начале XX века центр творческой активности переместился в Центральную Европу, где на арену вышла еврейская интеллигенция. Вспомним, каким творческим горнилом стала великая Вена¹, и в связи с этим — дружбу между Вальтером Бенжамином и Гершем Шолемом, между Хоркхаймером и Адорно.

Для творческой активности нужно, чтобы общество пришло в движение, взбудораженное грандиозными проектами и сильными страстями, смертельной враждой или глубочайшим единением. Дружба, как и деловые контакты, как различные типы идеологии, тоже является продуктом насыщенной общественной жизни. Она возникает на фоне большого скопления людей, брожения умов, проявления общественной и нравственной активности. В такие периоды как раз и происходят наиболее значительные встречи.

Вот почему так важно понятие *центра*. Что же такое центр? По отношению к другим городам им может быть столица или центр международной культуры, по отношению к деревне — город, по отношению к отдельным домам — площадь города или другого населенного пункта. Люди, охваченные жаждой деятельности, стекаются к центру. Тот, кто хочет узнать что-то новое, познакомиться с новыми людьми, стремится попасть в центр; все, кого переполняет жажда жизни, тянутся к центру. Тот, кто что-то изобрел или хочет изобрести, направляется к центру. Здесь сталкиваются разные идеи, и это делает их более эффективными.

---

¹ A. Janik, S. Toulmin. La grande Vienna. Milano, 1975.

Поймите меня правильно: я вовсе не утверждаю, что тот, кто находится в центре, тот, кто ищет, обязательно встретит друзей. Возможно, он вообще никого не встретит. Мало отправиться в путь, нужно еще проявить активность. Нужно уметь разбираться в людях. Нужно выбрать подходящий момент и обладать достаточной силой, чтобы привлечь к себе людей, которые захотят пройти вместе с вами часть, пусть даже очень небольшую, вашего пути. Джеймс Босуэлл, покинув Шотландию, отправился сначала в Лондон, затем в Утрехт, а позднее стал искать контактов с французскими энциклопедистами. Он беседовал с Руссо и Вольтером. Его целью было найти идеального человека, достойного подражания. И вот судьба свела его с великим писателем Самюэлем Джонсоном. С этого момента его жизнь обретет совершенно новый смысл. Рождается великая дружба, и он, написав биографию Джонсона, создает бессмертное произведение¹.

Влюбленность может найти свой объект где угодно. Когда мы готовы влюбиться, состояние зарождения подталкивает к нам первого, кто встречается на нашем пути. Он может оказаться дураком или тупицей, главное, чтобы он попался нам в определенный момент и чтобы в нем для нас не было ничего отталкивающего. А для дружбы мы ищем только своего, особого человека, и если не находим такого, значит, дружбе не суждено состояться. Поэтому люди, наделенные незаурядным интеллектом, ярким талантом, могут за всю свою жизнь не встретить человека своего уровня, способного понять их и помочь им. Некоторые великие люди — такие, скажем, как Джамбаттиста Вико или Фридрих Ницше, — глубоко страдали от духовного одиночества, на которое по тем или иным причинам обрекла их судьба. Вот почему дружбе, вопреки тому, что принято о ней думать, нужна толпа, нужны встречи, кипучая жизнь, вот почему она стремится попасть в центр. Ей необходимо все это, чтобы найти свой объект. Родство душ не имеет значения для влюбленности. Для дружбы

¹ J. Boswell. Vita di Samuel Johnson. Milano, 1982.

оно обязательно. Однако реальная возможность встретиться появляется только у тех, кто вращается в одной и той же среде, говорит на одном языке, принадлежит к одному и тому же обществу.

2. Мы уже достаточно много говорили о том, какое место в современной экономической, культурной и научной жизни занимает конкуренция. Мне кажется, что дружба, если ее правильно понимать, имеет не меньшее значение. Дружба как выбор внутри определенного круга солидарных между собой людей, как предпочтение, как единение двоих, идущих в ногу со своими единомышленниками, подобно любви, испытывает изумление и счастье, встречая свой объект. Мы всегда в чем-нибудь сомневаемся. Мир полон конкурентов, препятствий, зависти. Окружающие нас люди, как правило, не считаются с нами или не понимают нас. Мы сами плохо себя понимаем. Поэтому потребность в дружбе — это потребность заинтересовать кого-то, кто сможет оценить то, что мы делаем, понять нас. Вот почему взаимность в дружбе — это такой же «божий дар», как ответное чувство в любви. Конечно, речь идет о качественно разных чувствах, связанных с различными процессами в психике. Но их сближает ощущение радости, причастности к чуду.

В периоды особой общественной активности в центре социальных систем нередко случаи разочарований, этому способствует зависть и соперничество. О зависти мы уже говорили. Возвращаясь к этой теме, поговорим теперь о двух типах зависти. Существует зависть-идентификация: я хочу стать таким, как тот, кто лучше меня. Хочу оказаться на его месте. Я ценю, уважаю и стремлюсь иметь то, что есть у него. Идентифицируясь с ним, я узнаю в результате, что для меня имеет значение, а что — нет, каковы мои истинные желания. Тот, кем я восхищаюсь, «подсказывает» мне мои желания. Зависть играет роль инструмента, с помощью которого я уясняю для себя, что я хочу. В такой ситуации может возникнуть конфликт, основанный на зависти, а подражание зачастую чревато насилием. Ну, а если

другой не станет противиться моему желанию, а, наоборот, поможет мне осуществить его? Если он откажется от того, что имеет, в мою пользу? В этом случае он не просто «открывает» мне мои желания, он становится моим союзником, признает мое исключительное право иметь такое желание и помогает мне претворить его в жизнь. Это и есть доказательство дружбы. Еще одна ситуация. Предположим, я влюбился. Я замечаю, что влюблен именно потому, что испытываю приступы ревности к человеку, которым я восхищаюсь. Я начинаю его бояться, тайно ненавидеть. А он вместо того, чтобы воспользоваться ситуацией, уступает мне, признавая мое право на эту любовь, и начинает помогать. Тем самым он уходит от конфликта и способствует появлению искренней дружбы. Ибо он помогает мне понять, чего я хочу, и добиться этого. Наша дружба возникает как результат ухода от нравственного конфликта.

Дружба, родившаяся в гуще событий, часто бывает именно такого типа. Я становлюсь другом человека, которому мог бы завидовать и которого мог бы бояться, с которым пытался соперничать, чувствуя его превосходство. Очень возможно, что и он испытывал ко мне аналогичные чувства если не по тому же самому, то схожему поводу. В итоге другом становится человек, который мог бы помешать мне добиться того, к чему я изо всех сил стремился (к любви, успеху, признанию), но не сделал этого. Он даже не пытался помешать мне, ибо такова была его воля. Мы не должны путать этот тип дружбы с дружескими отношениями, которые складываются у нас с коллегой, стоящим на одной с нами ступени служебной лестницы. В этом втором случае можно говорить о дружеской привязанности, взаимном уважении, но здесь нет речи об ощущении опасности, о водовороте страстей. В первом случае ставится на карту моя жизнь, и в конечном итоге обретается друг. Я боялся его и делал все, чтобы добиться его расположения, чтобы вызвать в нем благосклонность. Я усыплял его бдительность, отвлекал его внимание, использовал в своих целях, даже обманывал. И несмо-

тря на все это, он стал моим другом. Почему? Потому что его заставил отказаться от своих преимуществ не мой обман, а его благожелательность, его великодушные. Будучи абсолютно свободен в своем выборе, он принял мою сторону, оказался человеком благородным, душевно щедрым.

Но есть и другой тип зависти — зависть разрушающая. Такая зависть не восхищается своим объектом, не превозносит его, а принижает и подавляет. Ибо в первом случае я вижу превосходство другого и хочу стать таким, как он. Во втором случае я стремлюсь его погубить. Я внушаю себе, что он на самом деле — человек бездарный. Все его достижения, все его успехи я объясняю, исходя из самых низких предположений. Человек, подверженный зависти первого типа, испытывает восхищение и изумление, страдает, потому что ему хочется стать другим, непохожим на себя, хочется стать лучше, выше. А человек, завидующий завистью второго типа, раздражителен, всем недоволен, настроен скептически, циничен. Первый тип зависти открывает нам наши истинные, самые затаенные желания. Второй — старается скрыть эти желания, ослепляет. В первом случае может родиться дружба, во втором — никогда.

3. Существует понятие «надежный человек». Мы говорим: «Он послал туда своего надежного человека». Это еще не означает, что речь идет о друге. Возможно, имеется в виду просто опытный человек. Тем не менее, когда нам предстоит какое-нибудь дело, для которого требуются надежные люди, мы ищем их главным образом среди своих друзей. Разумеется, мы можем вспомнить и о других людях, с которыми нас связывают различные деловые отношения и общность интересов. Но прежде всего мы вспоминаем о друзьях. Ни одно важное дело не начинается в одиночку. Мы не можем доверять людям, о которых мы не знаем ничего, кроме того, что они обладают определенным опытом. Конечно, мы можем прибегнуть и к их помощи, но будем чувствовать себя спокойно только в том случае, если найдем человека, которому мы верим, как себе.

А таким человеком может быть только друг. В подобных ситуациях мы обычно вспоминаем о тех, с кем работали раньше, и чувствуем необходимость увидеться с ними снова, возродить старую дружбу.

Любое дело — продолжение предыдущего, даже если относится совсем к другой сфере деятельности и происходит совсем в другом месте. Оно продолжает то, от чего мы отошли, сдавшись на милость компромиссу, погрузившись в повседневность, утратив жизненную активность. Наполеон в своей гвардии держал ветеранов прошлых боев. Ста дней ему хватило, чтобы отыскать и вернуть в строй своих генералов. Не для того, чтобы чествовать былых победителей, а для того, чтобы продолжить и завершить начатое дело.

4. В жизни всегда имеет место глубокое непреодолимое противоречие между индивидуализацией и обезличиванием, между кажущимися преимуществами, которые может дать анонимность, и истинным благом, которое несет с собой значительная личность. Выгоду можно получить и от заурядного индивида. Получение прибыли никак не связано с добродетелями партнера. Но если мне нужна именно добродетель и я хочу иметь дело с достойным человеком, значит, я оказываюсь за пределами сферы рынка. Некоторые утверждают, что в наше время рынок главенствует во всем и все превращено в товар. Ничего подобного! Выгода и духовные ценности сегодня так же, как и прежде, — два мира, существующих независимо друг от друга. И только мир духовных ценностей способен принести нам настоящее счастье и причинить острую боль.

В самом деле, индивидуализируя наши отношения, испытывая потребность в самоуважении, в признании, мы подвергаем себя страданиям, с которыми нам не пришлось бы сталкиваться в мире рынка. Если я прохожу мимо витрины, не глядя на нее (потому что в этот момент думаю о другом, или потому, что меня не интересует то, что выставлено в этой витрине, или потому, что выставленные там предметы мне не нужны), у вла-

дельца магазина нет никаких оснований считать, что его оскорбили или не оценили товар по достоинству. Но если мы с ним друзья, если он ждал, что я посмотрю на его витрину, если он специально оборудовал эту витрину, чтобы привлечь мое внимание, — тут уж обиды не миновать! Следовательно, когда я делаю что-то для всех, реакция отдельного индивида меня не волнует, но если я делаю это только для него, проявленный или не проявленный им интерес имеет для меня первостепенное значение. Дружба всегда индивидуальна и требует личного отклика. Чем большего мы ждем от нее, тем сильнее рискуем разочароваться.

Мы надеемся, что дружба сама даст нам то, в чем мы нуждаемся, и нам ничего не придется выманивать у нее обманом или хитростью. Мы верим, что она оценит нас по заслугам. Именно от друзей мы ждем объективной оценки. О других же мы твердо знаем, что они будут относиться к нам хорошо, только пока мы им нужны, и забудут о нас, как только перестанут в нас нуждаться. Ведь они выбрали нас не ради нас самих, а лишь потому, что мы были нужны им. Потом они могут с легкостью произнести такие сочувственно-жестокие слова: «Бедняга. Я не отказываюсь от его услуг только потому, что мне жаль его. Не знаю, как сказать ему, что он больше не нужен. Ему не везет, и я стараюсь, как могу, облегчить его участь». Такая жалость — антипод уважения, того непроизвольно возникающего уважения, которое характерно для дружбы.

5. Дружба, тесно связанная с совместной деятельностью, не может приносить одну только радость. Она обязательно будет сопровождаться досадой, непониманием, обидами. Профессиональное общение, выполнение коллективных задач влекут за собой разногласия, порождают разные точки зрения. Нельзя понять сущность дружбы, не отдавая себе отчета в том, что она всегда должна преодолевать подобного рода препятствия и трудности. Неправильно было бы считать, что если дружба не приносит радости, то она тут же должна умереть. На самом деле реальные дружеские отно-

шения несут в себе некоторый привкус грусти. Если двое друзей не связаны профессионально, если они встречаются только от случая к случаю и не обременены никакой общей ответственностью, их отношения будут зависеть только от последовательности встреч. Но если наш друг работает вместе с нами и, предположим, не делает чего-то такого, чего мы от него ждем, нас охватывает острое чувство неудовлетворенности, и возникает сомнение: «Почему он так поступает? Если бы этот человек был бы мне настоящим другом, он вел бы себя иначе». Поэтому в профессиональной дружбе возникают моменты раздражения, которые иногда даже принимают характер капризов (как у влюбленных). Если мы хотим любить и уважать тех, с кем работаем, мы становимся более уязвимыми. Потребность в дружеских отношениях особенно ярко выражена среди людей искусства и науки, которые часто клянутся в дружеской верности и не менее часто, разочаровавшись в ком-то из своих друзей, цинично отзываются о дружбе вообще.

Иногда, чтобы разочароваться, нужно совсем немного. Друг с опозданием опубликовал вашу статью, отдал работу другому или не пришел к вам в гости. Вторжение в дружбу отношений выгоды и корыстных интересов, стремления к власти несовместимо с тем «олимпийским» спокойствием, которое так необходимо дружбе. Поэтому некоторые люди утверждают, что в профессиональном мире дружбы не существует. Они считают, что дружба может возникнуть лишь в свободное время, вне связи с какими бы то ни было деловыми интересами, с отношениями купли-продажи, с необходимостью, с властью. Но такая дружба была бы полностью оторвана от повседневной жизни, от своих корней. Встреча — это не бегство из мира, это движение вперед, к более углубленному пониманию жизни. Конечно, друзьям порой необходимо бывает уединиться, отрешиться от суеты. Самая типичная ситуация для дружбы: двое друзей уединяются на вечеринке и забывают обо всем на свете. Но затем каждый из них должен снова включиться в общественную жизнь. Уеди-

нение — это выход за рамки общепринятых правил и законов. А дружба, помимо прочего, требует и соблюдения определенных правил. Следовательно, мы имеем здесь дело с диалектикой личного и общественного, с диалектикой нарушения правил и соблюдения их. Бескорыстие нуждается в умении сдерживать свои эгоистические устремления, преодолевать их. Взаимное восхищение не может существовать без маленьких будничных промахов. В профессиональных отношениях недоразумения, разочарования, постоянные взаимные претензии являются одновременно препятствиями и условиями возникновения дружбы. Дружба, связанная с совместной деятельностью, не может постоянно пребывать в состоянии умиротворенной стабильности. Такое состояние достигается только тогда, когда удалось преодолеть препятствие, победить сомнение.

Конечно, любая дружба, в том числе и дружба деятельная, стремится к достижению спокойствия, к безоблачным встречам без каких бы то ни было помех. Но совместная деятельность становится для друзей своего рода препятствием, которое нужно преодолевать, если они хотят, чтобы их дружба могла продолжаться. У деловых людей встречи, к которым дружба постоянно стремится, происходят урывками, почти случайно. Но такова особенность этого типа дружбы.

Глава XVI

1. Почти во всех книгах, повествующих о дружбе, приводятся примеры великой дружбы из античных времен. Патрокл и Ахилл, Орест и Пилад, Армедий и Аристокитен. Это была дружба героев, дружба воинов, аналогов которой мы не можем найти в современной жизни. Отсюда возникло впечатление, что настоящей дружбы больше нет, что она безвозвратно канула в прошлое. Но это только впечатление. Меняются формы проявления дружбы. Древние оставили нам примеры дружбы между юными воинами, ибо война в ту эпоху считалась самым достойным из всех мужских занятий. Не следует забывать к тому же, что все названные нами персонажи на самом деле — литературные герои, что они выдуманы. Патрокл и Ахилл — герои «Илиады», Орест и Пилад — персонажи «Орестеиады». Таким образом, речь идет об идеальных образах, о фантастических преобразованиях реальности, которая на самом деле, конечно же, была иной. Когда Цицерон в трактате «О дружбе» рисует перед нами мир древнеримской империи своего времени, мы видим, что жизнь в этом мире принципиально не отличалась от нашей.

Тем не менее сегодня, чтобы привести примеры выдающейся дружбы, нам нет смысла вспоминать о войнах. Война не является больше привычным видом деятельности и, уж конечно, не считается самым достойным занятием для мужчин. Чтобы ответить на вопрос о том, можно ли в современном мире найти примеры дружбы, достойные подражания, мы должны внимательно взглянуть в окружающую нас действительность. И тогда мы увидим, что и в наше время мы можем назвать имена великих людей, дружба которых длилась всю жизнь и даже повлияла на ход истории. Один из самых наглядных и значительных примеров такой дружбы — дружба между Марксом и Энгельсом. Они

познакомились в 1844 году, Энгельсу тогда было двадцать четыре года, Марксу — двадцать шесть. Их пути ненадолго пересеклись в Кёльне, где они были сотрудниками одного журнала. Тогда и состоялось знакомство, но еще не произошла та встреча-открытие, с которой начинается настоящая дружба. Такой встречей, произошедшей позже, можно считать их совместное пребывание в Париже в течение десяти дней, когда они были охвачены необычайным подъемом и воодушевлением. Они сразу же начали вместе работать над книгой, которая вышла потом под названием «Святое семейство». Через год Энгельс приехал к Марксу в Брюссель, где они вместе написали «Немецкую идеологию», а в 1848 году — «Манифест Коммунистической партии», которому суждено было повлиять на ход мировой истории. Маркс и Энгельс прекрасно дополняли друг друга и по характеру, и по типу интеллекта. Именно Энгельс обучил Маркса основам политической экономии и познакомил его с условиями жизни пролетариата. Именно он дал Марксу «ключ», позволивший по-новому взглянуть на гегелевский идеализм. Маркс в свою очередь сумел систематизировать все догадки своего друга и глубоко обосновать его предвидения. Он писал Энгельсу: «Ты знаешь, как медленно все до меня доходит и как я всегда иду по твоим следам». С другой стороны, Энгельс нашел в Марксе своего духовного учителя и всегда любил подчеркивать, что он всего лишь исполняет партию второй скрипки при своем солирующем друге. В 1850 году Энгельс принял решение вернуться в свою фирму «Эрмер и Энгельс», основанную его отцом. Как заместитель директора он зарабатывал сто фунтов стерлингов в год и на эти деньги содержал Маркса с его семьей в течение девятнадцати лет. Энгельс не любил эту работу и занимался ею, чтобы дать возможность другу выполнить великую миссию — написать «Капитал». Когда в 1859 году Энгельс смог наконец оставить работу в фирме и вновь заняться научной деятельностью, для него началась новая активная жизнь. Энгельс

был страстным охотником, обожал длительные пешие походы, любил выпить и никогда не терял присутствия духа. Даже в годы работы в своей фирме ему удалось написать несколько работ, вызвавших глубокое восхищение Маркса. Но он ничего не печатал под своим именем, чтобы не вступать в конфликт с отцом и не ставить, таким образом, под удар возможность помогать своему другу. Маркс изо всех сил старался не быть в тягость другу: работал как одержимый, шел на любые лишения. Он просил помощи у Энгельса только в исключительных случаях и потом с грустью сетовал на то, что стал обузой для своего друга. Был только один момент, когда их дружба, казалось, дала небольшую трещину. Умерла Мари Бернс, с которой Энгельс прожил двадцать лет, и Маркс, полностью поглощенный своими денежными проблемами, ограничился тем, что послал другу письмо с соболезнованиями. Энгельс обиделся и написал ему об этом. Тогда Марксу хватило мужества честно рассказать Энгельсу о своем трудном положении, и Энгельс был счастлив, что вновь обрел друга. Энгельс отличался уравновешенностью, Маркс был подвержен влиянию страстей. Энгельс писал постоянно, систематически, у Маркса бывали взлеты вдохновения и периоды глубокой депрессии. Но он во всем доверял Энгельсу, начиная с семейных проблем и кончая политическими. После смерти Маркса в 1883 году Энгельс целиком посвятил себя приведению в порядок разрозненных рукописей «Капитала». Вторым том у Маркса был почти готов, и Энгельс в 1885 году смог издать его со своим предисловием. Но третий и четвертый потребовали от него невероятных усилий. Опубликовать же ему удалось только третий¹.

Дружба между Марксом и Энгельсом, а особенно самоотверженность Энгельса не укладываются в обычные рамки отношений между двумя товарищами, принадлежащими к одному движению. Конечно, эта друж-

---

¹ О дружбе Маркса и Энгельса см.: G. Mayer. Friedrich Engels. Torino, 1969; A. Cornu. Marx e Engels. Milano, 1971; Y. Carr. Eleanor Marx. Torino, 1977.

ба родилась как движение. Встреча 1844 года стала для обоих настоящим состоянием зарождения. Они провозгласили себя руководителями коммунистической партии. И они действительно были вождями, центром и направляющей силой общественного движения европейского масштаба. Тем не менее у них были, конечно, чисто личные отношения, не подвластные никаким идеологическим мистификациям. Никто из них не идеализировал другого. Они искренне ценили и уважали друг друга, но при этом каждый знал слабости другого и пытался помочь ему от них избавиться. С годами они становились все ближе друг другу. У них была одна общая цель — пролетарская революция, но они были двумя самостоятельными личностями, которые дополняли друг друга в поисках правильного пути. Они не всегда сходились в оценке обстановки. Но это-то и было хорошо, ибо каждый исправлял ошибки другого. В результате им удалось оставить миру подлинно научное наследие. История донесла до нас их идеи как неделимое целое: теорию Маркса и Энгельса.

2. Дружба между Марксом и Энгельсом — пример великой духовной дружбы. Они взаимно обогащали и дополняли друг друга. Но такого рода отношения встречаются довольно часто. В предисловии к изданию переписки между двумя известными немецкими юристами — Рудольфом фон Эрингом и Карлом Фридрихом фон Гербером — Марио Лозано пишет: «У истоков Исторической школы права мы находим дружбу, длившуюся всю жизнь, между знатоком римского права Эрингом и знатоком германского права Гербером»¹. Эринг и Гербер тоже дополняли друг друга. До того как они начали работать вместе, специалисты по германскому праву и по римскому праву были идеологически разобщены. Первые исповедовали национализм, боролись против римского влияния, утверждая превосходство тевтонской культуры. В результате страдала наука. Друж-

¹ Carteggio Jhering—Gerber 1849—1872. A cura di M. G. Lozano. Milano, 1983.

ба между Эрингом и Гербером помогла преодолеть это идеологическое противоборство и сделала возможным развитие единого метода и сравнительное изучение двух видов права. Каждый из друзей мог стать на точку зрения другого и оценить ее. Это помогло им точно определить, что входит в компетенцию каждого, и установить, в чем заключаются особенности римского права, а в чем — германского и что между ними общего. При этом Эринг и Гербер не работали вместе и даже не пользовались одними и теми же материалами. Только взаимопонимание и единая методология позволили им добиться выдающихся результатов.

Самое удивительное в приведенном примере дружбы заключается в том, что каждый чувствовал себя совершенно непохожим на другого и восхищался именно теми его качествами, которых нет у него самого. В паре Эринг — Гербер именно Эринг наиболее сильно выразил свое восхищение другом: «У меня нередко бывают моменты, когда я со всей остротой ощущаю, насколько Вы (Гербер.— *Т. К.*) постигаете все быстрее, чем я, как легко и с каким подлинным изяществом излагаете свои мысли. Я чувствую, что между нами существует слишком большая разница, и это чувство не может не повергать меня порой в смятение... Вы действительно, дорогой Гербер, — человек, достойный зависти, каких мне редко случалось встречать. И я не знаю, чего бы я только не отдал за то, чтобы Вы смогли уступить мне хотя бы часть своего блистательного таланта»¹. Гербер тоже выражал восхищение своим другом и часто прибегал к восторженным выражениям, но он был более уравновешен, и в его ответах чувствуется, может быть, даже большая глубина мысли, чем у его друга. Эринг, будучи человеком неуверенным в своих силах, мучился оттого, что тратил много сил на изложение своих мыслей, к тому же он очень страдал от одиночества. В одном из писем Гербер объясняет своему другу, что трудности, которые испытывает Эринг, закономерны: ведь он — «первопроходец» и проводит исследования в той

¹ Ibid., p. 30.

области, где у него нет примеров для подражания и предшественников: «У Вас нет никакой внешней поддержки, никакой системы и т. п., на которую можно было бы опереться. Вы должны в одиночку прокладывать новую дорогу и все, от «а» до «я», делать самостоятельно»¹. Позднее он скажет другу: «Я уже понял, что наших старых педантов не пронять, но тем сильнее будет Ваше влияние на будущее поколение. Мне так приятно бывает видеть здесь Вашу книгу в руках у многих студентов, которые читают ее с большим увлечением!»² Гербер знал, что Эринг большой ученый, и поэтому слова понимания, исходящие от друга, окрыляли его, приносили минуты счастья. В духовной дружбе каждый должен приложить немало усилий, чтобы подняться до уровня другого, и ощущение поддержки друга помогает ему в этом стремлении.

Поэтому в духовной дружбе любое достоинство — это еще и *areté**. Каждый восхищен и очарован превосходством другого. Тем самым он дает своему другу возможность получить столь желанное признание: что может быть прекраснее, если тебя ценит и понимает тот, за кем ты признаешь это право.

Но почему же именно друг получает это право? Разве мы не хотим получить признание от тех, кто по своему положению должен оценивать нас? Ребенок жаждет похвалы учителя или родителей. Взрослый человек тоже постоянно сталкивается с людьми, которые по своему положению могут его оценивать: руководители на службе, искусствоведы, конкурсные комиссии. Даже публика и рынок выступают в роли полноправных судей: от них зависит наш успех или неуспех. Однако настоящими судьями не могут быть те, кто относится к нам с пристрастной благосклонностью, кто всегда считает нас правыми, кто отдает нам предпочтение априори. К какой же категории принадлежат друзья? Они ведь не являются нашими официальными судьями и всегда выступают за нас. Почему же тогда нам так важны их

¹ Ibid., p. 48.

² Ibid., p. 57.

* *Areté* (франц.) — превосходство.

оценка и одобрение? Чтобы утешиться, чтобы компенсировать те огорчения, которые приносит нам окружающий мир? Но в таком случае друг не мог бы стать объективным судьей. А мы ждем от него именно честной, беспристрастной оценки. Когда Гербер пишет Эрингу, что его, Эринга, трудности объясняются его новаторской миссией, он говорит чистую правду. Он дает другу вполне заслуженную оценку, которую тот ни от кого и никогда не получал. И благодаря этому Эринг находит в себе силы продолжать исследовательскую работу в неизученной области права. Вот с таких позиций и следует подходить к оценке, которую дает один человек другому в духовной дружбе. Только друг способен правильно оценить нас, ибо только он один объективен. Новаторы и герои — одиноки. Всякий раз, когда мы совершаем что-нибудь из ряда вон выходящее, нас не понимают и нам не верят. Таков закон жизни. Самые значительные достижения воспринимаются как абсолютно несущественные. Общество готово признавать только усредненные явления. У этого закона нет исключений. Даже те, кого мы считаем способными понять нас, как правило, нас не понимают и приносят нам разочарования. Все предпочитают что-нибудь среднее. Необычное непонятно, кажется необоснованным, недоступным для простого восприятия. Божественное и дьявольское всегда сосуществуют рядом. Сталкиваясь с неординарным явлением, церковь всегда задавала себе вопрос: «От Бога сие или от Дьявола?» И, опасаясь, что все-таки от Дьявола, предпочитала вынести смертный приговор провидцу¹.

Новатор (а каждый из нас при определенных условиях и в определенные моменты своей жизни становится новатором) идет навстречу нескончаемым трудностям — как внешним, так и внутренним. Внешние трудности вызваны непониманием со стороны других людей, которые не могут понять новатора, потому что не видят результата. Он один способен предвидеть этот результат. Но есть еще и трудности внутренние —

¹ См.: L. Bonin. *La gabbia divina*. Roma, 1979.

сомнения, одолевающие самого новатора. Чтобы победить эти сомнения, ему важно услышать мнение со стороны. Окружающий мир не может помочь ему в этом, наоборот, он способен только чинить ему препятствия. Все оценки, получаемые извне, только усиливают его неуверенность в себе. Он должен защищать себя от этих оценок, закрывая глаза и затыкая уши. Но тогда его положение становится небезопасным. Вот тут-то и должна проявиться роль друга: друг объективен, он «понимает» внешний мир и в то же время разделяет цели друга-новатора. Он знает, что деятельность друга имеет смысл. Он один может помочь ему, именно потому, что находится на границе между двумя реальностями. Он может показать другу, в чем тот ошибается, но он же может вернуть ему уверенность в себе в минуты сомнения и отчаяния.

3. Известны случаи, когда двое друзей работают вместе на протяжении всей жизни. Знаменитые социологи Макс Хоркхаймер и Теодер Адорно познакомились во Франкфурте, где Хоркхаймер возглавлял Институт социальных исследований. После прихода к власти нацистов вся Франкфуртская школа переместилась в Соединенные Штаты Америки, где Хоркхаймер и Адорно продолжали работать вместе. Именно к этому периоду относится их совместный труд «Авторитарная личность». После окончания второй мировой войны они вместе вернулись в Европу.

Во всех трех описанных нами случаях речь идет о творческой дружбе. Оба друга сохраняют свою ярко выраженную индивидуальность. Более того, дружба помогает творчески дополнять личность каждого из друзей, придать законченный характер их индивидуальности. Как же тогда должны мы относиться к таким формам дружбы, при которых двое друзей, работая вместе, скрывают свою индивидуальность? Возьмем в качестве примера дружбу между Фредериком Деннеем и Манфредом Ли. Они были двоюродными братьями и работали в смежных областях. В 1928 году братья приняли участие в конкурсе на лучший детектив-

ный роман под псевдонимом Эллери Куин. С этого момента они постоянно работают вместе и создают тридцать три детективных романа (уже с участием главного персонажа — Эллери Куина), не считая еще нескольких романов с другими героями и огромного количества рассказов. Ни один из них ни разу не опубликовал ничего под своим настоящим именем или под другим псевдонимом. После смерти Манфреда Ли (1971 год) Денней продолжал руководить журналом «Эллери Куин мистери мэгэзин». В 1979 году (50 лет со дня выхода в свет первого романа Эллери Куина) этот журнал опубликовал интервью с Деннеем, где ему был задан вопрос о совместном творчестве с Манфредом Ли, точнее, о личном вкладе каждого. И вот каков был ответ: «Я не могу исчерпывающе ответить на этот вопрос, потому что Мэнни всегда хотел сохранить в тайне наш метод работы. Я хранил эту тайну, пока он был жив, и мне кажется нечестным открывать ее теперь, когда его уже нет»¹. В данном случае, вероятно, действовали одновременно два фактора. Один — экономический, относящийся к маркетингу. После успеха первого романа Эллери Куина его авторам ничего не оставалось делать, как продлить жизнь своего персонажа. То же самое происходило и с героями Артура Конан Дойла и Агаты Кристи. Возникнув однажды, предприятие Эллери Куина потребовало от своих создателей поступиться их личными интересами. Но объяснить это явление одним только маркетингом невозможно. Мы не должны забывать, что наши авторы были двоюродными братьями (сыновьями родных сестер) и росли вместе в среде бедных польских эмигрантов. Успех Эллери Куина действительно стал для обоих рождением новой творческой личности. Не только их денежные дела, но и их жизнь, их деятельность стали зависеть от Эллери Куина. Встает вопрос: можно ли в этом случае и дальше продолжать говорить о дружбе? Не правильнее ли будет считать, что тут мы имеем дело, скорее, с рожде-

¹ Dossier Ellery Queen. In Giallo Mondadori, № 1761. Milano, 1982, p. 120-139.

нием некоей коллективной сущности, в которой растворились отдельные личности? Не думаю, чтобы такой вывод был правильным. Конечно, речь идет об исключительном случае, но тем не менее все-таки о дружбе. Насколько нам известно, они всегда ладили. С уважением относились друг к другу. Никто из них не руководил и никто не подчинялся, в их отношениях не было дисгармонии, которую порождает власть. Их никогда не покидали свежесть восприятия жизни и дух творчества. И то, что они предпочли держать в тайне личный вклад каждого, возможно, было одним из способов защитить себя от сплетен и кривотолков, в корне пресечь всякую попытку разлучить их, поссорить друг с другом.

Глава XVII

1. Мы рассматривали случаи творческой дружбы между выдающимися людьми. Существуют, однако, и другие типы дружбы, длящейся всю жизнь, но никак не связанной с совместной творческой деятельностью и не отличающейся интенсивностью встреч. Бывают друзья, на которых мы привыкли всегда и во всем полагаться, к которым мы относимся как к членам своей семьи. Наши дети так и называют их: «дядя» и «тетя». Они начали называть их так, когда были еще совсем маленькими, и мы не могли объяснить им разницу между дядей и другом. Там где нет активного социального движения, люди часто сохраняют тех друзей, которыми обзавелись в детстве, с которыми вместе учились в школе, а затем вместе поступили в университет... Но чаще всего друзей приобретают в молодости, когда уже выбран тип профессиональной деятельности и определено место постоянного жительства. В отличие от отношений, основанных на творческой дружбе, которые могут поддерживаться на расстоянии и, более того, никак не зависят от расстояния, этот тип «будничной дружбы» может существовать и развиваться только при условии непосредственной территориальной близости. Друзья обязательно должны жить рядом, оказывать друг другу услуги, обращаться за помощью, ходить вместе в кино или хотя бы просто болтать о том о сем. Как правило, такая дружба подкрепляется каким-нибудь постоянным поводом для встреч. Это может быть обычное соседство или общая работа. Двое коллег, работающих вместе на одном предприятии, встречаются постоянно в течение многих лет. Но на самом деле профессиональная деятельность бывает для друзей скорее предлогом для встреч, чем причиной. Врачи, например, чаще всего дружат с врачами. Некоторые из них становятся «домашними» врачами не только своих друзей, но и их семей. Дружба поддерживается

«благодаря болезням». Всякий раз, когда в семье кто-нибудь заболевает, врач звонит своему другу, тоже врачу, обрушивая на него все свои волнения и проблемы, и тот терпеливо их улаживает. Он занимается этим годами и уже привык к своей миссии. Он знает, что увидится с другом только тогда, когда у того возникнут сложности, которые и станут предлогом для встречи. В дружбе такого типа могут принимать участие и другие члены семьи. При творческой дружбе, разумеется, члены семьи тоже вступают в общение с нашим другом или нашей подругой, но они остаются за пределами интимности встреч, во время которых каждый из друзей становится духовным учителем другого. Для рассматриваемого нами типа дружбы характерно то, что наш друг, в сущности, становится другом всей семьи. А если речь идет о супружеской паре, у которой есть дети, можно со всей очевидностью говорить о дружбе семьями.

На первый взгляд семейная дружба кажется полным антиподом дружбы творческой. Может сложиться впечатление, что она держится только на привычке. Но в таком случае не будут ли подобные отношения противоречить сущности дружбы, и в частности тому, что в основе подлинной дружбы лежит встреча? Какой же отсюда вывод? Что семейная дружба не может считаться настоящей дружбой? Чепуха! Отношения, длящиеся всю жизнь, когда каждый из друзей всегда находится в «распоряжении» другого и готов помочь ему в любой ситуации, безусловно, являются дружбой. Чтобы понять эту разновидность дружбы, нужно подойти к ней «исторически», то есть выяснить, как она зарождалась, какие прошла этапы, прежде чем превратиться в семейную, будничную дружбу. Как правило, применив такой «исторический подход», мы обнаруживаем, что семейная дружба прошла через период сильного эмоционального напряжения. В этот период двое друзей бок о бок преодолевали часть жизненного пути в поисках самих себя и своей индивидуальной судьбы. Если речь идет о людях противоположного

пола, то в какой-то момент им пришлось пережить сильное взаимное влечение. Может быть, им даже казалось, что они могут влюбиться друг в друга или что они уже влюблены. Встреча между разнополыми людьми всегда несет определенную эротическую окраску, придающую ей много общего с влюбленностью.

Ни одна длительная дружба не рождается из привычки или расчета. Стабильность, безмятежность, глубокое взаимное уважение и доверие в семейной дружбе основываются на том, что в прошлом двух друзей обязательно был такой период, когда каждый из них подключался к жизненной траектории другого. Даже через много лет эта глубинная связь не исчезает и способна время от времени обновляться и снова выходить на поверхность. Друзья, у которых встречи вошли в привычку и которые годами встречаются, чтобы решать насущные задачи, в глубине души знают, что они могут встретиться и на другом уровне — на уровне духовной близости. Иногда об этом свидетельствует один беглый взгляд, которым они обмениваются, находясь в обществе других людей или при расставании. В такие моменты они на какие-то доли секунды как бы остаются наедине друг с другом, удаляются от всех, возобновляют прерванный когда-то диалог.

Иногда это ощущение возвращения к прерванному разговору сопровождается каким-нибудь проявлением ласки. Человек кладет руку на плечо другу и спрашивает: «Как живешь? Все в порядке?» Только и всего. Но именно так и проявляется глубокий интерес к жизни друга. Задавая эти вопросы, он бывает обеспокоен одним: счастлив ли его друг, удалось ли ему осуществить все, к чему он стремился. «Как живешь?» означает многое. Получил ли ты от жизни то, что заслуживаешь? Была ли жизнь справедлива к тебе? Такие мимолетные контакты длятся всего несколько секунд, но двое друзей успевают ощутить, как близки они друг другу в этом чужом и опасном мире.

Бывает и так, что, окончив одно из дел, ставшее поводом для встречи друзей, они остаются наедине,

чтобы поговорить. Или отправляются побродить где-нибудь вместе, забыв обо всех своих заботах. И тогда каждый говорит другому действительно о самом главном: о своем душевном состоянии. Ведь только друг способен понять нас и смотреть на вещи, исходя из наших интересов. Поэтому-то друг и может все объяснить нам и дать совет. Обычно в таких ситуациях друзья бывают немногословны. Важно, чтобы друг внимательно выслушал нас и задал несколько вопросов, которые заставили бы нас задуматься. Он с тревогой спрашивает, как обстоят дела с тем-то и тем-то, и мы начинаем понимать, в чем он видит опасность, чем обеспокоен больше всего: мы знаем теперь, по какому поводу нам следует волноваться. Иногда друг рассказывает случай из своей жизни. Единственный опыт, из которого мы всегда можем извлечь пользу (мы уже об этом говорили),—это опыт друга. Его опыт для нас важнее собственного, который обычно искажается нашими эмоциями. А опыт друга, с одной стороны, достаточно близок нам, чтобы почувствовать его своим, и, с другой стороны, достаточно далек от нас, и поначалу мы вполне можем оценить его объективно. Дружба всегда «осознает» сложность возникающих между людьми ситуаций и всегда «понимает», каким необычайно хрупким является наше внутреннее равновесие. Друг действует очень осторожно, предлагая свой опыт не как образец для подражания, а как материал, который при желании можно использовать. Во время встречи дружба никогда ничего не навязывает, а лишь приглашает к совместным поискам.

2. Следовательно, семейная дружба тоже возникает из встречи и может, в определенные моменты, возвращаться к своим истокам. Но укореняется она не только посредством встреч. Мы уже сказали, что друзья такого типа становятся как бы членами одной семьи. Но при этом одной привычки, разумеется, мало. Основу семейной дружбы следует искать в тех факторах, которые позволяют поддерживать

стабильность нашего существования. Мы делаем все возможное, чтобы его сохранить даже тогда, когда возникает угроза потери, когда появляется опасность лишиться того, что нам дорого.

Большую часть времени мы живем в полуреальном мире, в мире полумечты и полуправды. Мы находимся во власти условностей, различного рода идей, общественного мнения, этикета, малой и большой лжи. На самом деле мы не знаем, действительно ли нам нравится наша работа, любим ли мы этого человека или нет. Мы отдаем себе отчет в существовании объективной реальности лишь в определенные моменты: тогда, когда мы неожиданно сталкиваемся с этой реальностью или когда она сама таинственным образом открывается перед нами. Мир начинает существовать для нас только в такие критические моменты... Если бы их не было, повседневная жизнь была бы всегда идентична сама себе, она была бы однообразной, убогой, без риска, без опасностей, без открытий, то есть всегда походила бы на сон. Время не существовало бы вовсе, и не было бы различия между истинным и ошибочным, между подлинным и мнимым. Возможно, именно такой и является жизнь животных, ибо они следуют своей природе, а поэтому им не нужно отправляться на поиски этой природы, искать с ней встречи.

С людьми же все обстоит совсем иначе. Мы, род человеческий, утратили свою естественную природу. Может быть, в этом и заключается первородный грех. Утрата произошла тогда, когда в результате мутаций мозг человека достиг высочайшего уровня развития и мы сами стали создавать себе социально-культурную среду, которая всегда остается до какой-то степени произвольной и искусственной. Отсюда-то и возникает ощущение полуреальности, полумечты и полуправды.

Конечно, мы бы так и оставались в плену ощущения иллюзорности и искусственности существования, если бы реальность, так или иначе, не выявляла себя, открывая нам суть нашей жизни. Обычно это

происходит в моменты потерь, в форме катастроф. Например: мы вдруг замечаем, наш ребенок куда-то исчез. Куда он мог деться? Что с ним стряслось? Опасность неожиданно становится реальностью, мир не существует больше в виде условностей, мнений. Он перед нами — враждебный, неотвратимый. Мы приходим в отчаяние, осознав, что должны вырвать самих себя и своего ребенка из когтей этой страшной действительности, которая не подвластна нашей воле. В современной жизни, заполненной пустыми разговорами, бесплодной тратой сил, бесконечным телесмотрением, подлинные ценности обнаруживают себя, как правило, именно в моменты отчаяния.

Это сравнимо лишь с важностью для нас собственного здоровья. В один прекрасный момент мы неожиданно заболеваем. Появляются подозрения на неизлечимую болезнь. Мы заняты бесконечными клиническими анализами. Пытаемся вести себя так, как будто ничего не произошло, держаться в рамках принятых условностей. На самом же деле мы чувствуем себя представшими перед судом, приговаривающим нас к смертной казни, мы привязаны к электрическому стулу, на котором нас заставляют ждать этой казни или помилования. Если диагноз не подтверждается — мы помилованы. И тогда мы считаем, что наваждение миновало, а все пережитое начинает казаться нам сном. Но ведь это не так: это было, было на самом деле. Только благодаря этому «сну» мы осознали, насколько хрупок наш организм, и поняли цену времени. Только тогда мы окончательно и безоговорочно выбрали жизнь и медицину и отвергли болезнь и смерть. Именно тогда мы поняли, в чем состоит героизм всех живых существ, идущих навстречу неизбежному. Неизбежное — это то, что объединяет всех людей, что имеет отношение к сущности нашего бытия и составляет его истинную природу.

Опасность потери заставляет нас идентифицировать объекты нашей любви и укрепляет нашу связь с ними.

В такие моменты мы понимаем, что эти люди нужны нам, и мы не можем без них обойтись. Именно тогда мы и начинаем относиться к ним как к конечным целям, по отношению к которым все остальное выступает как средство. Познать свою сущность — значит узнать, каковы наши конечные цели, подлинные объекты нашей любви.

Вернемся к примеру с пропавшим ребенком. Не помня себя, мы кидаемся на его поиски. Просим всех о помощи и не стыдимся этого. Мир со всей определенностью делится для нас на две части: с одной стороны, наш ребенок и все силы, которые могут помочь отыскать его, а с другой — безграничная, равнодушная и враждебная нам действительность. Именно в такие моменты друзья всегда оказываются рядом. Друзья — это те, кто помогает нам в наших поисках, кто разделяет с нами нашу тревогу, борется вместе с нами за наши интересы, у кого те же, что и у нас, объекты любви. Настоящий друг остается рядом с нами и помогает нам, когда все остальные уходят. Настоящий друг проходит через испытания борьбой, ибо борьба заставляет выбирать. Он выбирает нас вместо кого-то другого. Без выбора нет дружбы. Ситуация исстари придает выбору драматизм, делает его необратимым, отрезает путь назад. Друг — это тот, кто выбирает меня вместе с моими проблемами. Но отправиться на поиски друзей должен я сам. В тяжелые минуты я прежде всего обращаюсь за помощью к друзьям. Одни решаются пойти со мной, другие — нет. Всякая ситуация потери действует как естественный отбор: она выделяет те отношения, которым суждено выжить и иметь продолжение.

Повседневная жизнь изобилует такими ситуациями. Всегда неожиданными, всегда драматическими. Наша жизнь и жизнь наших близких постоянно находится под угрозой: в любой момент она может сорваться в пропасть небытия. Катастрофа всегда наступает неожиданно. Она может настигнуть нас в любой момент. В таких ситуациях на помощь приходят наши близкие. Они живут с нами, являются объектом нашей любви.

О них мы и тревожимся, их и боимся потерять. И в то же время именно они разделяют с нами нашу тревогу, когда над кем-нибудь из любимых нами людей нависает опасность. В этих же ситуациях на помощь нам приходят друзья—те, с кем мы чаще всего встречаемся. Именно тогда, когда мы переживаем какую-нибудь потерю, духовная дружба превращается в семейную. В момент опасности друг приходит к нам, чтобы помочь, не щадя своих сил. Эти моменты оставляют глубокий след в дружеских отношениях. Друг идентифицировался с нами, с нашими тревогами, сделал своими наши конечные цели, наши объекты любви. Наша дружба остается личной, но она распространяется и на других людей. Отыскавшийся ребенок становится отчасти ребенком и нашего друга. А в следующий раз может случиться так, что мы поменяемся с ним ролями. Жертвой потери окажется он, а мы бросимся ему на помощь. Жить рядом, разделять все переживания другого означает вместе бороться с потерями, вместе выступать против сил зла. А значит, и обретать со временем общие объекты любви. Ими становятся наши близкие, его близкие, мы—объект его любви, он—объект нашей любви. Так рождается и крепнет семейная дружба.

Глава XVIII

В заключение рассмотрим вот какую проблему: может ли отец быть другом сыну, а сын другом отцу? Могут ли быть друзьями братья? Или супруги? Мнения специалистов по этому вопросу расходятся. Одни считают, что отношения между близкими родственниками в корне отличаются от отношений между друзьями. Другие же полагают, что дружба может иметь место во всех типах отношений. Дж. Аллан, например, утверждает, что дружба — это качественная характеристика отношений, а не сам по себе объективно существующий вид отношений¹. Если два человека, независимо от своего социального положения, испытывают уважение друг к другу, если они общаются на равных, мы вправе считать их друзьями. Даже двое возлюбленных могут быть друзьями. Они становятся ими тогда, когда, забыв об эротических наслаждениях, каждый из них начинает желать добра другому бескорыстно, отказавшись от всяких задних мыслей, искренне. Исходя из этой концепции, можно сказать, например, что братья Гримм были друзьями. Якоб и Вильгельм сильно отличались по характеру. Первый был человеком рассудительным, второй — фантазером, артистической натурой. Но это не мешало им всю жизнь работать вместе, избегая размолвок и конфликтов. Они были настолько неразлучны, что Геттингенский университет предоставил им возможность учиться на одном курсе. Сейчас уже мало кто помнит их имена. Мир знает только сказки братьев Гримм. Но было ли чувство, которое связывало Якоба и Вильгельма, настоящей дружбой? Может быть, это была просто высшая степень братской любви? Разве быть братьями не означает быть друзьями? Говорим же мы о друзьях, которые все в жизни —

¹ См.: G. A. Allan. A Sociology of Friendship and Kinship. cit., p. 81.

и хорошее, и плохое — делят пополам, что они «как братья»?

Чтобы пролить свет на этот спорный вопрос, мы должны прежде всего уяснить, что все типы отношений — между родителями и детьми, между братьями, между супругами и между друзьями — всегда ориентируются на определенные идеальные модели. Эти идеальные модели в чем-то схожи между собой, а в чем-то и различаются. Все люди испытывают потребность в любви и ласке, поэтому общим у идеальных моделей будет то, что свойственно любви: желание сделать друг друга счастливыми. Но есть у них и отличия, которыми нельзя пренебрегать. Идеальная модель отношений между родителями и детьми отличается от такой же модели отношений между братьями. Отец должен руководить своим сыном, должен быть для него авторитетом, в то время как братья в большинстве случаев не признают друг за другом подобных прав. Дружба требует равенства. Отношения отец — сын предполагают пусть всего лишь потенциальное, но неравенство. Бывают моменты, когда отец чувствует себя другом своего сына и не вспоминает о своей роли руководителя. Но если вдруг сын повел себя недостойно или попал в опасную ситуацию, отец должен вспомнить о своем отцовском долге. Отношения между братьями тоже порой напоминают дружеские. Братья могут вместе работать, вместе отдыхать, идти бок о бок по жизни. Как двое друзей. Но у них есть долг по отношению друг к другу, которого нет у друзей¹. Если один из братьев совершил преступление, второй должен спасти его любой ценой, вплоть до дачи ложных показаний в суде. Учитывая это, закон не принимает во внимание показания близких родственников. Идеальная модель отношений между братьями не признает никаких моральных условий. Она моральна сама по себе. Если брат меня обкрадывает, лжет мне, идеальная модель предписывает мне простить его и все равно

¹ По поводу неевропейских культур см.: A. Adler. L'amitié contre la fraternité, Reflexion sur le lien social en Afrique Noire. In Atti del congresso «L'amicizia e le amicizie». Palermo, 1983.

не расставаться с ним. Но мне скажут, что братья далеко не всегда следуют этой модели. Безусловно. Есть братья, которые ненавидят друг друга, не общаются друг с другом вовсе. Но что бы они ни делали, их действия не могут окончательно уничтожить их отношений. Поэтому братья ссорятся, мирятся, снова ссорятся, снова мирятся. Даже если они хорошо относятся друг к другу, между ними всегда возможны размолвки. Вспомним Генриха и Томаса Маннов¹. В юности они были очень дружны, но после того, как Томас написал «Будденброков», а Генрих — «Голубого ангела», их пути разошлись. Успех отдалил их друг от друга. В 1912—1913 годах они вновь сошлись и поддерживали отношения до начала первой мировой войны. Началась война, и они опять расстались. На этот раз по идеологическим мотивам. Националист Томас принял войну. Генрих же выступил как пацифист и сторонник европейского единства. Их новое сближение произошло в 1923 году, в очень тяжелые для Германии времена, но с приходом фашизма они опять порывают друг с другом. Томас Манн и на этот раз принимает происходящее как должное. Он более осторожен, более склонен к конформизму. Генрих же выступает против фашизма и вынужден эмигрировать в Париж. Последнее примирение произойдет в 1939 году, когда Томас тоже будет вынужден эмигрировать. Он отправится в Соединенные Штаты Америки, где после присуждения ему Нобелевской премии его имя станет широко известно и куда к нему позднее приедет Генрих. Но и в этот период их отношения скорее родственные, чем дружеские. В Америке Томас объявляет себя прогрессивным деятелем и антифашистом. А несчастный Генрих, который всегда выступал против войны и боролся с нацизмом с момента его зарождения, умирает в полной неизвестности. Все почести достаются Томасу Манну.

Дружба не приемлет таких перепадов, таких переходов от близости к размолвкам. Реальное поведение

¹ См.: N. Hamilton. I fratelli Mann. Garzanti, Milano, 1983.

в дружбе никогда не уходит слишком далеко от идеальной модели. Существуют пределы, существует некий порог, который никто не должен переступать. Мы не можем требовать от нашего друга, чтобы он ради нас совершил что-нибудь недостойное, например лжесвидетельствовал бы в нашу пользу в суде. Если мы требуем этого, то нарушаем основные правила дружбы и перестаем вести себя так, как подобает другу. С другой стороны, если друг приносит нам лишь страдания, если он лжет нам или просто насмехается над нами, дружбе рано или поздно придет конец. Братья Манн дали нам типичный пример родственных отношений. А теперь рассмотрим отношения между Золя и Сезанном как типичный пример дружбы. Эмиль Золя и Поль Сезанн подружились еще в лицее. Золя, покинув юг Франции, отправился в Париж и достиг там вершин славы. Сезанну не удалось добиться успеха в Париже, и он снова вернулся в родные места. Золя продолжал ценить своего друга и защищать его от многочисленных нападков. В 1886 году, когда им обоим было уже за сорок, Эмиль Золя опубликовал роман «Творчество», где в одном из главных героев — художнике-неудачнике — все узнали Поля Сезанна. Роман нанес смертельную обиду Сезанну, и он не смог простить этого Золя.

Сезанн умер, так никем и не понятый. Слава пришла к нему только после смерти. Сезанн тщетно надеялся, что хотя бы друг поймет его и оценит по заслугам. Ведь от друзей мы ждем справедливой оценки, которую другие не могут нам дать. Поэтому, когда Золя оскорбил его, Сезанн не смог простить ему этого. Брат простил бы. От брата мы ждем помощи безотносительно к справедливости своих или его поступков, и наша любовь к нему тоже не связана с проблемами справедливости. Но дружба целиком базируется на оценочных критериях и на справедливости. Как только они утрачиваются, от дружбы ничего не остается.

Некоторые, исходя из этого, делают вывод о том, что любовь брата или родителей выше и чище, чем любовь друга. Любовь, говорят они, не должна ставить никаких условий. Подлинная любовь предписывает

нам любить другого, что бы он ни совершил, даже если он превратился в ничтожество, стал убийцей. Что это за любовь, если она исчезает, как только предмет нашей любви начинает вести себя не так, как нам хотелось бы? Настоящий друг должен относиться к нам как брат, как отец, как мать, как влюбленный. Он должен любить, любить и еще раз любить, никогда ничего не требуя от нас. Таков же идеал, к которому призывает нас христианская мораль. Христианское милосердие — это такая всеобъемлющая самоотверженная любовь, которая простирается даже на прокаженных, предписывая нам целовать их язвы. Христианский императив милосердия возводит во всеобщее правило эталон родительской или братской любви: любите ваших врагов, требует он, не судите их. По сравнению с возвышенными христианскими чувствами дружба кажется чем-то незначительным, ничтожным. И действительно, все великие святые, основатели религий, влиятельные церковные деятели, делавшие ставку на энтузиазм и самоотречение, всегда с недоверием относились к дружбе. Потому что дружба не может жить с завязанными глазами, она предъявляет счет, она требовательна.

Но давайте спросим себя: эти возвышенные идеалы, эта этика самоотверженного милосердия действительно принесли ожидаемые плоды? Вернемся к отношениям между братьями. Идеальная модель почти недостижима. Братья всегда должны любить друг друга, прощать друг другу и никогда не отказывать в помощи. Но в реальной жизни их поведение очень редко соответствует идеальной модели. Они ссорятся, не признают друг друга, терзают друг друга из-за наследства. Я вовсе не собираюсь утверждать, что в современном обществе все братья ведут себя именно так. Напротив, я уверен, что в большинстве случаев братья очень любят друг друга, помогают друг другу. И все же идеал братской любви очень далек от реальности. Если мы обратимся к идеалу самоотверженной христианской любви, то увидим, что на протяжении двух тысяч лет истории христианства жизнь давала нам примеры, абсолютно противоположные провозглашае-

мым моральным ценностям. Даже некоторые великие святые, такие, как святой Доменик и святой Игнатий Лойола, которые много говорили о христианской любви, в своих отношениях к людям были суровы и безжалостны. Если Бог — это все, то люди — это ничто, если Бог претендует на все, люди не имеют права ни на что.

Этика самоотверженной любви всегда лавирует между фанатизмом и компромиссом. Если я провозглашаю в качестве идеала всеобщую любовь, то мне поневоле приходится искать тысячи оговорок в повседневной жизни. Для католической веры характерен разрыв между идеалом и реальностью, между абстрактной моделью и каждодневной практикой. Поэтому она плохо понимает дружбу, которая требует меньше, но при этом не идет на компромиссы. Идеалы братской любви, идеалы самоотверженного милосердия многие считают самыми высокими, так как они предписывают всепрощение. Но именно тот, кто всегда прощает, требует, чтобы и его всегда прощали. Когда мораль вселенской любви спускается на землю, она превращается в индульгенцию, в сообщницу грехопадения, в лицемерие. Люди живут вместе, выказывая любовь друг к другу, раскрывая друг другу свои объятия, прощая друг другу дурные поступки и совершая еще более дурные. Деградируя постоянно, вселенская любовь теряет четкие очертания, становится неестественной и окончательно утрачивает свою чистоту. У дружбы нет столь возвышенных идеалов, но она для нас — глоток свежего воздуха в душной атмосфере всеобщего лицемерия.

Люди Древнего мира, а в особенности мира античного, не верили в абстрактные идеалы, далекие от жизни и невыполнимые. Они боялись фанатизма. Не доверяли излишней сентиментальности. И поэтому так высоко ставили дружбу. Ибо в дружбе расстояние между идеалом и реальностью предельно короткое. В дружбе нельзя провозглашать одно, а делать другое. Дружба соблюдает договоры и считает, что получить доверие друга можно, только заслужив его. Дружба может быть только честной, искренней, откровенной. Друг хочет нам добра не на словах, а на деле, он всегда рядом

в трудную минуту. А тот, кому друг помогает, не должен пользоваться этим в корыстных целях или надоедать изъявлениями своей благодарности. Дружба не терпит обмана, не допускает злонамеренных поступков. Никогда, ни при каких условиях. В дружбе нужно уметь увидеть достоинства другого и оценить их. Друг — всегда человек открытый, жизнелюбивый, веселый. Он не может быть занудой, приставалой. Друг не должен быть и слишком щедрым, осыпать нас подарками, иначе он вызывает в нас потребность постоянно отвечать ему тем же, а в результате над нами постоянно тяготеет чувство неоплаченного долга. Дружба должна быть естественной и легкой даже тогда, когда совершаются героические поступки. Друг всегда говорит в ответ на благодарность: «Не за что». Даже если он рисковал жизнью. Таковы идеалы дружбы. Она не требует, чтобы ей отдали все, не заставляет целовать прокаженных, лжесвидетельствовать в суде. Для нее не обязательно даже, чтобы друзья жили вместе. Но то, что она требует, должно быть выполнено неукоснительно. Если же требования дружбы невыполняются, она выносит осуждающий приговор. А осудив однажды, вряд ли уже когда-нибудь простит. Дружба не наказывает, не угрожает, не прибегает к репрессиям или шантажу. Она просто исчезает. Если ее идеал не осуществляется, дружба уходит. Может быть, ни в одном типе человеческих отношений реальное не приближается настолько к идеальному, как в дружбе. Теперь вы понимаете, почему дружба так ранима и почему так много людей разочаровываются в ней. Они не хотят принимать правила ее игры. Ошибаются и те, кто утверждает, что дружба, существовавшая в далеком прошлом, исчезла в современном мире. Дружба существовала в эпоху Конфуция и продолжает существовать поныне. У нас нет никаких оснований думать, что в будущем она исчезнет. Просто у дружбы такая идеальная модель, которой обязательно нужно следовать. И в зависимости от того, насколько мы будем следовать этой модели, мир будет наполняться для нас друзьями, которые всегда будут дарить нам радость.

ЛЮБОВЬ

Глава I

Что такое влюбленность? Это состояние зарождения коллективного движения, в котором взаимодействуют два человека. Такое определение было бы более правомерным как вывод, полученный в результате подробного анализа различных фактов и суждений. Я же поместил его вначале, чтобы руководствоваться им во время нашего короткого путешествия по стране, всем хорошо известной благодаря непосредственному жизненному опыту, но тем не менее остающейся для нас загадочной и туманной. В этом определении заключен совершенно новый подход к проблеме влюбленности, что позволяет взглянуть на нее с точки зрения, отличающейся от концепций, предлагаемых философией, психологией, социологией и искусством. Влюбленность не порождение повседневной действительности, не сублимация сексуальности или каприз воображения. Ее нельзя причислить к явлениям непознаваемым, имеющим божественную или дьявольскую природу. Влюбленность входит в категорию таких широкоизвестных феноменов, как коллективное движение. Разумеется, у влюбленности свои неповторимые качества, не позволяющие спутать ее ни с какими другими коллективными движениями, такими, например, как протестантская реформация, студенческое движение, феминизм, движение Давида Ладзаретти* или исламское движение Хомейни¹. И, тем не менее, это — явление такого же порядка, частный случай коллективного движения. Между великими историческими движениями и влюбленностью — довольно тесная связь; силы, которые они высвобождают и приводят в движение, схожи между собой, а многие чувства — солидарность,

* Глава итальянского аскетического религиозного движения конца XIX века.

¹ Общий теоретический взгляд на эту проблему можно найти в книге F. Alberoni. *Movimento e istituzione*. Bologna, 1977.

радость жизни, обновления — аналогичны. Основная же разница заключается в том, что крупные коллективные движения объединяют большое количество людей и открыты для притока новых участников. А влюбленность ограничена числом партнеров: ее основное свойство, какую бы универсальную ценность она ни несла в себе, прочно связано с тем фактом, что участвовать в ней могут только двое. В этом ее специфика, ее неповторимость, ее отличие от других коллективных движений.

Многие социологи уже описывали особую разновидность опыта, рожденного коллективными движениями. Вспомним, например, Дюркгейма. Говоря о состояниях коллективного возбуждения, он, в частности, пишет: «Человек ощущает над собой власть посторонних сил, увлекающих его за собой и не подчиняющихся его воле... он чувствует, как они переносят его в новый мир, непохожий на тот, в котором протекает его личная жизнь. Жизнь становится не только более интенсивной, но и качественно иной... человек отключается от самого себя, своих личных интересов, забывает о себе и полностью подчиняет себя служению коллективной цели... В такие моменты жизнь во имя идеи становится настолько интенсивной и захватывающей, что полностью овладевает сознанием людей, вытесняя все эгоистические и повседневные стремления»¹.

Когда Дюркгейм писал эти строки, он меньше всего думал о влюбленности. Он имел в виду французскую революцию и другие великие революционные события. На самом же деле состояние, которое он описывает, встречается гораздо чаще. Оно имеет отношение не только к таким великим историческим процессам, как французская революция, эволюция христианства или ислама, но и к другим движениям меньшего масштаба. Как это ни странно, слова Дюркгейма могут быть отнесены и к влюбленности.

В качестве второго примера можно привести иссле-

¹ E. Durkheim. Giudizi di valore e giudizi di realtà. In *Sociologia e Filosofia. Comunità*, Milano, 1963, p. 216—217.

дования Макса Вебера, который изучал психологические явления, дающие возможность наиболее полно проявиться творческим способностям человека и вызывающие в нем состояние воодушевления, а затем обретения веры. Но он рассматривал эти явления как нечто такое, что зависит от появления вождя, посланного людям свыше¹. Вождь, явившись милостью божьей, ломает традиции, увлекает окружающих на путь героических свершений, и каждый, кто последовал за ним, испытывает чувство душевного обновления, возрождения, «томление духа», по выражению святого Павла.

Под руководством вождя заботы материального характера уступают место свободному развитию веры и идеалов, жизнь наполняется энтузиазмом и страстными порывами. Вебер объясняет это исключительно качествами вождя. По сути дела, он совершает ту же ошибку, что и все мы, когда влюбляемся и приписываем переживаемый нами эмоциональный подъем достоинствам любимого человека. На самом же деле любимый человек, так же как и мы сами, ничем не отличается от других людей. Все дело в типе отношений, которые установились между нами и любимым человеком, в тех эмоциях, которые мы испытываем, именно они делают для нас необычным и незаменимым этого человека, а точнее, делают обоих влюбленных непохожими на других людей.

Такова наша исходная позиция. Самые значительные явления общественной жизни — это коллективные движения, в корне меняющие отношения между людьми, существенно влияющие на качество жизни и восприятие человеческого опыта. Таковы движения, породившие различные религии: ислам, христианство, Реформацию, а также секты, профессиональные и студенческие объединения. И наконец, это движение двух индивидов, создающее новое коллективное «мы», — влюбленность. В сформированной нами социальной структуре коллективное движение разъединяет тех, кто

¹ M. Weber. *Ekonomia e societá*. Milano, 1961, vol. II, p. 431—436.

был вместе, чтобы объединить тех, кто был разобщен. В результате создается новый коллективный субъект, новое «мы», которое, если говорить о влюбленности, представляет собой пару «любящий — любимый».

До сих пор социологи, психологи и философы считали чудовищным и постыдным предположение, что между историческими процессами, к которым относятся движения типа ислама, французской или русской революции, и такими обычными явлениями частной жизни, как влюбленность, может быть что-то общее и даже идентичное. Заниматься историческими процессами престижно. Все хотят писать о важном, значительном, определяющем нашу общественную жизнь. А любовь двух обывателей или желторотых юнцов, страсть, вспыхнувшая между бедной учительницей и садовником, между господином средних лет и его секретаршей, кажется ученым мужам настолько ничтожной, настолько убогой и лишенной какого-либо значения, что им и в голову не приходит заподозрить здесь действие одних и тех же сил. Ситуация, напоминающая ту, которая царила когда-то в биологической науке. Вершиной мироздания считался человек, субъект творческих деяний, созданный по образу и подобию божьему. Далее располагались такие «высшие животные», как лошади, львы и, наконец, где-то внизу — черви, муравьи, моллюски. Но сегодня мы знаем, что все живые существа имеют одинаковую структуру клеток, что в состав любой клетки входит одно и то же: протеины, ДНК и синапсы.

Чтобы проникнуть в суть вещей, необходимо выявить, что у них общего и чем они отличаются друг от друга. Влюбленность — это простейшая форма коллективного движения, которую, конечно, невозможно спутать с французской революцией.

Наше определение влюбленности как состояния зарождения коллективного движения, в котором взаимодействуют два человека, дает теоретическую основу для анализа загадочного феномена — влюбленности. Коллективные движения постоянно возникают в нашей жизни; правда, отдельный человек может на протяже-

нии всей своей жизни ни разу не оказаться участником такого движения или участвовать в нем только один раз. Когда речь идет о движении, в котором задействованы тысячи или миллионы людей с их экономическими или классовыми интересами, со всеми мыслимыми и немыслимыми идеологиями, изучение его базовых механизмов становится крайне сложным. А влюбленность — это то, через что прошли мы все, и каждый из нас может выступить в качестве свидетеля пережитых мгновений, может рассказать о них, может сделать свои выводы. Поэтому изучение феномена влюбленности дает ключ к проникновению в суть более сложных явлений, не укладывающихся в рамки жизненного опыта отдельного человека.

Однако для стоящих перед нами задач все это не суть важно, подобные проблемы должны интересовать социологов, философов, историков. Нам же предстоит заняться влюбленностью как особой разновидностью коллективных движений. А для этого мы должны погрузиться в соответствующий жизненный материал, сразу же выделив хотя бы одну из отличительных черт интересующего нас явления. Мы отказываемся от традиционного взгляда на влюбленность, не находящего в ней ничего отличного от повседневной жизни и от обычной сексуальности. Чтобы разрушить стереотипное отношение к этой проблеме, затуманивающее ее сущность, мы начнем именно с сексуальности и увидим, что и в ней существует разница между обычным и необычным. Влюбленность, как и всякое коллективное движение, находится в ряду явлений необычных.

Глава II

Существует весьма распространенное мнение, что сексуальная жизнь животных отличается от сексуальной жизни человека: сексуальность животных имеет циклический характер, она активизируется внезапно, в периоды любовных игр, а затем сразу же угасает. У человека же, как принято считать, сексуальное желание присутствует постоянно, оно не проявляется активно лишь потому, что человек научился подавлять его в себе. В результате сексуальность человека приравнивается к таким жизненным потребностям, как сон или еда, то есть к тому, что всегда присутствует в нашей жизни в приблизительно одинаковых количествах и осуществляется нами изо дня в день. Эта идея получила широкое распространение благодаря популяризации психологической науки. Действительно, Фрейд сначала видел источник жизненной энергии в сексуальности. А отсюда следовал вывод, что, коль скоро все мы живем, энергия эта присутствует в нас постоянно. На данном постулате основываются сегодня все диссертации, толкующие о недостаточной, подавленной и задушенной сексуальности человека, начиная с туманных рассуждений в работах Райха и Маркузе и кончая комментариями ко многим демоскопическим исследованиям¹.

С чем же мы постоянно сталкиваемся во всех этих исследованиях? С выводом о том, что мужчины и женщины имеют ограниченное количество сексуальных контактов в неделю, что контакты эти бывают достаточно непродолжительны и, как правило, с одним и тем же партнером. Следовательно, можно считать, что сексуальность человека является постоянной, слабо выраженной и мало интенсивной, то есть действительно почти не отличается от потребления пищи и питья. Но при этом нас не покидает ощущение,

---

¹ См.: G. Fabris e R. Davies. *Il mito del sesso*. Milano, 1978, p. 367.

что так быть не должно и что на самом деле все обстоит совсем наоборот. Откуда возникает такое ощущение?

Мне кажется, что ответ на этот вопрос заключается в следующем: в жизни всех мужчин и всех женщин бывают периоды активного приобретения сексуального опыта, когда их сексуальная жизнь становится необычной, интенсивной, экстраординарной и максимально насыщенной, и все они хотели бы, чтобы так продолжалось всегда. Эти периоды повышенной сексуальности стали для них единицей измерения, с которой они подходят к оценке повседневной сексуальной жизни, являющейся объектом демокопических исследований.

Теперь, если мы как следует поразмыслим над тем обстоятельством, что у всех людей бывают короткие периоды необычайной сексуальной активности и длительные периоды обычных, ничем не примечательных сексуальных отношений, мы должны будем признать, что сексуальность человека тоже не является чем-то постоянным, равнозначным процессу утоления голода или жажды. Скорее можно сказать, что она, как и другие жизненные потребности, всегда присутствует в нашей жизни в своем *обычном виде*. Но в определенные жизненные периоды — периоды любви — сексуальность приобретает совсем иные формы и иную степень интенсивности, становясь чем-то из ряда вон выходящим.

У человека нет биологических сексуальных ритмов, однако так же, как и у животных, его сексуальная активность имеет прерывистый характер и проявляется со всей своей безудержностью только в периоды любви, когда сексуальная потребность становится как бы неисчерпаемой и, тем не менее, получает полное удовлетворение. В эти периоды мы способны целые дни проводить в объятиях любимого человека и не только не обращаем внимание на сексуальные акты и на их продолжительность, но ощущаем, как каждый взгляд, каждое прикосновение, каждая мысль, обращенная к любимому, содержит в себе эротический заряд, в сотни раз превосходящий пыл обычного сексуального контакта.

В такие периоды вся наша физическая и чувственная жизнь расширяет свои пределы, становится намного интенсивней: мы начинаем «слышать» запахи, которые раньше не воспринимали, обращать внимание на оттенки цвета и световые блики, которых раньше не замечали. Каждый жест, взгляд, движение любимого человека говорит нам об очень многом, например о его прошлом или его детстве. Мы оказываемся способными проникать в чувства любимого и глубже понимать свои собственные чувства. И в других людях, и в себе самих мы безошибочно отличаем искренность от фальши, потому что сами стали искреннее. Но это не мешает нам создавать в своем воображении особый фантастический мир и, поместив в этот мир образ возлюбленного, без усталости им любоваться. Все, что имеет отношение к любимому человеку, воспринимается нами через призму бьющей через край сексуальности, через наше стремление получать радость и дарить ее.

И тогда сексуальный акт превращается в желание слиться с телом любимого человека, жить в этом теле и отдать ему всего себя целиком, и, как следствие этого, возникает нежность ко всем слабостям любимого человека, к его глупости, недостаткам, несовершенствам. Влюбленные способны любить даже рану на теле возлюбленного, испытывая к ней нежность.

Все эти чувства обращены к одному-единственному человеку, и только к нему. И не важно, что он за человек, важно, что влюбленность порождает великую необоримую силу, которая влечет к слиянию с этим человеком и делает каждого из нас единственным и незаменимым для другого. Это происходит независимо от нашей воли, хотя мы, как и раньше, продолжаем считать, что можем обойтись без этого человека и обрести точно такое же счастье с другим.

В действительности же дело обстоит совершенно иначе: достаточно на короткое время расстаться с любимым, чтобы убедиться в его незаменимости, в том, что он обладает чем-то таким, чего нам всегда не хватало и чего мы сами никогда бы не обрели. Часто какая-нибудь самая незначительная деталь — руки, форма

груди, ложбинка на теле, голос (да мало ли что еще!) — становится для нас символом его непохожести на всех остальных, его уникальности.

Итак, факты говорят о том, что наша сексуальность может быть обычной, будничной, и необычной, прерывистой. Последняя возникает в такие моменты, которые связаны с влюбленностью или со страстной всепоглощающей любовью. *Обычная сексуальность*, аналогичная потребности в пище и питье, сопровождает нас тогда, когда наша жизнь течет размеренно и монотонно, как отсчет времени в часовых механизмах. *Особая сексуальность* появляется тогда, когда жизненная энергия начинает искать новые, не испробованные еще пути выхода. В такие моменты сексуальность становится средством, с помощью которого жизнь изучает границы возможного и реально существующего, то есть сексуальность оказывается в *состоянии зарождения*.

Такого рода сексуальность связана с интеллектом и с фантазией, с эмоциональными порывами и страстями, сливается с ними воедино. Но она же призвана подорвать, преодолеть, сломать предыдущие связи. Эрос — это революционная сила, действие которой распространяется только на двоих. А революций в жизни происходит не так уж много. Поэтому особая сексуальная активность не может возникать по нашему желанию. Она появляется в переломные моменты нашей жизни или тогда, когда мы пытаемся переделать эту жизнь. Сексуальная активность, как правило, связана с риском: мы всегда жаждем ее и всегда тоскуем по ней, но в то же время боимся ее. Чтобы успокоить себя, мы приравниваем ее к повседневной сексуальности, равнозначной утолению сексуального голода. Демокопические исследования постоянно оперируют одними и теми же фактами, которые нам хорошо известны и которые нас действительно успокаивают, ибо подтверждают, что сексуальные отношения других так же убоги, как и наша собственная повседневная сексуальная жизнь.

К тому же эти исследования вводят нас в заблуждение, подсказывая, что путь к достижению счастья за-

ключается в увеличении количества сексуальных контактов, скажем, с четырех до девяти, а также, возможно, в увеличении их продолжительности. Самый же эффективный путь, советуют многие «исследователи», это вступление в сексуальную связь с как можно большим количеством партнеров. Такое представление безусловно ложно, потому что на стадии повседневной сексуальности совершенно не важно, имеем ли мы сексуальные контакты с одним и тем же человеком или с девяносто восемью разными людьми. Но при этом необходимо учитывать, что человек обычно стремится иметь сексуальные контакты с как можно большим количеством партнеров именно тогда, когда хочет найти замену той единственной личности, которая одна способна подарить ему всю радость бытия и с которой он может обрести покой.

Привыкнув ко всему подходить с меркой обычного, «часового» времени, мы забываем, что в периоды особой сексуальной активности, то есть в периоды любви, время меняет свой характер. В японском буддизме для обозначения двух разновидностей счастья используются выражения «нин» и «тен». «Нин» — это мир спокойствия и уравновешенной будничной жизни, «тен» — кульминационный момент в нашей эмоциональной жизни и любви. «Нин» уже само по себе означает радость бытия, и поэтому один день «нин» равен году жизни, лишенной покоя. А один день «тен» равен тысячам или десяткам тысяч обычных, тускло прожитых лет. В состоянии зарождения настоящее получает выход в вечность. Когда мы теряем нашу любовь, один час ожидания может превратиться для нас в годы или в века, а тоска по прожитым мгновениям вечности не покидает нас всю жизнь.

Глава III

Самый простой и неискушенный человек, влюбившись, прибегает к языку поэзии, языку религий и мифов. Это только на первый взгляд кажется смешным, но в жизни происходит именно так. Дело в том, что религии и мифы появляются при тех же условиях, что и самые разные коллективные движения, то есть они тоже проходят через состояние зарождения. В псалмах Давида, в мистической поэзии Руми и Данте, в поэзии Неруды и Квазимодо разные предметы любви. У Руми — это Бог, у Данте — мистически преобразенный образ женщины, у Неруды и Квазимодо — родина, товарищи, друзья. Но тональность, эмоциональная направленность, пафос — одни и те же. Скажу больше: декларацию прав человека, провозглашенную левеллерами, вполне можно, не меняя в ней ни слова, вложить в уста влюбленных, которые борются с препятствиями на пути к своему счастью. Следовательно, чтобы выразить наше стремление к тому, чего мы желаем больше всего на свете, мы обращаемся к универсальному языку. Существует универсальный язык борьбы за свободу и за гражданские права, язык торжества жизни, который преобразуется в язык этики. То, что несут в себе все коллективные движения, а следовательно, и влюбленность, рождается в противоборстве с традиционными интересами и установлениями. Но чтобы нечто новое могло появиться и получить «право на жизнь», оно должно выдвинуть систему ценностей, ни в чем не уступающую традиционной. Влюбленность бросает вызов самым основам традиционных установлений. Природа влюбленности заключается в том, что последняя не хочет быть просто желанием, личным капризом, а стремится стать коллективным движением, несущим в себе проект создания новых установлений.

Все коллективные процессы вносят раскол в то, что раньше было едино, и объединяют то, что было разобщено старыми традициями, привычками, установле-

ниями. Зарождающееся христианство отрывает евреев от их традиционной религии, отвращает граждан Римской империи от культа императора, объединяя евреев и язычников. Ислам лишает египтян культа египетского царя, персов отвращает от Заратустры, а затем объединяет персов, арабов и египтян в единый мусульманский мир. Влюбленность тоже, едва появившись в истории Западной Европы, уже несет с собой муки разрыва и разобщения. Структура всех иерархических обществ, основой которой является племя, а также обществ земледельческих и феодальных строится на родовых связях. Как доказывают исследования Леви Стросса, система родовых связей — это такая система, которая основана на различиях и взаимообмене. Племя, род, клан уступают одну из своих женщин соседям в обмен на другую женщину. Пара возникает в результате взаимодействия двух общественных структур. *Выбор жены* происходит как сделка между двумя кланами и осуществляется, как правило, непосредственно этими кланами. Выбор может быть и результатом договора между двумя отдельными людьми в пределах одного и того же клана. Например, в феодальном обществе этот выбор происходит между семьями феодалов, и только между ними. Но с ослаблением феодализма и с появлением капиталистических отношений, а следовательно, с возникновением возможности накапливать богатство и добиваться успеха, с развитием культуры и с появлением возможности завоевывать себе престиж жесткие родовые связи ослабевают и становятся реальными другие пути развития отношений. Здесь необходимо правильное понимание современной ситуации: система родовых связей существует до сих пор, и те, кто пытаются ее сломать, рискуют понести наказание. Но если раньше невозможна была даже сама мысль о выходе из родовой системы, то сейчас это вполне осуществимо.

В основе всех коллективных движений лежит одна и та же ситуация: с одной стороны — существующая система правил и установлений, с другой — пробивающие себе дорогу преобразования, возникно-

вление новых классов, новой власти, появление новых возможностей. В равной мере это относится и к влюбленности. В феодальном обществе, в котором всегда существовала система родовых отношений и в котором одновременно появлялась на свет новая буржуазия и новая интеллигенция, влюбленность вспыхивает как искра между двумя индивидами, принадлежащими к разобщенным и враждебным кланам. Влюбленные находят друг друга и соединяются, нарушая эндогамные правила системы, основанной на родовых или классовых связях. Возьмем историю Абеяра и Элоизы. Их любовь вышла за пределы правил, утверждая себя как нечто неповторимое, как право, как нравственную ценность. Безусловно, страсть Абеяра и Элоизы имела эротико-сексуальный характер, но влюбленностью делала ее не сама сексуальность, а тот факт, что и сексуальность, и любовь, и наслаждение проявлялись и утверждались как право установить отношения, идущие вразрез с родовыми и классовыми установлениями. Абеяр и Элоиза стали мужем и женой, но право на этот брак дала им именно влюбленность. Пройдут века, и Шекспир, рассказывая о любви Джульетты и Ромео, воссоздаст аналогичную ситуацию: две враждующие семьи, брачные связи между которыми запрещены. Любовь выступает как нарушение закона. Она разъединяет то, что было единым (отрывает Джульетту от ее семьи, а Ромео — от его семьи), и объединяет то, что было несоединимо (двух представителей враждующих семей). Не бывает движений без разногласий, как не существует влюбленности без борьбы с разногласиями. Речь идет о любых разногласиях и о нарушении любых традиций, установлений, а не только заранее известных. Каждый раз то, что разъединяет, и те правила, которые нарушаются, оказываются иными. Возьмем самую простую ситуацию: юноша эмоционально привязан к своей матери (или к своему отцу), в этом случае разрыв носит внутрисемейный характер: молодой человек порывает со своим детским отношением к семье. Влюбленность веками воспринималась как чувство, разбивающее семейную пару, как адюльтер. На самом

же деле адюльтер — всего лишь частный случай, подтверждающий общее правило: влюбленность возможна только тогда, когда она разъединяет бывшее единым и соединяет существовавшее порознь. Если пользоваться терминологией структуралиста Леви Стросса, влюбленность устанавливает новую систему различий и обменов. Теперь мы можем лучше понять парадоксы Дени де Ружмона¹, утверждавшего, что влюбленность в Западной Европе всегда выступала как нечто запретное и пребывающее в вечном преодолении препятствий. Дело в том, что влюбленность сама ищет эти препятствия, мечтает о трудностях. Влюбленные, говорит Дени де Ружмон, на самом деле не любят друг друга, они получают удовольствие от разлуки и бывают счастливы, только страстно желая невозможного. В литературе всегда изображается любовь или преодолевающая препятствия, или неосуществимая (Данте, Петрарка, Шекспир, Гёте). Объясняется это, очевидно, тем, что без препятствий не может возникнуть ни одно коллективное движение и, следовательно, не может существовать и влюбленность. Иными словами, если нет препятствий, нет трудностей, то нет смысла устанавливать новую систему различий и обменов. В произведениях литературы вымышленные препятствия играют роль инструмента, с помощью которого создается логически осмысленная история любви. Поэтому писатели, чтобы изобразить ситуацию возникновения влюбленности, прибегают к воображаемым препятствиям: враждующие семьи у Шекспира, замужество Изольды, рождение еще одного ребенка в «Родстве душ» Гёте, смерть Беатриче у Данте и т. д.

Далее мы увидим, что этот художественный прием служит для введения в действие еще одного важного элемента коллективных движений (а следовательно, и влюбленности) — *дилеммы* — и, что особенно важно, помогает проникнуть в проблему, связанную с вечным обновлением состояния зарождения. Подводя итоги, можно сказать, что главное — это не тип препятствия,

---

¹ D. de Rougemont. L'amore e l'occidente. Milano, 1977.

а наличие препятствия. Когда-то препятствием была структура родовых связей, затем эту же роль стали играть предыдущий брак, политические убеждения, культурные и языковые различия, разница в возрасте и даже принадлежность к другому полу (в гомосексуальной любви). Влюбленность всегда предполагает создание чего-то нового на базе двух разрозненных структур. А теперь сделаем небольшой шаг назад и посмотрим: какие отношения до влюбленности связывали человека с его семьей, социальным окружением, церковью, супругой (или супругом), с этнической или лингвистической средой, иначе говоря, что из себя представляли те отношения, которым предстоит быть сломанными влюбленностью? Мы можем предположить, что первоначально эти отношения были желанны или по крайней мере приемлемы и воспринимались как нечто нормальное и закономерное. Конечно, во всех человеческих отношениях всегда в большей или меньшей степени присутствует недовольство и разочарование, то есть всегда имеет место определенная амбивалентность. Ребенок, живущий в семье, любит отца и мать, своих братьев и сестер, любит он и саму семью как единое целое. Семья — это коллективный объект любви, но она же становится источником напряжения и разочарований, раздражения и агрессивности. Она одновременно является объектом любви и объектом агрессии, а значит, она тоже амбивалентна. Фрейд заложил амбивалентность в основу своей теории. Эдипов комплекс — это проявление амбивалентности по отношению к отцу и матери, которых ребенок безусловно любит, но которых он одновременно и ненавидит, хотя эта ненависть не выказывается открыто. Даже если амбивалентность имеет место, образы отца, матери, семьи продолжают оставаться положительными. А происходит так потому, что в нас живет желание (может быть, правильнее было бы сказать потребность) сохранить как можно более чистыми, незапятнанными (не амбивалентными) объекты нашей любви. Из представлений ребенка о матери, об отце, из представлений взрослого человека о церкви, о своей политической

партии возникают самые идеальные образы. И человек делает все возможное, чтобы в его глазах эти образы не утратили своей безупречности. Он добивается этого, с одной стороны, стараясь направлять свою агрессивность на себя самого и превращая ее в чувство вины (депрессивный путь), а с другой стороны, объясняя несовершенства, которые он видит в объектах своей любви, происками враждебных сил: отец раздражителен, потому что ему приходится много работать, родина, партия, церковь несовершенны, потому что существуют внешние или внутренние враги, коварные и злые (репрессивный путь). В итоге объект любви достаточно долго сохраняет идеальные черты. Такое положение вещей мы привыкли считать нормой. Но когда вокруг нас все меняется, когда меняемся мы сами (например, в отрочестве), когда у нас появляются новые возможности и мы открываем для себя другие стороны действительности, наши отношения с объектом любви ухудшаются; при этом нам становится все труднее сохранять прежний идеальный образ, и мы начинаем направлять свою агрессивность на самого себя или на другой объект. Во все исторические периоды, предшествовавшие появлению коллективных движений, и во всех личных историях перед возникновением влюбленности происходят длительные подготовительные процессы, медленно изменяющие и разрушающие отношения между старыми объектами любви. В эти периоды оба старых механизма (депрессивный и репрессивный) продолжают действовать: мы изо всех сил защищаем наш идеал, не желая проникать в суть проблемы. В результате влюбленность наносит свой удар неожиданно. Он (или она) был таким добрым, таким нежным, — говорит покинутая супруга (или супруг), — и так счастлив со мной. На самом же деле она (или он) уже давно искала замену, но упорно гнала от себя эти мысли. На уровне сознания она изо всех сил старалась любить своего мужа, делала все, чтобы он по-прежнему казался ей безупречным, достойным любви. Но это приводило лишь к тому, что она с каждым днем становилась все подавленней и молчаливей. Ей все ча-

ще приходилось обращать свою агрессивность на себя самое и все чаще искать выход в самопожертвовании. Всякий идеал (бог) может сохранять свою жизнеспособность только при условии постоянно увеличивающихся «вливаний» в виде жертвоприношений. Если развивать дальше эту метафору, возможна и такая ситуация: сначала идеал довольствуется только первыми плодами, потом забирает весь урожай, после чего он отбирает даже семена и, в конечном итоге, требует самоуничтожения. Появлению всех коллективных движений (и влюбленности в том числе) предшествует период депрессивных перегрузок. Перед опасностью самоуничтожения страх отступает на второй план, и многое из того, что раньше считалось искушением, от которого следует бежать, начинает восприниматься в совершенно новом свете. Ведь и соблазн является частью нашей жизни, да и так ли уж он греховен, как говорят? Процесс продолжает развиваться, пока не подходит к заветному порогу, за которым эрос преодолевает рамки привычной структуры и захватывает запретные территории, а агрессивность, слишком долго направленная на самого себя, тоже «выходит из берегов», устремляясь на правила, державшие ее в узде, и уничтожая их. Вот это и есть *состояние зарождения*. Итак, высвобождаются две силы. Первая — эрос — с огромной энергией стремится соединить новые объекты, вторая — агрессия — разрушает все общепринятые и законные ограничения. И как итог возникает чувство освобождения, полноты жизни, счастья. Возможное становится реальным и выступает в качестве объекта эроса в чистом виде, объекта неамбивалентного, не содержащего противоречий между долгом и наслаждением, не знающего, что такое отчуждение.

Глава IV

Как уже говорилось, влюбленность разделяет то, что было единым, и соединяет то, что было разобщено, но выдвигает при этом структурную альтернативу отношениям, существовавшим прежде. Новая структура как бы бросает вызов самим основам старой, лишая ее всякого значения и ценности. Одновременно возникает новая общность на базе истинных ценностей, абсолютного права, становящаяся центром всех преобразований. Преобразования эти происходят не мгновенно, они представляют собой определенный временной процесс. Мгновенно происходит только появление чистого объекта эроса, который является нам как откровение. Однако сама влюбленность — это отнюдь не мгновение, это тоже процесс, в котором объект эроса, возникший в один миг, исчезает, чтобы потом появиться опять, снова исчезает и снова появляется, но уже обновившись и обретя бóльшую конкретность, и, наконец, обосновывается всерьез. Влюбившись, мы еще долго продолжаем уверять самих себя, что мы вовсе не влюблены. Момент первого потрясения проходит, и мы возвращаемся к повседневной жизни, думая, что все случившееся нам пригрезилось. К нашему удивлению, мы начинаем постоянно возвращаться мыслью к этому моменту, и в нас рождается неутолимое желание, страсть, затихающая только тогда, когда мы слышим голос этого человека и видим его. Но потом страсть исчезает, мы объясняем это тем, что попали во власть наваждения, от которого теперь окончательно избавились. Возможно, это так и есть, ибо вначале трудно определить, действительно ли речь идет о настоящей влюбленности, то есть о коренном изменении социальной среды, в которой мы существуем и которая является органичной частью нас самих. Если же все-таки эта страсть возвращается к нам снова и снова, если она укореняется в нас, значит, мы влюблены. Влюбленность — процесс, в котором встреченный нами

и ответивший на наши чувства человек становится объектом нашего страстного желания. И это заставляет нас пересмотреть, переосмыслить всю свою жизнь и, в первую очередь, свое прошлое. Даже не просто переосмыслить, а как бы родиться заново. Состояние зарождения (и во время влюбленности и в общественном движении) обладает особым качеством, оно всегда связано с переосмыслением прошлого. Повседневная жизнь не дает нам возможности пересматривать наше прошлое. Оно живет в нас со всеми разочарованиями, несбывшимися мечтами, со всеми нашими страданиями. Мысленно возвращаясь в прошлое, мы стараемся залечить все еще не зарубцевавшиеся раны. Почему я не получил того, что было мне так необходимо? Почему все мои труды и страдания пропали даром? Почему человек, который был мне так дорог, не любил меня вовсе и я вынужден был со злобой и ненавистью вырвать его из своего сердца? Наше прошлое лежит тяжелым грузом на нашей совести. Мы стараемся защититься от него с помощью забвения, отвлечься от него, отодвинуть в область бессознательного. Но, как говорит Фрейд, бессознательное бессмертно. Ницше приписывает все человеческие несчастья духу мести, а месть — это ненависть к собственному прошлому, которое уже нельзя изменить. «Наша воля,— говорит Заратустра,— жаждет, чтобы время могло пойти вспять. «Былое» — это скала, которую наша воля не в состоянии сдвинуть с места». Заратустра обещает, что сверхчеловек принесет людям освобождение от прошлого: «Возвращать тех, кто ушел, и превращать «так было» в «было так, как я захотел» — только в этом заключается для меня свобода». Но то, что Ницше обещает сделать реальностью с помощью сверхчеловека, полностью соответствует происходящему в состоянии зарождения. Влюбленные люди возвращаются в свое прошлое и понимают, что все произошло именно так, а не иначе, потому что они в свое время сделали определенный выбор, они хотели этого, теперь же их желания изменились. Они не утаивают и не отрицают своего прошлого, они его просто обесценивают. «Конечно, я любила своего

мужа и ненавидела его в одно и то же время, но ненависти больше нет, я поняла, что совершила ошибку, и теперь я могу стать другой». Прошлое оказывается *предысторией*, а настоящая история начинается сегодня. Обиды, злоба, жажда мести уходят: нельзя ненавидеть то, что не имеет никакой ценности, то, что ничего не значит. Но при этом влюбленные часто оказываются во власти тоски и тревоги. Любимый человек рассказывает мне о своем прошлом, о своих былых влюбленностях, о человеке, на котором женат и с которым живет. Он говорит о нем сначала с ненавистью, изливая накопившееся раздражение, но мало-помалу в его словах начинает чувствоваться нечто похожее на нежность. «Она плохо ко мне относилась,— говорит мне возлюбленный,— но она любит меня, и я ее тоже люблю, я не хочу, чтобы она страдала, я хочу, чтобы она была счастлива». Эти слова означают, что разрыв произошел, ибо нет больше напряжения, нет больше страха, желания мстить. Но эти же слова могут быть истолкованы и как свидетельство того, что прежняя любовь возвращается, они становятся причиной ревности. Влюбленный человек, возможно, продолжает жить со своей женой (или мужем), если она не препятствует его влюбленности, из их отношений уходит ненависть, и остается привязанность друг к другу. Прошлое приобретает иной смысл в свете новой любви. В глубине души влюбленный может продолжать любить свою жену именно потому, что он влюблен. Радость этой любви делает его терпимее, мягче, добрее. Но вторая сторона обычно не приемлет такого рода отношений, не доверяет им, хочет безраздельно владеть любимым человеком. В результате супруги продолжают идти по пути разрыва и заходят в этом направлении гораздо дальше, чем каждому из них хотелось бы.

Счастье новой любви рождает еще одну иллюзию: влюбленному начинает казаться, что те, от кого он уходит, могут вполне спокойно и мирно относиться к его новой любви. Ведь сам он теперь уже не испытывает ни ненависти, ни страданий. «Останемся друзьями»,— говорит он при этом, и совершенно искренне. Он даже

готов рассказывать им о своей новой любви, так далек он от прошлого, от былых обид. Новая общность, которую он создает, согласна принять его старые привязанности, старую дружбу, старые отношения, но в измененном виде. Бывают случаи, когда человек до того, как он влюбился, не мог выносить своих родителей или детей. Но влюбившись, он начинает испытывать к ним глубокую нежность. А так как он не держит на них больше зла, ибо у него нет больше претензий к прошлому, то он считает, что и они должны отвечать ему тем же. Но этого никогда не происходит. Даже если отношения были из рук вон плохими, даже если они были отравлены ненавистью, влюбленность все равно будит в покинутом человеке самые невероятные желания: она как бы заставляет его снова влюбиться в того, кому он больше не нужен и кто уже перестал страдать от разрыва с ним. В результате все, что давно уже не вызывало никакого интереса и стало принадлежностью будней, снова приобретает первостепенное значение. Это можно вполне понять, если помнить, что человек живет среди определенных установлений и социальных структур, что он вращается в них. Потеря близкого человека обесценивает нашу жизнь, лишает смысла все, что нас окружает, все, во что мы верили, изменяет наши представления о себе, лишает уважения к себе. Влюбленный не отдает себе отчета в том, какое страшное оскорбление наносит он живущему с ним рядом человеку, оскорбление, которого тот никогда уже не сможет ему простить. Влюбленный ждет понимания, но встречает отказ, отчаяние, вопль обиды. Настоящая любовь делает окружающий мир добрее, превращает жизнь в радость, окрашивает ее в яркие цвета, все вокруг начинает казаться влюбленному прекрасным. Обретя свой объект, эрос не приемлет больше ничего, что несет отрицательный заряд, эрос гонит от себя всякое небытие, отрешиваясь от него, превращая его в тень. Открытие, сделанное на заре развития греческой философии Парменидом, — это элементарная характеристика состояния зарождения: существует только сущее, а не сущего не существует. Но для внешнего мира, для социаль-

ной структуры, разрушенной коллективным движением, разрыв прежних связей означает невозможную потерю, крушение бытия, и тогда возникает реакция этой структуры, всегда сопровождающая появление коллективных движений, — отрицание происходящего и сопротивление ему. Обманутый в своих надеждах отец кричит на сына или замыкается в себе. Муж, постоянно изменявший жене, становится ярким приверженцем верности. Обезумевшая, опустившаяся жена тщетно пытается сделать более привлекательной свою внешность и свой внутренний мир, чтобы вернуть покинувшего ее мужа. Даже те, кто строил свои брачные отношения на сексуальной терпимости, ожесточаются перед лицом влюбленности и воспринимают ее как смертельное оскорбление, создают препятствия на ее пути, отказывают ей в мирном решении проблем, делая их, таким образом, неразрешимыми. Муж, видя, что сделать уже больше ничего нельзя, говорит: «Хорошо, уходи, но учти, что детей я тебе не отдам». Жена говорит: «Хорошо, иди к ней, но не надейся, что все обойдется, я все равно наложу на себя руки». И вот эти люди — жена и муж, дети, которые благодаря появившемуся новому чувству приобрели особую ценность в глазах влюбленного человека, разрушают лучезарный образ мира, говорящего «да», ибо они говорят «нет» и требуют, чтобы немедленно был сделан выбор. Выбирай: или он — или дети, или она — или моя смерть. Но ведь любовь появляется не для того, чтобы вынудить нас отказаться от детей, не для того, чтобы убивать кого-то, чтобы заставить кого-то страдать. Любовь — это констатация новой общности, начало новой счастливой жизни, в которой все, независимо от своего места в этой жизни, должны признать права друг друга. Однако реакция «пострадавшей» стороны делает невозможной всякую надежду на гармонию: «пострадавший» решительно требует выбора: или одно, или другое. История влюбленности может быть представлена как история отказов от выбора и как история овладения умением выбирать. Так или иначе, в состоянии зарождения требование выбора принимает

характер дилеммы. Это то же самое, что требовать от матери, у которой похитили двоих детей, выбрать, кто из них должен будет умереть. *Состояние зарождения* всегда сталкивается с *дилеммой*, ни одно коллективное движение не обходится без дилеммы, и всякая влюбленность тоже рождает дилемму. Неважно, какую именно.

Я привел лишь два примера на эту тему из тысячи возможных, но я не мог бы назвать ни одного случая, в котором не возникло бы дилеммы. Когда мы читаем в сказках: «Они жили потом долго и счастливо», — картина спокойствия означает возвращение к повседневной жизни, конец напряжения, а следовательно, и конец страсти. Покой преграждает путь появлению дилеммы. Зато искусство, в отличие от сказок, всегда изображает дилемму, вводя в сюжет непреодолимые препятствия, делающие любовь неосуществимой. Препятствия, постоянно возникающие на пути любви, и есть свидетельство присутствия дилеммы. Тристан разрывается между преданностью королю и любовью к Изольде; Изольда не в состоянии сделать выбор между верностью королю и любовью к Тристану. Ромео и Джульетта хотят разорвать цепи жестоких семейных законов, законов ненависти, но они не испытывают ненависти к своим родным. Любовь стремится освободить человека от власти закона, стремится установить другие нормы, но не хочет подавлять людей, она хочет объединить их. Законы, однако, действуют через людей; люди же, приверженные старым законам, сопротивляются установлению нового права. Нельзя сломать закон, не затронув интересы людей, которые им руководствуются. В этом-то и состоит дилемма. Она возникает постоянно, вынуждая влюбленность утрачивать свою *«невинность»*.

Все те, кто выступает за свободу секса, за свободу желаний и эротики, все они исключают существование дилеммы, считая ее реалией, давно канувшей в вечность, следствием невежества, подавляющим влиянием определенного класса или результатом репрессивного воспитания, при этом все они способствуют

появлению опасных мистификаций. Они исповедуют «утешающую» идеологию, которая представляет революцию как великое пиршество дружбы и любви. Да, таким действительно бывает «медовый месяц», ее состояние зарождения. Но затем революционное движение сталкивается с внутренними и внешними препятствиями и оказывается перед проблемой выбора. И тут надо молить бога, чтобы оно не стало очередной человеческой мясорубкой, не воскресило ужасы правления Гитлера, Сталина и Пол Пота. Если не отдавать себе отчета в этом, то можно оказаться в ситуации, ведущей к безрассудству и насилию. Точно так же отношение к дилемме и способу ее решения, а вернее, к стремлению ее «обойти», составляет историю влюбленности, историю ее превращения в определенный замысел и установление.

Глава V

Состояние зарождения — это самоутверждение бытия, не имеющего никаких гарантий успеха, но все-таки говорящего «да». Прежде чем влюбиться, человек неоднократно пытается раскрыть себя, хотя он еще не готов к этому или не встретил ответной реакции другого. Влюбленность — попытка раскрыть свое «я» в преддверии иного способа существования при отсутствии уверенности в том, что он действительно будет реализован. Возвышенный порыв может остаться и без ответа. Он несет в себе глубочайший трагизм жизни, ибо, даря моменты счастья и приобщая к вечности, рождая самые страстные желания, этот порыв разрушает стабильность нашего бытия. Если же другой ответил на наш зов, мы считаем, что на нас обрушилось счастье, которого мы недостойны, что мы стали обладателями чудеснейшего дара, о котором не смели даже мечтать. И целиком обязаны этим тому другому, который выбрал именно нас. Теологи изобрели специальное слово для этого дара: «благодать». Когда другой (тот, кого мы любим) отвечает на наши чувства и между нами устанавливается интимная близость, когда мы чувствуем, что он отдает себя целиком, наше счастье становится полным, для нас перестает существовать время, и этот момент переходит в вечность. Мы никогда уже не забудем его, не сможем забыть. Сознание, что мы любимы, дает нам силы перенести любое несчастье, любые трудности. Это чувство становится нашим спасением, источником всех наших желаний. Но если в один прекрасный день тот, кого мы любим, покинет нас, воспоминания об этой любви (именно потому, что они навечно остаются в нашей памяти) сделают нас несчастными и все вокруг будет казаться нам ничтожным по сравнению с тем, что мы потеряли. Так будет продолжаться до тех пор, пока новое состояние зарождения не заставит нас пересмотреть наше прошлое. Мы пони-

маем, что рискуем, влюбляясь, и все равно идем на этот риск. Мы идем на него после того, как сопротивлялись ему изо всех сил, после того, как множество раз отказывались от него. Мы уже упоминали, что влюбленность — это проявление вечности, это выбор. Мы говорим влюбленности «нет», так как понимаем, что́ означает сказать ей «да», ибо у нас нет никакой уверенности, что дверь, ведущая к радости бытия, не приведет нас к страданиям. Мы говорим ей «нет» и утверждаем, что она была лишь иллюзией, но по мере того, как наше сознание проясняется, мы убеждаемся, что по одну сторону бытия нас ждет благо любви, а по другую — убожество повседневного существования. И мы начинаем понимать: невозможно выбрать то, что не представляет никакой ценности. Теперь мы уверены: ценностью является только благо любви. В сравнении с ним эмпирическая жизнь нашего сознания — ничто, ибо благо любви значимо уже само по себе. Мы так страстно желаем этого абсолютного блага, что в нас исчезает всякое чувство страха. Каждая встреча с любимым человеком может стать последней. Тем не менее, мы хотим лишь одного — быть с ним рядом, даже тогда, когда знаем, что наша встреча — последняя. Для любви, которая обрела свой объект, существует только настоящее: мгновение, которое стоит всей прошлой жизни и всех сокровищ мира. Поэтому в любви счастье всегда соседствует с грустью, ведь «останавливая время», мы идем на сознательный риск, ставим на карту стабильность и прочность нашей жизни. «Остановить время» — значит достичь вершин счастья, но одновременно и потерять контроль над ходом событий, утратить свою силу. Поэтому так естествен отказ от какой бы то ни было власти, от каких бы то ни было амбиций.

В искусстве остановившееся время нередко равнозначно смерти. Только изображая любовь, идущую навстречу смерти, можно передать все метания, все сомнения и страсти влюбленной души, рассказать о ее освобождении из-под власти прошлого и будущего, о ее стремлении остаться навечно в настоящем, не подвласт-

ном уже никаким жизненным коллизиям. Следовательно, в искусстве смерть — это момент, знаменующий конец того времени, в котором влюбленная душа познавала мир. Чарующий вымысел искусства способен вызвать в нас непреодолимое желание отправиться на поиски своей любви, он же заставляет нас вновь пережить наши мечты, возрождает в нас страстное влечение к находящемуся вдали от нас объекту любви и, наконец, доводит нас до такого состояния, когда исчезают все желания и мы обретаем покой, «растворившись» полностью в нашем возлюбленном. Умирая, Вертер «останавливает время» и для себя самого, и для Шарлотты. В реальной жизни влюбленность как факт человеческого существования складывается из «мгновений вечности», которые, однако, ей постоянно приходится преодолевать. Если любовь взаимна, влюбленные снова и снова признаются друг другу в любви. Время не кончается, желание самовоспроизводится и вновь встречает свой объект. Влюбленность находит, теряет и снова находит. Конечно, никто не гарантирует влюбленным постоянную взаимность, но они уже познали «благодать» любви, и это поддерживает в них веру в вечную взаимность чувств. Влюбленность — это еще и вера, доверие, безграничная уверенность в другом. Влюбленные не ревнуют. Разумеется, существует множество индивидуальных особенностей, но в принципе влюбленности свойственна тенденция к взаимному доверию. Объект любви не амбивалентен, следовательно, он добр. Влюбленность рождает ощущение идентичности, ясности, правды. Влюбленные часами рассказывают друг другу о своей жизни, делая другого полноправным участником своего бытия, а значит, и своего прошлого. Как зачарованные, слушают они эти рассказы и завидуют тем, кто знал их любимого (или любимую) до них, ибо им кажется, что судьба лишила их драгоценных моментов счастья. Но они не делают из этого трагедии. В состоянии зарождения действует закон, несовместимый с повседневной жизнью: прошлое не имеет для влюбленного никакого значения. (В качестве аналогии можно привести такую ситуацию: толь-

ко что принятый на работу человек приступает к исполнению своих обязанностей в конце рабочего дня, но зарплату за этот день получает полностью, как и тот, кто начал работать с утра.)

Цель влюбленности — слияние, но слияние двух разных личностей. Для того чтобы оно состоялось, необходимо, чтобы воля и все силы влюбленных были направлены на преодоление между ними различий, которые всегда существуют и должны существовать. Любимый человек интересен нам тем, что он другой, что он обладает своими неповторимыми качествами. Более того, влюбленность еще более усиливает в наших глазах его неповторимость, его уникальность. Мы хотим, чтобы в нас любили неординарное, уникальное, ни на кого не похожее существо, чтобы в нас любили прежде всего индивидуальность. На службе, где каждого можно заменить или перевести на другую должность, о таких отношениях не может быть и речи. В повседневной семейной жизни мы, конечно же, уникальны и незаменимы для наших близких, но они не признают за нами ничего необыкновенного, и мы не являемся для них конечной целью. А каждый влюбленный хочет чувствовать себя именно конечной целью другого. Мы не можем удовлетвориться тем, что нас любит человек, не представляющий из себя ничего особенного, человек во всех отношениях заменимый. Мы хотим, чтобы тот, кто считает нас уникальными, необыкновенными, совершенно необходимыми, тоже был бы уникальным, необыкновенным, совершенно необходимым нам человеком. Поэтому влюбленность моногамна и не может быть иной. Каждая черта возлюбленного, своеобразие его голоса, его фигуры, жестикуляции несут в себе признаки уникальности. Эти черты, эти особенности принадлежат ему, и только ему, поэтому ими не может обладать никто другой. Любимый человек — уникален и абсолютно непохож на других, вот почему ответное чувство этого единственного в своем роде существа с неповторимой индивидуальностью рождает в нас ощущение чуда. Мы все (то есть каждый человек в отдельности) непохожи на других людей, и мы об этом

знаем, но только тот, кто влюблен, способен и может оценить по достоинству нашу неповторимость. Признание неповторимости и уникальности другого является безусловным и обязательным свойством любви. Признание, исходящее от любимого человека, позволяет нам оценить самих себя, почувствовать значимость нашего «я». Но одновременно во влюбленности развивается и другая тенденция, в определенном смысле противоположная первой, — стремление к слиянию. Она направлена на конвергенцию воли обоих влюбленных. Взаимность в любви означает, что оба хотят того, что важно для каждого. Индивидуализация подчеркивает различия, сообщает им особую значимость, превращает их в абсолютные ценности. Индивидуализация заставляет нас считать законом, идеальной моделью все желания любимого и придает в наших глазах исключительную важность нашим собственным желаниям. Слияние объединяет желания двоих в единую волю. Но именно потому, что индивидуальные различия и желания приобретают такое значение, влюбленные пытаются одержать верх друг над другом, а это порождает конфликты. Любовь — это борьба. В любви каждый хочет, чтобы другой оценил достоинства его личности, которые, как он сам считает, наиболее полно выражают его подлинное «я». А любимый человек, возможно, ценит в нем больше всего нечто другое, открывая ему самому какие-то другие его качества. Любовь побуждает нас принять точку зрения любимого человека, заставляет пересматривать представления о себе. Желание нравиться любимому человеку заставляет нас изменять самих себя. Итак, каждый, побуждая другого принять его точку зрения, изменяется сам, чтобы понравиться другому... Происходит не навязывание своей воли другому, а постоянное «разгадывание» его натуры, постоянное «открытие» ее, проникновение в ее тайны. Все в любимом человеке (его жесты, взгляды) превращается в символы, требующие определенного истолкования. Мы тоже, в свою очередь, постоянно «производим» такие же символы. Состояние зарождения — это пролификация знаков. Участником этого

процесса, в который втягиваются и прошлое и будущее, становится сама природа. Дождь, солнце, форма облаков — все приобретает особый смысл, становится знаменем, связанным с образом любимого, с любовью, все влечет нас к неизведанному. А поскольку у влюбленности существуют препятствия, поскольку другой непохож на нас и мы никогда не можем быть уверены в его чувствах или по крайней мере в том, что они так же сильны, как наши, даже незначительные факты и явления, случайные их комбинации начинают казаться нам сигналами, в смысл которых обязательно следует вникнуть: они могут символизировать согласие или отказ, и мы гадаем по ним о своем будущем. Места, в которых происходили важные для нас события, становятся священными.

Вообще, любовь создает свою географию священных мест. Город, улица, дом, вид на море или горный пейзаж, дерево — все это становится священными символами любви. Они превращаются в заповедные зоны, в «храмы», бывшие свидетелями мгновений вечности, в знамения. И точно так же, как освящается пространство, освящается и время. Если в состоянии зарождения время счастья — это настоящее, ставшее вечностью, то совокупность таких мгновений вечности образует литургический год, со своими священными памятными датами. Таким образом, влюбленность, развиваясь, создает свою систему священных ценностей. Пространство, состоящее из заповедных мест, прерывистое время, образующееся из особых, полных значения дней. В результате возникает священное время и священное пространство, как в религии. Влюбленность возрождает деление на священное и мирское и очень чувствительна ко всякому святотатству. Даже по прошествии многих лет уже давно расставшиеся влюбленные не могут без волнения относиться к некоторым датам, а когда им случается вновь попадать в какие-то места, связанные с их прошлой влюбленностью, ими овладевает неодолимая тоска по прошлому. Эти священные даты и священные места — бессмертны, ибо они являются объективным выражением настояще-

го, получившего выход в вечность, преодолевшего время. Они продолжают жить в нашем подсознании и после того, как мы о них забываем. Только новое состояние зарождения может навсегда вычеркнуть их из нашей памяти, освобождая в ней пространство для других священных мест и других священных дат.

Глава VI

Повседневность всегда полна суеты. Мы постоянно чем-то заняты: иногда наше занятие нравится нам самим, но гораздо чаще делаем то, что требуют от нас другие. И эти дела не терпят отлагательства, стоят на первом месте. Если мы не выполняем своих обязательств перед другими, нас ругают, нас наказывают. Мы не можем быть стержнем происходящего, его основным двигателем, ибо происходящее — результат оказываемого на нас давления со стороны других. То, чего мы действительно желаем, нам обычно сделать не удастся, и наступает момент, когда мы сами уже не знаем, хотим ли мы этого или нет. В повседневной жизни свои желания мы облакаем в форму фантазий: «Как было бы хорошо, если бы...» И каждый раз нам что-нибудь мешает их осуществить. У нашего друга или нашей подруги всегда находятся другие дела, они не проявляют желания участвовать в нашем замысле. А если такое желание у них и возникает, то именно тогда, когда у нас оно исчезает, в результате получается, что нам предлагают помощь в самый не подходящий для нас момент. Если же мы отказываемся от этой помощи или просим подождать, друзья обижаются, и тогда у нас пропадает всякое желание делать что-либо, так же, впрочем, как и у них. Таковы досадные неурядицы нашей повседневной жизни: нам кажется, что мы с удовольствием сделали бы какое-то дело, но возможность заняться этим постоянно ускользает от нас, потому что мы все время вынуждены делать что-то другое. Каждый день нас поглощают чужие дела, и в итоге наша жизнь сводится к выполнению чужой воли. Наши дела никогда не захватывают нас целиком, не дают нам настоящего удовлетворения, ибо наши желания никогда полностью не совпадают с желаниями других. Нам все время кажется, что такая ситуация вот-вот кончится, что она не может продолжаться вечно и нам удастся

вырваться из-под власти бессмысленного и жестокого порядка вещей. На самом же деле все остается по-прежнему: в ожидании неизвестно чего проходят тусклые годы, наполненные постоянной суетой, годы без живой истории, без настоящего счастья, мы просто кое-как «влачим свое существование».

Самое привлекательное для каждого из нас во влюбленности — это вспыхнувший яркий свет в унылой череде тусклых будней, острое ощущение новых возможностей, порою связанных с опасностью. Влюбленность раскрепощает наши желания, делает их центром всего. Мы хотим, мы жаждем того, что имеет отношение только к нам самим. Делать что-то для любимого человека — значит делать для себя, для своего счастья. Теперь вся наша жизнь устремлена к одной цели, которая в награду обещает счастье. Наши желания и желания любимого человека пересекаются. Влюбленность увлекает нас в возвышенный мир, и в этом мире мы либо все получаем, либо все теряем. В повседневной жизни, делая что-то для других, мы всегда вынуждены выбирать исходя из чужих интересов, то есть выбирать из двух зол наименьшее. Во влюбленности выбор один — между всем и ничем. Влюбленные каждый день получают то, что в повседневной жизни просто немыслимо: царскую корону, власть, счастье, радость бытия. Но эту корону очень легко потерять, причем потерять сразу, в одном-единственном сражении. Поэтому влюбленные каждый день как бы выходят на свой последний бой. Диапазон повседневности — от покоя до неприятности. Диапазон влюбленности — от экстаза до страдания. Повседневная жизнь — вечное чистилище. Для влюбленности существует либо рай, либо ад: либо мы будем счастливы, спасены, либо нас приговорят к вечным мукам.

Предвижу, что по поводу всего вышесказанного могут возникнуть возражения двоякого характера. С одной стороны, мне могут сказать: да, в повседневной жизни нередко случаи непонимания и разочарований, но виновато в этом несовершенство социальных структур. Если оба супруга чувствуют неудовлетворенность

жизнью, если они не понимают друг друга до конца, им следует пройти курс семейной или какой-нибудь другой психотерапии. С помощью такой терапии (психоаналитической, бихевиористской, католической, буддийской или марксистской) непонимания и конфликтов можно будет избежать. В основе терапевтического метода, весьма распространенного в наши дни, лежит принцип идеальной нормы, не имеющей ничего общего с реальностью. Я не собираюсь полностью отрицать пользу индивидуальной, социальной или политической терапии: она нужна для того, чтобы облегчить страдания, смягчить их, улучшить условия быта, способствовать продвижению общества по пути прогресса, но она ничего не меняет в экзистенциальной структуре повседневной жизни. Пройдя психоанализ, двое супругов станут жить более дружно, меньше ссориться, но это не даст им ощущения полного счастья.

С другой стороны, может вызвать возражения характеристика влюбленности как состояния, полярными точками которого являются экстаз и страдания. Настоящая любовь — скажут мне — это непрерывное счастье, безусловное взаимопонимание, полное согласие, при котором удалить мелкие размолвки не составляет никакого труда. В противном случае любовь не может считаться подлинной. К настоящей любви — добавят другие — приходят постепенно, проявляя терпение и мудрость. Именно так рассуждает, например, Фромм, предлагающий всем свой рецепт счастья — «искусство любить». На самом же деле за этими рассуждениями не стоит ничего, кроме красивого вымысла, венчающего многие сказки: «А потом они жили долго и счастливо...». За такого рода рассуждениями нет ничего, кроме иллюзии о возможности постоянного покоя и счастья, которых в реальной жизни никто и никогда еще не достигал.

Я говорил о двух типах возражений, но на самом деле эти возражения сводятся к одному и тому же. И те, кто занимается психологией семьи, и те, кто изучает психологию любви, имеют в виду лишь сказочный вариант счастья («Они жили долго и счастливо...»), пропа-

гандируя его направо и налево, как будто нет ничего проще, чем добиться такого счастья. Все, кто занимается различными видами терапии (психологи и социологи), по сути дела, не могут предложить ничего, кроме *идеи* вечного и ничем не омраченного счастья. Тем самым они уподобляются бродячим лекарям-шарлатанам, торговавшим когда-то на городских площадях эликсирами долголетия и вечной молодости. Но вечная молодость с точки зрения законов биологии невозможна, это своего рода биологический *nonsense*, и, следовательно, вечное счастье так же невозможно. Оно тоже *nonsense* в сфере экзистенциального существования.

Таким образом, хотя мы и не отдаем себе в этом отчета, речь идет о весьма распространенном и постоянно возрождаемом мифе. Каково же происхождение этого мифа? Мы уже говорили, что эмоциональными границами повседневной жизни являются покой и неприятности, а эмоциональными границами влюбленности — экстаз и страдание. Каждая из этих диалектических пар имеет свой положительный и отрицательный «уклон». Миф появляется тогда, когда за точку отсчета сначала принимается один положительный полюс, а затем оба положительных полюса соединяются вместе (покой и экстаз), при этом наличие отрицательных полюсов (неприятности и страдания) полностью игнорируется. Стремление к счастью, воспоминание о счастливых днях, которые мы пережили в состоянии зарождения влюбленности, продолжают жить в нас всю жизнь в виде ностальгии по этому счастью. Пребывая в плену повседневности, среди суеты и мелких неурядиц, мы мечтаем о жизни насыщенной и эмоциональной, о настоящих, сильных чувствах, мы жаждем счастья, которое дарит состояние зарождения, жаждем экстаза. Конечно, мы помним и о страданиях, но стараемся о них не думать. Нам кажется, что мы снова сможем обрести вечность в самой яркой и чистой любви, какая только может быть на свете.

С другой стороны, когда мы уже влюбились, когда мы целиком и полностью во власти страстей, рядом

с нашим беспредельным счастьем всегда соседствуют страдания, тревога, неутоленные желания; мы хотим продлить состояние счастья, хотим, чтобы оно застыло, стало неподвижным, чтобы оно перешло в спокойную уверенность и избавилось от своих постоянных опасных спутников. Некоторые люди не переносят напряжения влюбленности, они хотят сразу обуздать ее, перевести в мир повседневности, сделать ручной, управляемой. Так во влюбленности и рождается стремление к покою, к стабильности.

Для того, кто живет в мире повседневности, острые ощущения, безудержные порывы страсти, рождаемые счастьем, недостигаемы. Чтобы завоевать свое счастье, человек должен порвать с повседневной жизнью, войти в «опасную зону», в которой не признаются никакие правила. Сделать это по своему желанию он не может, нужны постепенно созревающие соответствующие структурные условия; влюбленность — неотвратимый результат такого процесса. А когда мы влюблены, то не можем «обеспечить себя» состоянием спокойной уверенности, не можем удержать его. Наша любовь не зависит от нас, она властвует над нами, увлекает за собой и заставляет изменяться самим. Чтобы обрести в любви покой повседневности, нужно разрушить эту любовь. Повторяю, многие мужчины и женщины не успокаиваются, пока не превращают свое яркое, неординарное счастье любви в нечто управляемое, подчиненное социальным нормам, окончательно определившееся, то есть пока им не удастся сделать из любви «послушное домашнее животное». Но за это им приходится расплачиваться, навсегда расставаясь с влюбленностью и с состоянием экстаза.

В повседневной жизни мы мечтаем о необычном, а достигнув необычного, начинаем мечтать о повседневном. В будничных хлопотах мы тоскуем по экстазу, а в состоянии эмоционального перенапряжения нам хочется размеренности будней. Эти желания, объединенные вместе, и составляют формулу «жили долго и счастливо», заменившую в наши дни мифы об эликсире вечной молодости и философском камне.

Глава VII

Можно ли любить сразу двоих? Конечно, можно. Любить одного человека и одновременно быть влюбленным в другого? Безусловно. Одновременно влюбиться в двоих? Нет. Каждый из нас любит сразу нескольких людей: мы любим нашу мать и нашего отца, нашу спутницу жизни и наших детей. Ни одна из этих любовей не исключает другой, ни в чем ее не ущемляет. И точно так же мужчина может любить сразу двух жен, а одна женщина — двоих мужей. Любой человек, продолжая любить первого супруга (или супругу), может влюбиться в кого-нибудь еще. Более того, именно так чаще всего и происходит. А вот влюбиться сразу в двоих невозможно. На первый взгляд это кажется абсурдным. Ведь нам так часто приходится слышать: «Я влюблена в них обоих» или «Не знаю даже, в кого из них я влюблена сильнее». Подобные фразы произносятся в двух различных ситуациях. Первую мы бы назвали «подготовкой к влюбленности». Как уже говорилось, человек, расположенный к влюбленности, ищет того, кто ответил бы определенным образом на его чувства, и ему часто кажется, что он близок к цели. Иными словами, у него не раз возникает ощущение, что он уже почти влюблен. А поскольку, как правило, в этот период он знакомится со многими людьми, то он неоднократно оказывается на грани влюбленности, причем сразу в нескольких человек. Вот тогда-то мы и можем услышать от него фразу: «Я влюбился сразу в двоих». Ситуация становится особенно вероятной, когда эти двое тоже в него влюбляются. А так как он расположен к любви и получил положительный отклик сразу от двоих, возникает группа, состоящая из троих людей. Теперь представим себе, что эти двое влюбленных — близкие подруги или сестры. Вместе они образуют единую группу с объектом влюбленности в центре.

Подобная ситуация совсем не редкость. В коллективных движениях очень часто группа женщин бывает влюблена в руководителя. Разве Фрейд не говорил, что масса состоит из индивидов, идентифицирующихся друг с другом и в то же время идентифицированных с руководителем? Таким образом, мы плавно перешли от влюбленности двоих к группе, от коллективного движения вдвоем к коллективному движению группой. В реальной жизни этот переход никогда не бывает плавным. Возьмем, к примеру, группу, руководителя которой обожают все женщины, входящие в эту группу. Можем ли мы сказать, что он влюблен в каждую из них? Разумеется, нет. Ведь любую из них можно заменить. В коллективном движении, в группе, никто не является единственно необходимым: в конечном счете все заменимы. Это правило действительно для любых групп, где не менее трех человек. Даже когда в группу входят только трое и один из них уходит, коллективная общность все равно продолжает существовать. Эта общность исчезает только в том случае, если уходит один из пары. Только в паре индивид может почувствовать свою абсолютную неповторимость и уникальность, свою нужность; в паре он не может быть заменен никем другим. Только индивид, входящий в пару, представляет собой объективное условие существования этого коллектива. Коллективное реализует себя через индивидуальное, и никак иначе. Поэтому коллективное движение двоих — влюбленность — обладает своей особой спецификой, принципиально отличающейся от других коллективных движений. Фразы типа «Я влюблена в них обоих» характерны для состояния неопределенности или для переходного периода: возможно, к влюбленности, а возможно, и к «ничему». Что же касается влюбленности в руководителя движения, то она может представлять собой просто идеализацию на расстоянии, но может быть и односторонним чувством любви. Ведь на самом деле несколько людей могут быть действительно влюблены в одного и того же человека, хотя этот человек и не отвечает им взаимностью.

Подобная ситуация возникает вокруг признанных вождей, знаменитых актрис, а иногда и просто очаровательных женщин. Назовем такую ситуацию односторонней влюбленностью.

Но вернемся к нашей основной проблеме. Мы сказали, что можно одновременно любить нескольких людей и влюбиться в еще одного человека. В этом случае новая влюбленность заставляет нас пересматривать все наши чувства. Любимые нами люди являются частью нашего внутреннего мира, нашей индивидуальности, и мы хотим, чтобы эта индивидуальность получила признание и любовь в новой влюбленности. Иными словами, у каждого из влюбленных всегда есть своя собственная предыстория, своя система привязанностей и предпочтений; некоторые из них, раньше весьма существенные, отбрасываются, лишаются в нашем представлении всякой ценности, а другие, наоборот, сохраняются и органично входят в наше новое чувство. Например, когда двое женатых людей, имеющих детей, влюбляются друг в друга, каждый из них в своей системе привязанностей начинает отделять супругу или супруга от детей. Без супруги (или супруга) он (или она) может и хочет обойтись, готов полностью изменить свое прежнее отношение. Но дети — совсем иное дело. Они могут быть интегрированы в новую любовь. Супруга (супруг) перестает быть составной частью нашей требующей признания индивидуальности, дети же остаются в этой структуре. Тем не менее, встреча, когда речь идет о влюбленности, происходит только между двумя людьми. Дети в этой встрече не участвуют. Встреча имеет дело с изолированными индивидами. «Спрос» и «предложение» выявляются до того, как на сцене снова появляются дети. Каждый ищет любви для себя, а не для детей. А вот последующие фазы любви как раз и заключаются в том, что в любовные отношения включаются компоненты, первоначально находящиеся за пределами этих отношений (в том числе и дети). Мы начинаем любить этих детей не самих по себе, а потому, что их любит любимый нами человек. Иногда дети становятся препятствием, почти непреодолимым,

на пути развития влюбленности. Дети могут быть настроены враждебно или стать орудием давления и шантажа в руках взрослых, что ведет к возникновению все той же роковой дилеммы. В любом случае влюбленность — это всегда встреча двух индивидов, каждый из которых несет с собой и в себе определенную систему отношений, желая частично сохранить их, частично пересмотреть. Когда влюбленность изображают как встречу двух ни с кем не связанных индивидуальностей, которым никто не мешает и которые, забыв о прежних привязанностях, стремятся лишь к полному уединению, возникает совершенно ложная картина. На самом деле они действительно стремятся к уединенному общению, но в то же время и к включению в это общение своего непосредственного окружения. Причем вопрос состоит не в том, чтобы выбрать то или другое, а в том, чтобы сохранить и то, и другое. Желание достигнуть полного, постоянного уединения — это попытка сбросить груз всего земного, повседневного, давящего на влюбленность. Когда давление окружающей действительности становится невыносимым, когда не удается включить в новые отношения ту часть себя, которая обременена уже существующими чувствами и привязанностями, влюбленность стремится оторваться от мира, создать некую свободную от всяких проблем зону, обрести там убежище и покой, чтобы затем вновь выйти навстречу мирским делам. Если оба влюбленных находятся в одинаковой ситуации, побеждает обоюдное желание скрыться, уйти от давления окружающего мира, придать стабильность своему совместному существованию, чтобы через какое-то время вернуть себе все, от чего они отказались. Если же трудности возникают только у одного из влюбленных, тогда только он один воспринимает влюбленность как убежище, как свободную зону, в которой можно укрыться от власти случая. Но это стремление входит в противоречие с желанием другого любить, не уходя от мира, от конкретной действительности, совмещая со своей любовью все, что с ней можно совместить, и отбрасывая все, что необходимо отбросить. Первый вос-

принимает любовь как чистую фантазию, освобождение от мира, пристань для души, благословенный остров, на котором можно уединиться, благоухающий сад посреди пустыни реального существования. Другой отвергает эти фантазии, он хочет превратить в сад реальный мир. Это наглядный пример того, как влюбленность порождает разные проекты преобразования жизни двумя индивидами. Проекты в данном случае несовместимые, один из них обязательно будет отвергнут. Но случается и так, что отвергнутыми оказываются оба проекта, и тогда влюбленность, раздираемая противоречиями, погибает.

Мы уже сказали, что можно любить одного человека и одновременно влюбиться в другого. Но нельзя быть влюбленным сразу в двоих, ибо любовь — это процесс перестраивания всех отношений вокруг одного индивида. Новая влюбленность указывает единственно возможное направление, по которому предстоит двигаться. Две влюбленности не могут существовать в нас одновременно, потому что они заставили бы нас двигаться, вкладывая все свои душевные силы, к двум совершенно различным целям.

Теперь рассмотрим случай, когда у влюбленных появляется ребенок. Возьмем в качестве примера такую ситуацию, когда один из двоих хочет ребенка и поэтому воспринимает его рождение и любовь другого к этому ребенку как настоящую измену, как предательство. В исламо-персидской легенде рассказывается о том, как Иблис (Сатана) восстал против Бога после того, как тот создал человека, и потребовал, чтобы архангел Света полюбил его. Иблис ответил, что не может любить человека, ибо любит только его, Бога, и поэтому любовь к человеку для него неприемлема. Он предпочитает навлечь на себя гнев Всевышнего, навсегда потерять его любовь, но не делить ее ни с кем другим. Обратимся теперь к ситуации, когда оба влюбленных хотят ребенка. Желанный ребенок появляется на свет и становится новым полюсом любви. И что же? В данном случае влюбленность опять-таки погибает. В это трудно поверить. Народная мудрость учит, что

ребенок укрепляет любовь, спасает ее, когда ей грозит опасность. Любовь — да, но не влюбленность. Ребенок действительно становится объектом любви обоих. Они, родители, влюбляются в него. Их отношения зависят теперь от существования этого третьего создания, а не только от них двоих. Каждый из них жертвует своими эгоистическими личными желаниями не ради удовлетворения столь же эгоистических желаний другого, а ради счастья третьего существа. Ни один из двоих не является больше главным человеком для другого, его богом. Оба они с обожанием склоняются перед вновь родившимся божеством. И если между ними возникают разногласия, непонимание, каждый из них может найти утешение в ребенке. В большей степени это относится к матери, которая носила его в себе, кормила грудью и которая, особенно в первые месяцы, является для ребенка объектом абсолютной любви. И действительно, рождение ребенка для матери почти всегда становится настоящей влюбленностью. Все ее интересы, все заботы и тревоги обращены на ребенка. Новое всепоглощающее чувство несовместимо с исключительностью прежней страсти. Еще до того, как появляется эдипов комплекс, на арене семейной жизни возникает комплекс Лая: зависть отца к ребенку, а вернее, к паре мать — ребенок, которая в своем абсолютном единении начинает вытеснять пару, образованную раньше влюбленными. Поэтому рождение ребенка, любовь к этому ребенку скрепляют союз, придают стабильность любви, но убивают влюбленность. Влюбленность, как это ни парадоксально, может продолжать существовать, если какая-нибудь внешняя сила разлучит влюбленных или если ее питает ревность к ребенку, но тогда она становится односторонней, а значит, несчастливой.

Цивилизованный образ жизни не дает проявиться открыто дисгармонии, связанной с рождением ребенка. Обычно мы бываем крайне удивлены, заметив, что другой не обращает на нас внимания, что он не испытывает уже тех порывов страсти и тех неутолимых желаний, которые одолевали его прежде. На самом деле все

в корне изменилось. На смену внутренне неустойчивой структуре — влюбленности — приходит структура, тяготеющая к постоянству. Даже если влюбленность кончается, даже если уходит любовь и двое бывших влюбленных расстаются, коллективная общность продолжает существовать в виде двух пар: мать — ребенок и отец — ребенок.

Глава VIII

«И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни». Так говорится в первой книге Библии — «Бытие». В состоянии зарождения человек вырывает из рук Херувима пламенный меч и входит в Эдемский сад. Но он не может там остаться, не может завести себе там дом и свою землю. *Состояние зарождения* по природе своей имеет временный характер. Это не постоянное состояние, а движение, причем движение в определенном направлении. Влюбленность, если все идет хорошо, заканчивается любовью; коллективное движение рождает новое *установление*. Между влюбленностью и любовью, между состоянием зарождения и установлением существует такая же связь, как и между набиранием высоты, полетом и приземлением, как между парением в небе над облаками и возвращением на твердь земную. Или как между цветком и плодом. Плод рождается из цветка, но плод не есть цветок. И бессмысленно выяснять, что лучше — цветок или плод: для жизни важно и то и другое. Бессмысленно было бы и объединять их, ибо они представляют собой явления разного порядка. Способ чувствовать, думать, жить в *состоянии зарождения* совсем не похож на образ жизни в *состоянии установления*. Речь идет не просто о разном мышлении, а о разных способах мыслить, о различных категориальных системах.

Примеров можно привести сколько угодно. Цели, которые мы ставим себе в повседневной жизни, все, чего мы хотим добиться, мы увязываем с теми средствами, которые имеются в нашем распоряжении. Обычно мы не строим нереальных планов, но зачастую наши желания беспредельны. Если бы к нам явилась сказочная фея и предложила исполнить три наших заветных

желания, мы оказались бы в замешательстве: чего же попросить? Богатства? Избавления от болезней? Только для себя или для наших близких тоже? Вечной молодости? Но опять-таки только для себя или для всех дорогих нам людей? Можно было бы выйти из положения, попросив просто «счастья», но счастье — это слишком абстрактно, проблема состоит именно в том, чтобы выделить три вещи, от которых зависит наше счастье. А влюбленный человек без колебаний решает эту проблему: «Хочу, чтобы она меня любила». И если ему позволено будет загадать еще два желания, добавит: «Хочу, чтобы она всегда меня любила и чтобы я тоже любил ее всегда».

Желания влюбленного вполне определены и имеют четко очерченные границы. Однако, имея перед собой определенную цель, влюбленный не думает о возможностях, которыми располагает. Никто не говорит себе, прежде чем влюбляется: «Раз у меня есть возможность сделать так, чтобы он меня полюбил, значит, я могу в него влюбиться». Сначала человек влюбляется и начинает желать, чтобы другой тоже его полюбил, а уже потом ищет средства, чтобы добиться поставленной цели, заставить другого полюбить себя. Другое отличие влюбленности от повседневной жизни состоит в том, что повседневная жизнь не знает разницы между *жизненно важными потребностями* и *потребностями второстепенными*. В состоянии зарождения эта разница существует: жизненно важно лишь то, что необходимо для возможности быть рядом с любимым и добиться его ответного чувства. Остальное ничего не значит. Можно испытывать наслаждение от вкусной пищи, если она нравится любимому, но без него эта же еда не доставляет никакого удовольствия. Ради встречи с любимым, ради того, чтобы быть с ним рядом, мы готовы совершить самые утомительные поездки, терпеть голод и жажду, нам это совсем не в тягость, наоборот, мы чувствуем себя счастливыми. Все, что в повседневной жизни кажется невыносимым, влюбленные легко преодолевают, даже не замечая трудностей и лишений.

В повседневной действительности царит принцип равноценного обмена. Если я даю тебе что-либо, то в обмен ты должен мне дать нечто равноценное. А в состоянии зарождения действует принцип *коммунистический*: каждый дает по своим способностям и получает по своим потребностям. Никто не считает, сколько он дал и сколько получил. Каждый преподносит другому подарки: то, что ему самому кажется прекрасным, в чем есть частичка его самого, что будет напоминать любимому о нем. Или же то, что нравится другому, то, о чем любимый однажды упомянул или на чем задержал свой взгляд. Подарки часто бывают неожиданными, спонтанными, символизирующими принесение в дар самого себя. Но при этом дарящий не ждет ответного подарка, не рассчитывает, что ему вернут затраченное. Преподнеся подарок, влюбленный бывает полностью удовлетворен, если любимый оценил этот подарок, если он им доволен. Радость любимого человека дороже любого подношения. Влюбленные часто дарят друг другу подарки, но никогда не обмениваются ими. Каждый дает то, что хочет дать, и получает то, что хочет получить. Если начинаются подсчеты: «Я дал тебе то-то и то-то, а ты мне — ничего», — значит, влюбленности грозит смертельная опасность. Если же оба влюбленных стремятся высчитать, кто сколько дал и кто сколько взял, наступает полный крах влюбленности.

Близко к коммунистической морали и понятие *равенства* во влюбленности, причем равенства, вовсе не означающего отсутствия различий. Ведь каждый становится предметом желаний другого именно как уникальная, ни с кем не сравнимая личность. Равенство во влюбленности — это абсолютное равенство в правах. При этом у влюбленных нет заранее оговоренных прав. Следует отметить и характерное для влюбленных равенство во власти. Поскольку исполнение своего желания полностью зависит от другого, каждый получает огромную власть над возлюбленным, можно даже сказать, власть неограниченную. Однако (если только речь не идет об односторонней влюбленности) эта

власть имеет симметричный характер. Каждый попадает в зависимость от любимого человека.

Еще одна характерная черта состояния зарождения — ощущение *правды и собственной аутентичности*. Влюбленность — это поиски более глубокой аутентичности, это желание быть до конца самими собой. Прийти к этому можно только с помощью другого человека, в процессе диалога с этим человеком, во время встреч с ним, когда каждый ждет от другого признания, одобрения, понимания, похвалы, освобождения от тягот прошлого и настоящего. Пересмотр прошлого, о котором мы уже упоминали, делает это прошлое безопасным; рассказывая о своем прошлом другому, влюбленный освобождается от него. Но чтобы избавиться от наваждения прошлых лет, необходимо говорить правду: только правда освобождает. Поэтому каждый влюбленный находит избавление в том, что говорит всю правду до конца, раскрывает себя полностью в диалоге с любимым человеком. В повседневной жизни ничего подобного не происходит. Мы можем рассказать правду о себе постороннему человеку, но это не даст нам равным счетом ничего, ибо у него нет никакой власти над нами. Только рассказывая правду тому, от кого зависит наше счастье, мы можем избавиться от своего прошлого и измениться, чтобы обрести возможность осуществить нашу самую большую мечту. Психоаналитику пациент говорит правду, потому что благодаря трансферу в психоанализе частично воспроизводится процесс, спонтанно происходящий во влюбленности. Но состояние зарождения обладает силой, способной в считанные часы или даже минуты снести все барьеры подсознательного, которые годами не поддавались воздействию психоанализа. Все дело в том, что исчезает страх перед прошлым. Двое влюбленных исповедуются друг другу, и каждый обладает властью освободить другого от грехов прошлого.

Пусть вас не удивляет, что мы так часто прибегаем к религиозной терминологии. Ведь глубинная динамика состояния зарождения до сих пор выражалась только с помощью языка метафизики и религии. Наша ра-

бота в значительной степени заключается в том, чтобы вернуть теологию на землю, чтобы внедрить в человеческие отношения то, что до сих пор было прерогативой божественного. Мы считаем, что исповедь и отпущение грехов — два важнейших компонента состояния зарождения. Влюбленного постоянно интересуют мысли любимого человека. «О чем ты думаешь?» — вот вопрос, который в любой момент готов произвольно сорваться с его уст. На самом деле за этим вопросом кроется другой: «Думаешь обо мне?» Причем просто утвердительный ответ не может удовлетворить влюбленного. Он хочет знать о любимом все: подробности его жизни, его сокровенные мысли, он хочет полного раскрытия сущности другого во всей ее необъятности и всей конкретности, чтобы войти в его жизнь как подлинный объект любви и в то же время как мудрый советник, утешитель, наставник. Поэтому на свой вопрос ему недостаточно простого ответа: «Я думаю о тебе», ему нужно понять реальный, конкретный индивидуальный образ мысли любимого. «О тебе» — это всегда одновременно и отправная точка и пункт назначения. А вот еще одно религиозное выражение: преображение. Один и тот же факт, раньше казавшийся довольно ординарным, незначительным или даже неприятным, рассказанный теперь во время любовного диалога, воспринимается положительно и, преображаясь, меняет свое качество, становится значительным. Так происходит и тогда, когда речь идет о каком-нибудь дефекте, о слабости, страдании, болезни. Влюбленный способен любить даже раны на теле любимой, ее внутренние органы (печень, легкие) и «внутренности» ее души: детство, чувства к матери или отцу, привязанность к кукле и т. п. А ведь влюбленность — это еще и сопротивление любви, стремление уйти от нее, оторваться; следовательно, влюбленные должны рассказывать друг другу об этих желаниях, признаваться в них, совместно преодолевать их и освобождаться от них.

Пойдем дальше. Только предмет нашей любви, в отличие от всех остальных предметов, обладает ценностью сам по себе. Разграничение того, что является цен-

ным само по себе, и того, что само по себе ценностью не обладает, лежит в основе *метафизического мышления*. Поэтому можно утверждать, что в состоянии зарождения мы имеем дело с возникновением метафизического способа мышления. Этот способ мышления требует обозначения четкой границы между тем, что имеет ценность само по себе и, следовательно, является реальностью, и тем, что лишь может произойти. Такая граница проходит через все предметы и явления, в том числе и через нас самих. Вступая в контакт с реальностью, мы сами преобразуемся, становимся носителями абсолютных ценностей и прав. Пока у нас нет этого контакта, мы ничего не хотим, мы — никто. Влюбленность представляет собой процесс, сопровождающийся постоянной сменой явлений, предметов, переживаний, их переходом из одного состояния в другое, постоянными метафизическими превращениями: от возможного к реальному и от реального к возможному.

С одной стороны, следовательно, мы имеем преобразование, а с другой — деградацию. Предположим, у нас есть медальон, который мы хотим подарить любимому человеку. И вот наш подарок принят, он понравился. Любимый человек с ним не расстанется. Наш медальон становится частью его самого, частичкой нашей души в любимом. А теперь представим себе, что мы поссорились и настроение у нас хуже некуда. Но вот мы встречаем своего любимого человека и видим, что он по-прежнему носит наш медальон. И тогда этот подарок приобретает совсем иное значение: он становится плотью от плоти нашего любимого и как бы говорит нам за него: «Я все еще люблю тебя». Предмет воплощает в себе человеческое существо, признающееся нам в любви. А может быть и по-другому: что-то в нас не нравится тому, кого мы любим: какой-нибудь предмет нашей одежды, какой-нибудь наш аксессуар. Любимый человек говорит нам об этом, и названный им предмет мгновенно утрачивает свою ценность. Даже если это была драгоценность, для нас она ничего уже не стоит.

Но пора вернуться к нашим исходным позициям. Описанные нами способы мыслить и чувствовать

(мгновение — вечность, счастье, конечные цели, самоограничение потребностей, равенство, коммунистическая мораль, подлинность и правда, реальное и возможное и т. п.) — постоянные структурные характеристики состояния зарождения. В состоянии зарождения мы думаем, чувствуем, оцениваем все иначе, по-новому. Необычное не является теперь для нас чем-то случайным, идущим от внешнего мира; дело в том, что мы сами изменились и поэтому по-другому начали видеть и небо, и землю, и людей, и окружающую природу. Состояние зарождения — это попытка переделать мир, приведя его в соответствие с новым способом мыслить и жить, попытка сделать реальным в этом мире свой опыт полного единения с любимым человеком и положить конец отчуждению и напрасным страданиям. Это попытка привнести в мир максимум того абсолютного единения, которое мы переживаем при влюбленности. Это поиски возможного, к которому мы движемся от невозможного; желание осуществить рай на земле. Вот почему в начале главы я сказал, что в состоянии зарождения человек вырывает огненный меч из рук Херувима и входит в Эдемский сад. Разумеется, он не обретет там постоянного пристанища, влюбленность не может длиться вечно, необыкновенное всегда соседствует с обыденным и в конце концов превращается в обыденное. И все же влюбленность — это Эдемский сад. Все мы знаем, что он из себя представляет, все побывали в нем, все мы так или иначе его лишились, и для всех нас он вполне узнаваем.

Глава IX

«Любовь сжигает нежные сердца»... «Любовь, любить велящая любимым», — пишет Данте¹. Что кроется за первой из этих фраз? Мы уже видели, что влюбляются те, кто психологически готов влюбиться; влюбленность возникает при наличии определенных предпосылок, после определенной подготовительной фазы, во время которой уже совершаются некоторые попытки влюбиться, происходит «проба сил». Прежде чем влюбиться окончательно, человек пытается, пробует влюбляться несколько раз. Быть расположенным к влюбленности на языке «нового сладостного стиля» означает обладать благородством души*. И в этом есть доля правды, ибо внутреннее напряжение, вызывающее к жизни состояние зарождения, может «разряжаться» по-разному. Одни обращаются к религии, другие идут в политику, третьи влюбляются. Влюбленность в определенной степени обусловлена культурой человека и его душевным настроем. Само слово «влюбленность» является продуктом культуры, результатом развития и проявления жизненного опыта. Древние греки и римляне, безусловно, тоже переживали состояние зарождения в паре, но они никогда не говорили о влюбленности. Исламская культура создала богатейшую любовную лирику, но мы не находим в ней ничего похожего на литературу христианского средневековья, которая так точно обрисовала «знакомый образ» влюбленности. Это стремление души искать выход в состоянии зарождения — «благородство души», по Данте, — может быть подавлено, заторможено другими культурными направлениями, другими идеологиями.

Во второй фразе — «Любовь, любить велящая люби-

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия, «Ад», V, с. 100, 103.

* В переводе Лозинского мы читаем: «нежные сердца». У Данте — буквально — «благородное сердце». — *Прим. перев.*

мым» — содержится двойной смысл. На самом деле первая попытка влюбиться почти всегда кончается неудачей. Но даже когда человек действительно влюбляется, его чувства нередко либо остаются без ответа, либо ответное чувство не бывает столь же сильным. Однако есть здесь и бесспорный момент: два человека, действительно психологически расположенные к влюбленности, встретив друг друга, очень часто на самом деле влюбляются, «узнают» друг друга. Объяснить это явление можно, как мы уже говорили, состоянием зарождения — совершенно особым способом мыслить, воспринимать мир, чувствовать и жить. Люди, оказавшиеся в этой ситуации, в этом состоянии прекрасно понимают друг друга. Несмотря на то что у них могут быть совершенно разные личные истории, их объединяет идентичное отношение к миру. Именно этим объясняется тот факт, что в больших коллективных движениях тысячи людей разных возрастов и различной социальной принадлежности «узнают» друг друга и образуют новую коллективную общность, новое «мы». То же самое происходит и во влюбленности. Состояние зарождения мгновенно рождает *узнавание, понимание* на весьма глубоком интуитивном уровне. Известный средневековый мистик Раймондо Лулло пишет: «Любящий и любимый — две разные реальности, (однако) они образуют союз без каких бы то ни было противоречий и различий по существу»¹. Именно это «существо» и составляет *категориальную структуру состояния зарождения*, порождает особое ощущение таинственной и глубокой духовной близости у самых разных людей. Духовная близость влюбленных не возникает заранее, она формируется во время встречи. Раньше два человека говорили на разных языках, теперь они говорят на одном языке. Состояние зарождения делает одинаковой структуру их мышления, выходящую за пределы их эмпирических личностей. Тот факт, что состояние зарождения имеет единую катего-

¹ R. Lullo. Il libro dell'amante e dell'amato. Reggio Emilia, 1978, p. 57.

риальную структуру, позволяет двум людям, говорящим на разных языках, скажем на французском и немецком (когда каждый едва понимает язык другого), влюбиться друг в друга и преодолеть языковой барьер. В религии это явление называется языковым чудом или полиалией.

Однако в приведенной фразе Данте содержится и нечто большее. В состоянии зарождения один человек способен «заразить» другого своими чувствами и стремлениями. Влюбленный человек всегда делает того, кого он любит, более чувствительным, вызывает в нем эмоциональный подъем. Он пытается увлечь любимого своей любовью. Если другой тоже предрасположен к влюбленности, их встреча превращается во взаимную влюбленность. Но случается и так, что объект влюбленности уже увлечен кем-то, и тогда обращенные к нему лирические излияния могут действительно разбудить в нем любовное чувство, но оно будет обращено на совсем иной объект. Его чувства станут более возвышенными, но они не будут направлены на того, кто их такими сделал.

Наличие всех этих возможных вариантов заставляет нас «поставить вопрос ребром»: одинакова ли сила чувств у влюбленных или один из них может любить сильнее, чем другой? Влюбленность — это внутреннее преобразование индивидуальности, ищущей объект своей любви. Каждая влюбленность начинается с того, что влюбляется один из двоих. Большинство из попыток влюбиться терпит неудачу. В тех же случаях, когда они имеют продолжение, могут возникнуть две ситуации. Ситуация первая: выбор сделан правильно, объект влюбленности, второй человек, тоже психологически готов влюбиться. В результате развивается состояние зарождения и возникает взаимная влюбленность. Но очень часто второму человеку только хочется влюбиться, а возможно, он просто ищет приключений, кроме того, его могут привлекать в первом эротические свойства или интеллект. То есть на самом деле он не влюбляется. Это не значит, что он отвергает любовь первого, возможно, она ему даже приятна. Но он вну-

тренне не меняется, не «входит» в состояние зарождения, он лишь присоединяется к состоянию зарождения другого. Иногда он и сам считает себя влюбленным. Но это не более чем отражение чувств другого: он принимает и ассимилирует символы, которыми пользуется настоящий влюбленный. Когда они вместе, только очень внимательный наблюдатель может заметить, что один из них страстно влюблен, а другой — весьма далек от страсти. Такая диспропорция встречается довольно часто, влюбленности такого рода могут быть очень продолжительными и даже завершаться браком. Постепенно эти двое сильно привязываются друг к другу. Однако, если их любовь сталкивается с серьезными трудностями, например если один из них уже женат (или у него есть дети, или он должен надолго уехать), разница в силе чувств тут же обнаруживается. Тот человек, которого «вовлекли» во влюбленность, может обойтись без другого, но тот, который действительно влюблен, не может жить без возлюбленного. Первый знает, что у него могут быть альтернативные варианты, у второго их быть не может. Поэтому первый вполне хладнокровно ставит свои условия: «Я от тебя не собираюсь уходить, я люблю тебя, решай свои проблемы и возвращайся. Но пока ты их не решишь, не приходи». Человек, вовлеченный во влюбленность, полагает, что другой должен сам улаживать свои проблемы, он не воспринимает их как общие для обоих, его слова нужно понимать так: выкручивайся сам. В обоюдной влюбленности, наоборот, каждый стремится «захватить территорию» другого, считает проблемы другого общими и требующими только совместного решения.

А теперь рассмотрим еще один случай диспропорции в любви. Все люди непохожи друг на друга, между ними существуют значительные различия в способности чувствовать, в интеллекте, в культуре, в степени талантливости. Когда талантливый человек влюбляется, он становится еще талантливее, его воображение активизируется. Он начинает создавать фантастические лабиринты, волшебные города и воспринимает их как реальность. Художники, артисты, ученые живут в вообра-

жаемом мире, созданном ими самими, и, влюбившись, стремятся «переселить» в свой мир любимого человека. Как правило, они наделены большим обаянием, но их любовь может приносить и глубокие разочарования. Большинство людей предпочитает видеть конкретные действия, и поэтому все эти фантазии воспринимаются ими как нечто заумное или даже фальшивое. Появляются противоречия, которые влюбленность не в состоянии разрешить: сложный человек может понять простого, но простой не может понять сложного, ему во всем чудится фальшь и безрассудство. Достоевский понимал девушку, в которую влюбился, путешествуя по Италии, но она совершенно его не понимала. Читая гётевского «Вертера», мы видим, какая пропасть существует между Вертером-Гёте и простодушной Шарлоттой. У Вирджинии Вульф постоянно ощущается одиночество непонятого таланта.

Но не следует забывать, что влюбленность преобразует простых людей и они становятся похожими на поэтов. И действительно, язык состояния зарождения — это язык музыки, религии и поэзии. Тот, кто по-настоящему влюблен, начинает создавать воображаемый поэтический мир. А тот, кто любит меньше, испытывает вполне конкретные земные желания. Но состояние зарождения само по себе — это установление границ возможного, находящегося на стыке с невозможным, а не формальное подтверждение того, что нужно и что можно делать. Именно поэтому тот, кто влюблен в меньшей степени, упрекает того, кто влюблен по-настоящему, в том, что он живет в выдуманном мире, где правит игра и фантазия. В бурном потоке символов, метафор, даров любви человек духовно ограниченный чувствует себя неуютно. В диспропорциональной влюбленности именно тот, кто любит меньше, всегда упрекает другого в черствости, в эгоизме, в пристрастии к пустому фантазированию и в неискренности. А тот, кто действительно влюблен, тысячами разных способов постоянно задает любимому один и тот же вопрос: «Ты меня любишь?» — и проявляет безграничную доброту и щедрость.

Глава X

Мы сказали, что влюбляются те, кто предрасположен к влюбленности, кто психологически готов к ней. Означает ли это, что мы влюбляемся тогда, когда у нас появляется желание влюбиться? И что тот, кто чувствует в себе сильное, неодолимое стремление к большой новой любви, имеет все предпосылки для влюбленности? Нет, стремление к любви и реальная влюбленность не связаны непосредственно между собой. У некоторых это стремление длится годами: они постоянно ищут среди окружающих того единственного человека, которого они могли бы полюбить и который мог бы полюбить их, но так и не встречают его никогда. Они считают, что им не везет, что всему виной окружение, в котором они находятся, либо их слишком большая требовательность. Очень часто им кажется, что они нашли своего единственного человека, в них вспыхивают чувства, желания, потребность вновь и вновь видеть его, но эти ощущения исчезают так же молниеносно, как и появляются. Почти всегда у них складывается впечатление, что человек, которого они встретили, не проявляет к ним настоящего интереса. В результате они «обнаруживают» вокруг себя вакуум и безразличие. Страстно желая быть любимыми, они ждут встречи с человеком, который скажет им «люблю», но никто так и не произносит заветного слова. Им начинает казаться, что их зов никогда уже не будет услышан. Но действительно ли эти люди так жаждут любви? Тут есть в чем усомниться, ибо когда кто-то все же проявляет к ним интерес, они обязательно находят в этом человеке что-нибудь «не то». Они либо находят у него физический недостаток, либо приходят к выводу, что он слишком стар или слишком молод, слишком эмоционален или слишком холоден. На самом же деле они внутренне не готовы к влюбленности, хотя и мечтают о ней. Влюбленность,

которой они жаждут столь страстно, не связывается в их сознании с необходимостью окончательно порвать со своим прошлым, переосмыслить свою жизнь, испытать риск новизны.

Человек не может влюбиться, если он хотя бы частично удовлетворен тем, что имеет, смирился с существующим положением дел. Влюбленность рождается из депрессивно-стрессового состояния, из невозможности найти какие бы то ни было ценности в повседневной жизни. «Симптом» готовности влюбиться — это не осознанное стремление к любви и не страстное желание сделать богаче и разнообразнее свою жизнь, а острое ощущение неудовлетворенности самим собой, тоска по настоящим жизненным ценностям и чувство стыда за убогость своего существования. Вот это-то и есть первый признак расположенности к тому, чтобы влюбиться: ощущение собственной никчемности и стыд за эту никчемность. Поэтому чаще всего влюбляются в юности: молодые крайне не уверены в себе, не уверены в том, что представляют из себя нечто значительное, очень часто стыдятся самих себя. Но то же самое можно сказать и о некоторых других возрастных этапах нашей жизни, когда мы утрачиваем что-то важное в себе — обычно это случается на исходе молодости или в преддверии старости. В это время мы нередко теряем какую-то часть самих себя, перестаем быть личностями, деградируем по сравнению с тем, чем мы были раньше. Нас заставляет влюбляться не тоска по любви, а уверенность в том, что если мы станем тем, чем мы неотвратно становимся, то нам уже нечего будет терять; мы не видим перспективы в будущем. Только в такой ситуации в нас возникает готовность воспринять новое, идти на риск, поставить на карту все. Те, кто хоть в какой-то мере испытывают удовлетворение от своей жизни, не способны на такого рода готовность.

Какие же еще существуют признаки или симптомы психологической готовности влюбиться? Иногда все начинается с серьезного, глубокого разочарования в себе или в том, что мы раньше любили. Толчком к разочарованию может стать тяжелая болезнь, равнодушие

окружающих, не отреагировавших на нашу беду, или целая серия обид, на которых мы раньше не заостряли внимания. И тогда мы впадаем в пессимизм, замыкаемся в себе. Потом, оглядевшись вокруг, начинаем замечать, что другие счастливы. Вот вам уже и первый сигнал. Обычно мы не реагируем слишком страстно и заинтересованно на чужое счастье, но когда мы предрасположены к влюбленности, мы начинаем почти болезненно относиться к чужому счастью, завидовать ему. Возможно, слово «зависть» выбрано нами не очень удачно, речь ведь идет скорее об ощущении своей собственной ущербности, непричастности к миру сильных чувств и настоящих радостей. Эти сильные чувства и настоящие радости, которые мы фиксируем, глядя на других, на самом деле являются нашими собственными чувствами и вновь обретенной нами способностью жить насыщенной жизнью. Но на этой стадии мы воспринимаем их не как свои, а как чужие. Существование, в результате, становится более насыщенным, но в то же время и более трагичным, ибо мы чувствуем себя лишенными возможности жить настоящей полноценной жизнью, которую постигаем и узнаем вопреки своему желанию через жизнь других людей — счастливых. В этой ситуации нам остается только долг и отречение: только воспринимая свой повседневный долг как императив, не подлежащий обсуждению, можно сохранить свое «я», «отравленное» горечью неудовлетворенности. Поэтому склонность к влюбленности выражается не в желании влюбиться, а в осознании того, в чем заключается полнота жизни и счастье, в осознании своей ущербности, когда мучительно завидуешь чужому счастью.

В серой повседневной действительности, где мы обременены множеством обязанностей, где мы ощущаем себя «несуществующим кавалером» Кальвино, нас нередко одолевают предчувствия. Это может быть предчувствие близкой гибели, ощущение неотвратимо надвигающейся катастрофы. Предчувствие несчастья, рожденное в мозгу человека, воспринимается им как объективная данность; он ждет гибели мира, он испы-

тывает смутный страх, и в то же время его «несет» навстречу этому страху. Когда такой человек утомлен и перевозбужден, ему кажется, что над ним тяготеет власть рока, что вот-вот должно случиться нечто грандиозное и страшное, в такие моменты даже его речь становится возвышенной. Но это только краткий миг, а потом все возвращается на свои места. Иногда в голове его вдруг неожиданно начинает звучать новая мелодия или появляется потребность сочинять стихи, и он рассказывает об этом кому-нибудь из своих знакомых, надеясь на понимание и отклик. У некоторых людей появляется склонность к видениям или фантазиям: либо мрачным, либо ярким, восторженным. Все это эпизодические и неосознанные проявления необычного душевного состояния, сигналы, говорящие о том, что началось преодоление собственного «я», того «я», которое в данный момент ничего не стоит, в то время как существует некое другое «я», приходящее извне и ждущее, чтобы ему дали возможность проявиться и получить признание.

Влюбленность — это не стремление заполучить любовь красивого и интересного человека, это переделка социальной среды, это переосмысление мира. На этапе «подготовки» к влюбленности новый мир начинает проявляться то как социальная перспектива (счастье), то как временная перспектива (что-то произойдет). Этот мир еще не проявляет себя на уровне бытия, но уже происходит иерархизация, уже выделяется то, что имеет значение и ценность, из множества предметов и явлений, никакой ценности не имеющих, появляется ощущение собственной обездоленности и предчувствие надвигающегося важного события. Поэтому тот, кому влюбленность нужна, чтобы сделать более ярким свое существование, чтобы привнести в него что-то необычное, влюбиться не может. Только тот, кто находится на грани потери всего, приближается к заветной двери, отделяющей реальное от возможного. Таково правило, действующее в любом состоянии зарождения, а значит, и во всяком коллективном движении. На этой стадии может еще не быть «ответа» от друго-

го человека, то есть дело не обязательно должно кончиться влюбленностью. Если субъект, который психологически расположен к переходу в новое состояние, находится внутри социальной системы, готовой вот-вот породить новое коллективное движение, он скорее всего включится в это движение. Он не влюбится в какого-нибудь человека, а присоединится к группе, находящейся в состоянии зарождения.

Значит, нельзя влюбиться только потому, что очень сильно этого хочешь. А можно ли, если очень захотеть, влюбиться в себя другого человека? Можно. Ибо всегда есть кто-то, кто психологически готов влюбиться, кто готов поставить на карту все и не раздумывая броситься навстречу грядущей новой жизни. Такому человеку всегда можно внушить, что все, к чему он стремится, возможно и что перед ним как раз тот, кто подарит ему свободу и подлинную радость жизни; особенно если он появится в самый благоприятный момент, продемонстрирует свою способность все понять, ободрить в трудную минуту, разделить все будущие опасности, защитить в сложных ситуациях, быть рядом всегда и везде. Того, кто стремится к обновлению, кто этого ждет, любой человек может заставить влюбиться в себя, если сумеет помочь услышать заветный голос, зовущий его по имени и говорящий, что его время наступило. Если этот человек еще и скажет ему, что увидел в нем свою судьбу, которая запечатлена на его лице, на его руках, на всем, что он делает, то результат предрешен: жаждущий обновления обязательно влюбится. Но все это может быть проделано и с целью обмана. Обманщиком становится тот, кто стремится влюбиться в себя другого, не будучи сам влюбленным в него. Об этом типе людей мы уже говорили раньше, с помощью влюбленности они страстно хотят украсить свою повседневную жизнь. Они ищут взаимности и, боясь навсегда остаться в одиночестве, могут, постоянно «соблазняя» кого-то, добиться взаимности от человека, испытывающего внутреннюю потребность отдать другому свои чувства. Целью «соблазнителя»

может быть и стремление добиться успеха или власти. Любовь дает нам огромную власть над любящим нас человеком, и эта безмерная власть может тешить наше тщеславие, делая другого рабом, всегда готовым выполнить любую нашу прихоть, любое желание. Есть и такие люди, которые влюбляют в себя кого-то ради денег или других практических целей. Что же происходит потом, когда влюбленность уже «состоялась» и когда один любит, а другой не любит совсем, ибо на самом деле никогда и не любил? Это самый жестокий вариант односторонней любви, которую обман делает еще более трагичной. Однако в большинстве случаев такой обман разоблачается.

Влюбленность состоит из множества испытаний, и тот, кто влюбил в себя другого (либо потому, что сам хотел влюбиться, либо потому, что хотел иметь рядом преданного человека и полностью подчинить его себе), очень быстро устает от этих бесконечных испытаний. И даже от постоянной необходимости отвечать на один и тот же вопрос: «Ты любишь меня?» — задаваемый самыми разными способами; вопрос, на который «обманщик» не в состоянии ответить. Как бы то ни было, с помощью испытаний обман бывает разоблачен. Но это несколько не уменьшает невыносимой боли, которую при этом испытывает тот, кто действительно был влюблен, не избавляет его от чувства невозможной потери. Надо сказать, однако, что чем бесхитростнее, безыскуснее, грубее был обман, тем менее тяжкими бывают его последствия. Страдания сменяются уверенностью в том, что в действительности ничего не произошло: «Он никогда меня не любил, на самом деле между нами не было настоящей любви, а значит, и вообще ничего не было». Боль исчезает, как любая иллюзия. И хотя не всегда удается отличить одну ситуацию от другой, мы не должны путать этот тип отношений с той влюбленностью, в которой один любит больше, а другой меньше, но считает, что и он тоже влюблен. В этом случае отказ от любви всег-

да сопровождается сомнениями, теми самыми сомнениями, которые во влюбленности порождают дилемму. Мы еще вернемся к этой ситуации, последствия которой бывают особенно страшны: страстно любящий человек расплачивается за свою любовь омертвлением чувств.

Глава XI

Когда мы влюбляемся в человека, становится ли он в наших глазах совершенством? И да, и нет. Да — потому что мы находим в нем то, к чему стремились. Нет — потому что мы не принимаем его целиком, защищаем от него свою индивидуальность, а порой даже вступаем с ним в борьбу. Иногда мы находим в его словах откровение и как бы обретаем в них истину, к которой никогда не смогли бы прийти сами; перед нами открывается новый неведомый мир. Но так происходит далеко не всегда; нередко мы бываем не согласны с любимым человеком, долго объясняем ему нашу точку зрения, стараясь убедить его в своей правоте. Никто из двоих влюбленных не может быть сверхидеалом в глазах другого, никто не может быть обладателем абсолютной истины. Но каждый помогает другому прийти к истине, а истина воспринимается влюбленными как нечто бесспорно существующее и вполне достижимое. Когда любимый человек, делая какое-нибудь замечание, открывает нам то, о чем мы никогда не знали и даже не подозревали, он как бы распахивает перед нами окно, из которого сам смотрит на мир. У него, так же как и у нас, есть свое видение мира. Это не просто мнение или точка зрения, как говорят на языке повседневной жизни, это именно «окно в мир». Он совсем по-другому видит то, что мы сами имели возможность наблюдать, не задерживая на этом внимания и не вникая в суть. Мы оба смотрим на одну и ту же действительность, на одну и ту же истину, большей частью нами не познанную, но тем не менее вполне достигаемую, познаваемую. Влюбленность как раз и отличается от повседневности своей уверенностью в том, что истина достижима и что для любой проблемы, даже для той, урегулировать которую пока не удалось, существует какое-то решение. Как уже говорилось, ни один из двоих влюбленных не может быть совершенным, непогрешив-

мым, никто не является абсолютom в глазах другого. Но их встреча и умение каждого взглянуть на вещи с позиции другого максимально обостряют способность видеть и понимать. Поэтому групповое сознание в состоянии зарождения — неважно, идет ли речь о паре или о более многочисленной группе — не является совершенным, оно лишь выходит на путь, ведущий к совершенству, лишь приближается к нему, заглядывая в «тайну бытия». А так как для влюбленного весь мир заключается в одном-единственном человеке, то он открывает для себя истину именно с помощью этого человека; при этом любимый человек не является ни носителем, ни хранителем истины, он — та «дверь» (то открытая, то полуоткрытая, то запертая), которая ведет к истине.

Степень приближения к истине не зависит от уровня интеллекта, от талантливости любимого человека. Порой нас может натолкнуть на новую мысль какая-нибудь его слабость или неискушенность. Некоторые замечания, суждения, оценки в других обстоятельствах мы никогда не стали бы принимать во внимание; мы непременно бы посчитали их поверхностными, наивными или просто ошибочными. Когда же такие замечания делает любимый человек, они поначалу тоже воспринимаются нами именно так, но потом мы снова задумываемся над ними и находим в них рациональное зерно. Как правило, в перспективе (если исходить именно из перспективы) они оказываются верными. И это вполне объяснимо. Ибо субъективный взгляд любимого человека обладает в наших глазах определенной ценностью, благодаря чему мы начинаем понимать, что мир может быть еще и «таким». Именно этим путем приходим мы к глубокому взаимопониманию, о котором мы уже говорили: каждый получает от другого признание своих личных субъективных устремлений и обретает уверенность, что их ни с чем не сравнимая уникальность будет оценена должным образом. Во влюбленности «особенное» приобретает значение «уникального»; то, что видит другой, имеет такое же значение, как и то, что вижу я. И это ведет не к скептицизму, а к уверенности:

взгляд каждого отражает наше бытие и обогащает наше знание о нем, а разные взгляды влюбленных не только не исключают друг друга, но сливаются воедино.

Такое взаимодействие двух сознаний, характерное для влюбленности, продолжает существовать и в любви, что-то утрачивая, а что-то и приобретая. Возьмем в качестве примера супругов, имеющих ребенка-«дауна». Они знают, что их ребенок отстает от других в интеллектуальном развитии, что он не сможет учиться в школе и делать то, что делают другие дети, но от этого любят его не меньше. Просто они подходят к нему с другими мерками. Если бы они использовали в своем отношении к нему общепринятые критерии, они постоянно ощущали бы его ущербность, неполноценность, он стал бы для них существом низшего порядка. Их любовь превратилась бы в жалость, в суррогат любви. Но они испытывают к нему совсем иные чувства: они понимают и ценят своеобразие его видения мира. Когда он пугается, выражает удивление или восхищение тем, в чем другие, «нормальные», дети не видят ничего особенного, родители стараются «войти» в его мироощущение и, глядя на мир его глазами, открывают для себя первозданные черты этого мира. Оказывается, еще можно удивляться тому, на что мы уже давно разучились смотреть удивленными глазами! Взгляд ребенка — это непредвзятое отношение к миру, которого нет у других людей или которое они утратили. Любовь родителей защищает этот необычный взгляд на мир.

Следовательно, влюбленность открывает ценность субъективного взгляда на бытие, а любовь стремится сохранить такое субъективное видение мира. Но не теряем ли мы при этом способность объективно оценивать действительность? Ни в коем случае. Родителям понятны испуг или удивление их ребенка, хотя сами они не испытывают ни страха, ни удивления. Ибо они обладают определенным знанием и, несмотря на это знание, не презирают, а любят своего ребенка.

Сравнительный анализ этих двух состояний (влюбленности и любви) может помочь решить и чисто ре-

лигиозную проблему, множество раз встававшую и в исламе, и в христианстве. Может ли бессмертный и всевидящий Бог любить человека, который смертен и обречен совершать бесконечные ошибки? С точки зрения влюбленности ответ может быть только отрицательным. Ни один из влюбленных не может допустить, чтобы другой, любимый, был бы «ниже», чем он сам; он может быть только «выше», ибо открывает путь познания истины. Поэтому «бог» не может влюбиться в человека, который стоит несоизмеримо ниже его. Тем не менее, влюбленность дает возможность «субъективному» обрести собственную ценность, а любовь сохраняет эту тенденцию как доминирующую. В любви каждый знает слабости другого, но понимает, прощает, а иногда даже находит возможным восхищаться этими качествами любимого. Он ценит их, например, тогда, когда они являются выражением душевной щедрости, избытка чувств, всего того, что в повседневной жизни может привести порой к неприятностям, но что в системе подлинных ценностей является добродетелью. Отсюда следует, что Бог может любить человека (особенно добродетельного, бескорыстного).

Этот краткий экскурс в религиозно-теологическую тематику понадобился нам для того, чтобы еще раз подчеркнуть: следует различать влюбленность и любовь, признавая, однако, что у них немало точек соприкосновения и нити, связывающие их, делают любовь продолжением влюбленности.

Глава XII

Считается, что людям пристало влюбляться в юности, в молодости, а зрелый мужчина, замужняя женщина, серьезный политик или священнослужитель не должны быть подвержены этому состоянию. Бытует мнение, что влюбленность больше подходит актерам и людям искусства, которые сохраняют в своей душе что-то от легкомыслия и безрассудства юности. Да и не только влюбленность, но и политический фанатизм, религиозный экстаз, способность очертя голову кинуться в какую-нибудь авантюру — все это принято относить к свойствам молодости; так же, как и быструю смену настроений, частые переходы от воодушевления к отчаянию и снова к воодушевлению. Мистические и политические кризисы, неприятие лицемерия, царящего в мире, утверждение идеалов абсолютной справедливости, вера в победу добра, горькое разочарование, отчаяние — почти все эти черты *состояния зарождения* мы можем найти в юности. Юность — такая пора жизни, когда человек особенно часто оказывается в состоянии зарождения. Это и понятно: происходит переход от детства, от детских отношений с родителями к сложному миру взрослых. Если исходить из предпосылки, что состояние зарождения призвано разъединять единое и соединять существовавшее врозь, приходится согласиться с тем, что эти процессы встречаются чаще всего в юности. Юность разобщает нас с семьей, с миром прежних ценностей, с детскими эмоциями и надеждами и соединяет не только с другими людьми, которых нам суждено полюбить, но и с партиями, группами, с политикой, наукой. Поэтому юность — такой возраст, в котором мы постоянно расстаемся с прошлым и возрождаемся к новой жизни, постоянно экспериментируем на границе возможного. В юности мы очень быстро встречаемся, влюбляемся и расстаемся, пребывая

в непрерывном круговороте восторгов и разочарований.

Но когда говорят, что влюбляться пристало только в юности и в молодости, а не в другом, более зрелом возрасте, то, как правило, не ограничиваются простой констатацией факта. Обычно добавляют, что последнее неприемлемо, нехорошо, что этого не должно быть. Если же это все-таки происходит, если влюбляется мужчина в зрелом возрасте, если мать семейства теряет голову от любви, принято говорить, что они ведут себя «как дети». Они делают нечто такое, чего не следует делать в их возрасте, в положении людей, обремененных определенными обязанностями. То, что позволительно в юности — то есть отрыв от семьи, — в зрелом возрасте не допускается. Поступать «как дети» для тех, кто уже вышел из юношеского возраста, в действительности означает только одно: оторваться от существующего порядка вещей, от которого нельзя отрываться. В юности это допустимо, позволительно, даже нужно, в другом возрасте — нет. Ребенок не может и не должен навсегда сохранять детские отношения с матерью и отцом, всю жизнь играть в игрушки. Взрослый уже «прибыл в пункт назначения», достиг определенного статуса, определенного «положения», он уже «на месте» и должен оставаться там, куда «прибыл». А состояние зарождения ломает прочно сложившиеся устои. Чтобы создать другие, альтернативные общности, оно заставляет покидать привычные места, увлекает за собой. В состоянии зарождения мы как бы умираем и рождаемся снова. И о какой бы его форме ни шла речь — о влюбленности, о религиозной группе или о группе политической, — пока оно имеет дело с «мальчишками», к нему относятся спокойно, но как только его «заложником» оказывается взрослый, оно начинает вызывать страх. И тогда срабатывает первый «контрольный» механизм, объявляющий это состояние неприемлемым, дискредитирующим, называющий его «мальчишеством».

Любое установление испытывает ужас перед состоянием зарождения, которое с точки зрения установ-

ления всегда непредсказуемо и иным быть не может. Дело в том, что логика состояния зарождения отличается от логики повседневной жизни, и поэтому ее трудно понять. Состояние зарождения ведет войну с установлениями под знаменем их собственных ценностей, обвиняя их в лицемерии и фанатизме. Оно вызывает ужас тем, что пересматривает прошлое и отменяет все прежние связи и договоры. Перед лицом даже самого слабого состояния зарождения установление теряет уверенность в будущем. Восстанавливая событие, из которого возникло установление, и выявляя в чистом виде те источники, которые его питают, состояние зарождения создает для него смертельно опасную ситуацию, подрывая его основы. И тогда все социальные механизмы, все премудрости традиций начинают преследовать одну-единственную цель: «погасить» состояние зарождения, не дать ему развиваться. Если попытка уничтожить состояние зарождения не удастся, общество старается заставить его принять традиционные и признанные формы — обручение, развод *de facto*, развод *de jure*, любовная связь, кровная месть, брак, то есть разные «формы возврата» к состоянию установления. Но такой возврат происходит позднее. Сначала все пути к урегулированию кажутся невозможными. Влюбленность не признают даже как собственно влюбленность. Общество всегда старается сделать все, чтобы нежелательное для него событие не произошло. И первое, что оно предпринимает — объявляет происшедшее «вне закона», обличая его с помощью категорий повседневной жизни. Оно пытается таким образом заставить влюбленных признать, что их влюбленности как бы и вовсе не существует, вынуждает их выдавать себя за тех, кем они на самом деле не являются. И если влюбленные не идут на это, установление объявляет их чувства безумием, бессмысленной авантюрой. Чувства влюбленных подвергаются осмеянию. Взрослый человек, влюбившийся в молоденькую девушку, выглядит нелепо, смешно. Особенно нелепо выглядят его слезы, потому что плакать свойственно детям, тем, кто слаб, а не тем, кто имеет определенный статус и занимает определен-

ное положение в обществе. Вокруг влюбленного человека создается двусмысленная атмосфера намеков, намешек. С точки зрения общества он совершает несерьезные поступки, он потерял здравомыслие. То, что для влюбленного драма, главное событие его жизни, даже для самых близких его друзей — легкомыслие и глупость, детская выходка. «Не будь ребенком», — говорят они ему. Психолог делает вывод: инфантильное поведение, вызванное депрессией. Появляется и другое, диаметрально противоположное суждение: причины происходящего лежат в области чистой сексуальности, причем сексуальности подавленной; всплеск сексуальности — вот в чем причина. Влюбленность сводится к сексуальным мотивам, ведь для сексуальности не требуется уникального, исключительного объекта, поэтому она не вызывает такого страха. Когда же потом оказывается, что все гораздо серьезнее и глубже, «сценической площадкой» овладевает социально-культурная традиция, заявляющая, что влюбленный — маньяк, который видит в любимом абсолютное совершенство, не замечая очевидных недостатков и изъянов. На самом деле отношения влюбленных — это процесс, состоящий из обретений и утрат. Любимый человек одновременно и верный, и непостоянный; и единственный в своем роде, и непохожий на нас; существо эмпирическое и в то же время идеальное.

Эта же социально-культурная традиция уверенно заявляет, что влюбленность не может быть взаимной. «Бедняжка не понимает, — твердят подружки или родители, — что он бросит ее так же, как бросил другую». Если же влюбленность все-таки оказывается взаимной, немедленно возникает новая инсинуация: влюбленные неразлучны, живут только друг для друга, отгородившись от всего мира, для них не существует ничего, кроме их любви, они замкнулись в своем эгоизме. На самом же деле любовь — это радостное приятие мира, наполненного красотой и счастьем; это души, распахнутые навстречу людям, которых влюбленные стремятся воспринять как своих друзей. Влюбленных

сначала обвиняют в том, что они заняты только друг другом, а потом без всякой логики начинают обвинять в обратном; в том, что они на самом деле вовсе не влюблены друг в друга, а поддались собственному капризу, мимолетному увлечению, романтическим фантазиям и т.д.

Повседневная традиция все время стремится навязать свои дилеммы: ты любишь навсегда или вообще не любишь; любимый человек — совершенство или такой же как все; мы навсегда вместе или навсегда расстаемся. Давая подобные определения и ставя ультиматумы перед влюбленными, традиция заставляет их оценивать себя с чуждых им позиций, навязывает им нелепые и алогичные выводы. Возникает этическая драма. Влюбленность — это акт освобождения. Освобождения, которое делает нас не только независимыми от всяких связей, но и дает нам право не зависеть от решений, принимавшихся в прошлом нами самими или кем бы то ни было другим. На самом деле в состоянии зарождения не происходит полного отрицания прошлого, оно отрицается лишь для того, чтобы можно было «подняться» над ним и создать новый синтез. Более того, многое из прошлого приобретает новое значение. И вот тут-то традиция установления категорически заявляет: обязательство всегда остается обязательством, а договор — договором; договор нельзя нарушать ради собственной прихоти. Но дело в том, что влюбленность — не прихоть, это открытие в заключенном ранее договоре двух смыслов: одного, полностью основанного на нашей воле, и другого, имеющего непроизвольную, спонтанную природу. «Ты будешь любить этого человека и не покинешь его ни в радости, ни в горе?» — вопрошает договор. Соглашаясь, каждый берет на себя обязательство любить другого, помогать ему. Но нельзя взять обязательство «быть влюбленным, любить страстно, самозабвенно». Влюбленный отвергает этот двойной смысл договора и говорит: «Я буду выполнять данные мной обещания, но никто не может обязать меня испытывать те или иные чувства. Верность самому себе важнее общепринятой морали,

и поэтому я не могу лгать. Когда я заключал договор, я не обещал лгать». Следовательно, влюбленный нарушает договор, сохраняя верность принципам, лежащим, по идее, в основе самого договора, верность высшим ценностям, которыми должен руководствоваться каждый человек. Конфликт неизбежно поднимается на новую ступень и смещается в сторону окончательного решения. Всегда наступает момент, когда вопрос ставится так: или все, или ничего; или жизнь, или смерть.

Человек приходит к влюбленности из мира незыблемых правил, проторенных путей и общепринятых запретов. Его жизнь в этом мире привычно скользит по накатанной дороге. Он совершает какие-то действия, но сам до конца не понимает, почему он их совершает. Он утратил аутентичность воли. Он совершает тот или иной поступок, потому что этого требуют от него другие, потому что существуют правила и долг. Но чем дальше, тем труднее становится ему выполнять долг. Влюбившись и претерпев определенную трансформацию, он начинает замечать, что лгал самому себе, лгал другим, что на протяжении всей своей жизни постоянно занимался фальсификацией действительности. Установление требует, чтобы он продолжал делать это и дальше, ибо для установления важна внешняя сторона поведения человека. Говоря языком теологии, а точнее, языком протестантской религии, установление интересуют действия и поступки, а не вера. Но в состоянии зарождения даже самые элементарные действия не имеют никакой цены, выглядят фальшивыми и лицемерными, если тот, кто их совершает, не испытывает искренней, идущей из глубины души потребности в этом. А для установления наличие или отсутствие такой потребности не имеет значения, для него важны поступки, факты, конкретные предметы; оно относится к чувствам и духовным ценностям, как к вещам. Покинутые жены, мужья, любовники хотят одного: чтобы он или она оставались с ними. Они прекрасно знают, что не могут требовать влюбленности или страстной любви. Поэтому они просят: «Откажись от другого и останься со мной». Они хотят постоянно-

го присутствия любимого человека, хотят, чтобы он был рядом и отказался от новой любви. Их не волнуют его боль и его отчаяние. «Пусть он будет несчастным, пусть плачет по ночам, только пусть не уходит от меня, будет рядом». По сути дела, они не думают ни о его чувствах, ни о его счастье, он интересует их как вещь. Это и есть «овеществление», по Гегелю, или «превращение в товар», по Марксу.

Именно с таким установлением имеет дело состояние зарождения — страшным, бесчеловечным, хотя само установление этого не осознает. Ведь оно тоже возникает из состояния зарождения. Далее мы увидим, как любовь, договор, брак появляются из влюбленности. В один прекрасный день состояние зарождения уступает место состоянию установления. В момент перехода установление заявляет, что будет полностью следовать заповедям влюбленности. Церковная месса воспроизводит мученический подвиг Христа. И катехизис учит: все, что происходит в церкви, совершается реально. Но человек, присутствующий на мессе, может переживать или не переживать происходящее как реально совершающееся действие. Религиозный человек в полной мере «включается» в церковный обряд; рассеянный человек на это не способен, потому что думает о другом; человек, который не верит, смотрит на мессу как на спектакль. Месса, возникшая в период состояния зарождения религии как воссоздание мученической судьбы Христа (а она возвращается к своему первоначальному назначению в те периоды, когда состояние зарождения активизируется), став установлением, прекрасно обходится без участия людей. Все торжества, все празднества, все договоры и все установления рождаются и возрождаются в коллективных движениях, в которых действуют конкретные люди. Но став установлениями, они перестают нуждаться в одобрении людей, перестают нуждаться и в самих людях. Установление, если оно постоянно не обновляется состоянием зарождения, становится бесчеловечным, превращает людей в вещи. Именно с такой стадией установления вступает в поединок состояние зарождения. Последнее несет в себе правду

об установлении (а влюбленность — правду о любви), оно вскрывает его фальшь и разоблачает его стремление получить власть над другим. А поскольку установление не может разглядеть в состоянии зарождения его, зарождения, правды — мимолетной, ускользающей, не имеющей еще окончательных очертаний, — оно видит в нем только фантазию, безумие, смуту.

Глава XIII

Как же происходит переход от влюбленности к любви? Прежде всего влюбленность должна пройти через целый ряд испытаний. Этим испытаниям мы отчасти подвергаем себя сами, отчасти нам навязывают их внешние обстоятельства или любимый человек. Некоторые из этих испытаний оказываются решающими. Если их удастся преодолеть, влюбленность переходит в стабильную фазу повседневности, то есть в то состояние, которое мы зовем любовью. Если же влюбленные не выдерживают испытаний, итог их отношений оказывается иным: отказ от любви, «омертвление» души, исчезновение влюбленности.

Но как бы ни развивались события, испытания, как правило, забываются. Если влюбленность переходит в любовь, мы вспоминаем о них как о чем-то мимолетном, почти забавном. Со временем нам начинает казаться, что переход к любви происходил постепенно, по мере того как повседневная жизнь заполнялась будничными делами и заботами о любимом человеке. Нам кажется, что любовный экстаз плавно перешел в любовь и преданность любимому. На самом же деле спокойствие и стабильность — всегда результат драматических перипетий, имеющих непредсказуемый характер.

Мы забываем об этих испытаниях и в том случае, когда влюбленность не получает продолжения, то есть когда влюбленные (или один из них) не справляются с возникшими перед ними препятствиями. В этой ситуации мы забываем о самих испытаниях и твердим только о том, что другой не любил нас по-настоящему или не любил нас вовсе.

Иными словами, если влюбленные выдержали испытания, они проецируют на прошлое непрерывность своей теперешней любви. Если же они не выдержали

испытаний, то на прошлое проецируется непрерывность сегодняшнего отсутствия любви.

На самом деле влюбленность — это следующие одно за другим испытания. И прежде всего это те испытания, которые мы устраиваем сами себе. Испытания *на подлинность*. Влюбленные всегда сопротивляются своей любви, они боятся попасть в полную зависимость от другого. Поэтому они, хотя и жаждут встречи с любимым, стремятся в то же время освободиться от него. Нередко в минуты счастья мы говорим себе: «Я достиг всего, о чем мечтал, теперь я могу отказаться от своей любви и вернуться в прежнюю жизнь, унеся с собой только воспоминания; я добился того, чего хотел, и могу поставить на этом точку». Достичь апогея счастья и отказаться от него — не более чем фантазия «сытых». В какой-то мере нам удастся принять окончательное решение расстаться только потому, что мы считаем данную встречу последней. Таким образом мы подвергаем себя испытанию, ибо, расставшись, мы обнаруживаем, что прежние желания возвращаются: мы продолжаем любить и страдать и нам опять нужна еще одна, «последняя» встреча. В итоге «последняя» встреча становится новым «стартом», подтверждает необходимость начать все заново. Каждый раз мы снова влюбляемся в этого же человека и он предстает перед нами как единственный в своем роде подлинный объект эроса. Мы как бы боремся сами против себя и отступаем перед собой. Но неизбежность отступления не исключает борьбы, причем борьбы вполне реальной. Мы решили расстаться и расстаемся на самом деле, и этот факт оказывает вполне реальное влияние на любимого нами человека, который понимает, что мы хотим его оставить. Таким образом, он тоже подвергается испытанию, и поэтому стремление расстаться может стать обоюдным. И тогда наступает период длительной разлуки; в этот период мы можем совершить поступки, которые потом станут для другого причиной ревности или доказательством того, что мы его не любим.

Чтобы оправдать свой уход от любимого человека,

мы ищем доводы, обосновывающие такое решение. И стараемся найти их в поведении другого: «Его любовь — не настоящая, он любит меня не так сильно, как я его, и поэтому мне ясно, что он не будет любить меня в будущем». Но за всем этим стоит лишь одно: страх, что, самозабвенно отдавшись чувству любви, мы окажемся лишенными всякой гарантии на взаимность. Сам факт, что любовь другого представляется нам «благодатью», которой мы не заслуживаем, вселяет в нас опасение, что мы лишимся этой «благодати» именно в тот момент, когда она будет нам особенно необходима и когда мы не в состоянии будем без нее обходиться. Поэтому мы пытаемся отказаться от любви или стараемся превратить ее в уверенность, в гарантию взаимности. Мы ищем в действиях другого доказательств взаимной любви, анализируем их с точки зрения наличия в них признаков ответного чувства: «Он нуждается во мне так же, как и я в нем?» Именно с этой позиции пытаемся мы «расшифровать» поведение другого, чтобы понять, что за ним стоит в данный момент и каким оно может стать в будущем. Прежде чем начать гадать на ромашке — «любит — не любит», — мы пытаемся найти ответ на наш вопрос в поведении любимого человека: «Если он сделает так, значит... а если иначе, значит...» В самых простых поступках, таких, как пришел ли наш любимый заранее или опоздал, посмотрел ли он или не посмотрел на другого человека, ищем мы потаенный смысл. Но этот смысл никогда не бывает ясен до конца. Любимый человек может прибежать, запыхавшись, на свидание с большим опозданием, однако истолковать это можно по-разному. «1 — он забыл обо мне, 2 — пришел, несмотря на все трудности, и, значит, его опоздание свидетельствует о том, что он выдержал очередное испытание». А с другой стороны, даже если испытание дало отрицательный результат, нам достаточно бывает одной оправдательной фразы любимого, одного ласкового взгляда или жеста, чтобы навсегда забыть об этом и вновь поверить ему. Его искренность, если она настоящая, тоже может служить доказательством любви.

Я назвал бы этот тип испытаний *испытаниями на подлинность чувств*. Мы устраиваем их не для того, чтобы вызвать ту или иную поведенческую реакцию: этим испытаниям мы подвергаем себя сами, чтобы узнать, любимы или нет, то есть чтобы проверить подлинность своих чувств. Но есть и иной тип испытаний, направленных только на любимого, с их помощью мы пытаемся его изменить, заставить делать то, чего он при других обстоятельствах никогда не сделал бы. Речь идет об *испытаниях на взаимность*. Влюбившись, мы «перестраиваем» ради любимого человека все свои прежние чувства, свою работу, всю свою жизнь. Хотеть вместе того, чего хочет каждый из двоих в отдельности, означает изменить себя, отказаться от прежних желаний, от того, чему раньше придавалось большое значение. Мы ни в коем случае не можем установить, что переносить в нашу новую любовь, а от чего отказываться, это выясняется в процессе взаимного узнавания. Каждый хочет «включить» в свою любовь как можно больше от самого себя и создает *проект*, обычно не совпадающий с проектом другого. От другого каждый требует признания своего проекта. Когда я спрашиваю: «Ты любишь меня?», это означает: «Ты согласен принять мой проект таким, каков он есть?», а если другой спрашивает: «А ты меня любишь?», он хочет этим сказать: «А мой проект примешь?» Фраза «Я люблю тебя» означает: «Я изменю свой проект, признаю твою правоту, приму твои требования, откажусь от некоторых своих желаний и буду хотеть того же, чего хочешь ты». Но если я снова спрашиваю: «Любишь ли ты?» — я на самом деле хочу сказать: «А что ты изменяешь в себе, от чего отказываешься?» Поэтому моя фраза «Ты меня любишь?» — всегда означает, что я прошу тебя выполнить какое-нибудь мое желание и отказаться от какого-нибудь твоего желания. Она означает, что я прошу тебя принять меня со всем грузом моих конкретных проблем, со всеми моими предрассудками. Проект, который каждый делает для себя, предусматривает участие в нем другого; он замышляется как модель жизни, рассчитанная и на другого тоже: он нацеливает нас на то,

к чему нам следует стремиться вместе. Но есть многое, чего нельзя хотеть вместе, что несовместимо. От не существенного, конечно, можно легко отказаться; решение проблем, связанных с другими, зачастую можно отложить. Однако есть и нечто принципиально важное. Поиски общих стремлений и желаний заставляют постоянно переделывать проекты, постоянно искать новые пути. И постоянно наталкиваться на то, от чего нельзя отказываться, ибо в противном случае сама любовь теряет всякий смысл. В наших бесконечно перекраиваемых жизненных проектах это «принципиально важное «нечто» всегда является нам в виде неразрешимых проблем, с которыми влюбленный должен считаться, которые он должен как бы сделать своими, включить их целиком в свой жизненный проект, ибо иначе этот проект не сможет вместить другого человека со всем многообразием его личной жизни. «Любимый говорит, что любит меня, а на самом деле в его воображаемом мире для меня нет конкретного места. Самое важное вот в чем: моя личность требует, чтобы ее признали и приняли. А он ее не ценит, хочет, чтобы я от нее отказалась, чтобы приспособилась к его образу жизни, потеряв самое себя, ощущение своей новизны и неповторимости, своей жизненной силы. Например, он говорит мне, что любит меня, но при этом не допускает меня в свою жизнь, не посвящает в проблемы, связанные с его работой, не берет с собой в поездки, то есть хочет, чтобы я довольствовалась ролью любовницы, с которой он встречается время от времени, молчаливой любовницы, всегда пребывающей в тени. Он в любом случае остается самим собой, не подвергает риску свои прежние отношения, полностью их сохраняет. Я же должна быть только его тайным убежищем, вся моя жизнь превращается в ожидание его прихода, а он появляется тогда, когда хочет, ни в чем не меняя своих правил и привычек. Но оказывается, что для меня это неприемлемо, что я не могу с этим смириться. Другая женщина могла бы согласиться на такую жизнь... И сама я в прошлом тоже соглашалась, но теперь — нет. Теперь

я хочу жить полноценной жизнью. И тогда я, обращаясь к нему, спрашиваю: «Могу я поехать с тобой?» Этот вопрос и есть испытание. Если он ответит «нет», значит, он снова обрекает меня на ту прежнюю жизнь, которая стала для меня невыносимой».

С другой стороны, мужчина сталкивается с симметрично-противоположной проблемой. Система существующих отношений построена на хрупком, но защищенном и отрегулированном равновесии. От резкого толчка она может взорваться. Влюбленному нужно время, чтобы не спеша перестроить свою жизнь, поменять работу, уладить свои имущественные отношения с некоторыми людьми, найти другие способы заботы о детях. Новая любовь дает ему силы перестроить свое существование, делает его мужественнее, увереннее в себе. Влюбленный находит в себе силы изменить самого себя и окружающую действительность. И вот он перешел на новую работу, поменял место жительства и свои привычки, начал выяснять отношения с теми, с кем ему предстоит расстаться; еще немного, и он будет совершенно свободен и готов к новой жизни, но чтобы окончательно прийти к этому, ему нужна уверенность, нужна любовь. От него же требуют решительных действий, немедленного разрыва с прошлым, хотят, чтобы он без всяких предосторожностей ринулся в новую жизнь, рискуя лишиться всего, что он любит и что намерен преобразовать вокруг своего нового жизненного стержня — своей новой любви. Но если он потеряет все, то лишится и этого стержня. Он будет приходить на свидания опустошенный, страдающий от комплексов, тоски по прошлому и от чувства собственной вины. Его личность уже сформирована, и он не может полностью отказаться от ее «составляющих», не перестав быть самим собой.

Каждый влюбленный сталкивается в характере другого с качествами, которые нельзя изменить: каждый требует от другого отказаться от существенной части его личности, именно той, которую любовь сделала значительной и важной. Каждый требует от другого отказаться от того, что делает его способным лю-

бить; по сути дела, каждый влюбленный требует, чтобы другой разрушил свою личностную сущность, стал бесчеловечным.

В Библии Бог подвергает Авраама испытанию на бесчеловечность. Авраам должен принести в жертву того, кого он больше всех любит,— своего старшего сына Исаака. Вот она — страшная дилемма: нужно выбирать между любовью к Богу и любовью к сыну и от этого никуда не уйти. Переход от влюбленности к любви всегда предполагает, что мы полюбим того, кто толкает нас на нарушение человеческих норм. При переходе от влюбленности к любви каждый подвергает другого испытанию, которое дало бы возможность убедиться в истинности любви. Испытание (на взаимность) — это борьба, в которой каждый требует от другого полной и безоговорочной капитуляции, отказа от своей личностной сущности. Это борьба двух любящих друг друга, и борьба не на жизнь, а на смерть. Стереотипные образы любви не должны вводить нас в заблуждение. Тот, кто подвергается испытанию, сопротивляется до самого последнего момента. А тот, кто испытывает любимого человека, делает это со всей решимостью, заранее определив для себя, что навсегда лишит своей любви не выдержавшего испытания. Каждый хочет, чтобы его любили, несмотря на собственную жестокость и нежелание говорить «да». Каждый хочет любви другого, несмотря на страшные испытания, которым он его подвергает и которые делает условием своего положительного ответа. Правда, испытаниям всегда подвергаются оба влюбленных. Бог подвергает испытанию Авраама, но и Авраам тоже подвергает испытанию Бога. Действительно, если бы Авраам на самом деле убил сына, как отразилось бы это на Боге? Он перестал бы быть божеством любви и превратился бы в жестокое, кровожадное божество.

Решение этой проблемы заключается в том, что требуемая жертва так и не приносится, она становится чеком, который подписан, но по которому не заплачено. Авраам готов убить своего сына, но Бог не принимает жертвы. Оба выдержали испытание. Оба столкнулись

с препятствием и признали его непреодолимым. Любовь становится возможной только тогда, когда мы поймем, что причина невозможности изменить другого заключается в нашей собственной ограниченности.

Если проблема решается таким путем, заключается *договор*. Каждый знает, что другой не потребует от него невозможного. Эта обретенная в муках уверенность составляет основу взаимного доверия — *установление взаимности*. Я знаю, что люблю и не могу не любить, знаю, что мои возможности ограничены, и иначе быть не может, и я понимаю эту ситуацию.

Таким образом, любовь возникает вокруг определенного *установления*, вокруг *договора*. А последний в свою очередь возникает тогда, когда человек признает ограниченность своих возможностей и вынужден согласиться с реальным существованием невозможного. Любовные отношения всегда предполагают наличие альтернативы тому, против чего мы выступали раньше. Этот процесс происходит не единожды, он возобновляется несколько раз и каждый раз начинается с отчаяния и кончается договором. Вновь достигнутая стабильность становится отправной точкой для переустройства повседневной жизни.

Не существует специальных норм, позволяющих определить, перешла ли влюбленность в любовь или нет, разрешима данная дилемма или нет. Жизненные установки могут быть настолько различными, что любой компромисс становится невозможным. Каждый требует бесчеловечного поведения от другого; но если он добивается своего, то теряет любимого человека, а если не добивается, то теряет его все равно. Трагический исход тем более вероятен, чем значительнее различия в менталитете влюбленных, чем больше потрясений они испытывают, потрясений, вызванных радикальными переменами в их жизни, пересмотром многих проблем. Наиболее сильная влюбленность — это та, которая ставит на карту самое важное, самое ценное, самое существенное в жизни. Влюбленность — это революция: чем сложнее, разветвленное и богаче нервная организация влюбленного, тем страшнее потрясение,

тем труднее, опаснее и рискованнее для него процесс влюбленности. Нередко один из влюбленных обладает огромным богатством чувств, а другой — неограниченными возможностями к самоизменению благодаря почти полному отсутствию ограничивающих его связей. Речь идет о довольно распространенной ситуации, когда один из влюбленных женат, а другой — нет, один находится в зрелом возрасте, а другой молод, один связан политическими или религиозными обязательствами, а другой совершенно свободен. У того, кто имеет больше ограничений и обязательств, кто несет с собой большой груз прошлого и поэтому должен в большей степени изменить себя, влюбленность бывает особенно драматичной. Но другой любит его именно за сложность натуры, что придает особый смысл его стремлению изменить себя, спроектировать новую жизнь. Однако драматизм чрезвычайно затрудняет переход влюбленности в стабильную любовь, в спокойную и длительную совместную жизнь. Гораздо вероятнее появление любви тогда, когда два человека находятся в более сбалансированной ситуации, когда у каждого из них немного обязательств (как это бывает в молодости или в юности) или когда многие обязательства уже «расторгнуты». Но, как это ни парадоксально, тогда и влюбленность будет менее сильной, ибо ее революционный заряд окажется минимальным; иногда же вообще почти ничего не приходится революционизировать. В этом влюбленность почти полностью повторяет коллективные движения. Есть коллективные движения, до основания потрясающие социальную систему, раздирающие ее жестокими войнами, но не приводящие к возникновению новой, более устойчивой власти. А есть и другие движения, в самый короткий срок завершающиеся взятием власти. Протестантская Реформация была глубоким социальным движением, захватившим всю Европу, но никакого взятия Бастилии или Зимнего дворца не произошло. Влюбленность тоже может оставить неизгладимый след в жизни одной или двух личностей, глубоко потрясти их, но не

привести к любви. А с другой стороны, любовь может возникнуть и без драматических потрясений, из самой безмятежной встречи, из стремления быть вместе, из быстрого перехода желаний каждого в общие желания и быстрого заключения договора, превращающего любовь в установление.

Влюбленность, как и всякое состояние зарождения, это эксперимент на границе возможного, попытка вообразимого утвердиться в существующем. Чем сложнее задача, чем длиннее путь, тем менее вероятен положительный исход. История влюбленности в подобных случаях чаще всего ограничивается историей этого пути и его перипетий, историей, полной безрезультатной борьбы, так и не приведшей влюбленных к желанной гавани.

Глава XIV

Влюбленность обычно не знает ревности. Во влюбленности мы открываем нечто такое, что оказывается для нас важнее всего: мы открываем в любимом человеке его индивидуальность, нам дороги все особенности его бытия. Никто из нас не считает себя самым красивым или самым умным человеком в мире. Ни одно из наших достоинств, если к нему подходить с общепринятыми мерками, не ставит нас выше других. Применив к себе любой из оценочных критериев повседневной жизни, мы не обнаружим в себе ничего выдающегося. И все же мы ценим себя, ибо чувствуем, что на самом деле *представляем собой неповторимую уникальную личность*. Во влюбленности эта уникальность получает признание. Любимый человек любит в нас именно эту нашу неповторимость. Обычно мы обнаруживаем в любимом человеке нечто только ему одному присущее (это может быть складка у рта, особый запах духов, которые он употребляет, форма рук, взгляд, характерная одежда, вещи, которые он любит, книги, которые читает), он тоже находит в нас нечто такое, что символизирует нашу уникальность, исключительность. Именно это делает нас счастливыми. Если наш возлюбленный отдает предпочтение интересным путешествиям или, наоборот, оседлому образу жизни, склонен к созерцанию или разговорчивости, мы тоже стараемся разделить его симпатии. Ревность прерывает этот процесс, выворачивает его наизнанку. Ревнует тот, кто замечает (прав он бывает при этом или нет, для нас неважно), что любимый им человек находит в ком-то другом достоинства, аналогичные тем, которые «ревнивец» ценит сам. Ревность появляется и тогда, когда мы обнаруживаем, что человек, которого мы любим, увлечен, очарован чем-то таким, чего у нас нет, но чем обладает кто-то другой. Никто никогда не ревнует к вещи, к животному, к профессии, ревнуют только к другому

человеку. К тому, кто, как нам кажется, навсегда очаровал нашего любимого. Мы начинаем ревновать, когда выясняется, что исполнение желаний нашего любимого зависит от чего-то такого, чем обладает другой человек и чего у нас нет, что именно у этого другого, а не у нас есть те качества, которые ценит наш любимый. Увлечение любимого человека тем, чего нет у меня, обесценивает меня самого, лишает всех моих достоинств. Влюбленность подвергается нападению извне, попадает во власть чуждых ей сил, уничтожающих ее ценностные критерии, а значит, и саму влюбленность как двусторонний процесс. Поэтому в двусторонней влюбленности нет места ревности, ибо для нее не существует ничего, что могло бы извне привлекать одного из влюбленных. Внешний мир полон случайностей, а случайное не может превалировать над сущим, эфемерное не может брать верх над укоренившимся в жизни. Случайное проникает в наши отношения в виде сомнений, в виде незначительных разногласий, углубляющихся в моменты разлада, но главное — в виде оправдания нашего желания порвать с любимым человеком. «Не стоит и пытаться что-то исправить, он мечтает о другом, а я не могу ему этого дать». Обычно такие сомнения быстро разрешаются с помощью взаимных усилий. В состоянии зарождения не может быть никакой ценности, возникающей извне, которая была бы выше ценностей любимого или любимой. В двусторонней влюбленности интересы любимого человека, его взгляды, его манера общения с людьми, его успехи становятся теми качествами, за которые мы его любим и которые в наших глазах являются доказательствами его значимости, искренности, душевной чистоты, его аутентичности. Когда же действия любимого человека, его способ общения, его успехи превращаются в препятствие для восприятия другого образа жизни или свидетельствуют о наличии принципиально иной жизненной модели, тогда эти действия приобретают в наших глазах негативное значение. Однако и тут не возникает никакой ревности. Просто нам становится грустно, потому что нами

пренебрегают, и наши надежды не сбываются, потому что мы не уверены в своем будущем и вынуждены менять себя. Но все это говорит о том, что мы переживаем период испытаний, а вовсе не о том, что мы ревнуем.

Если к влюбленности примешивается ревность, значит, один из двоих не хочет влюбляться или вообще не любит. Появление ревности — свидетельство того, что мы боимся любви, не верим в нее, что мы не хотим полностью погружаться в состояние зарождения. На самом деле наш любимый вовсе не потерял голову из-за кого-то другого или других: другие не имеют над ним никакой власти. Эта власть нам почудилась из-за нашей неуверенности в себе, из-за неверия в ценность своей индивидуальности. Это мы, а не он, проводим параллели с внешним миром, мы, а не он, используем в качестве ценностных критериев случайные факты, в действительности никакой ценностью не обладающие. Встречаются люди, настолько неуверенные в себе, настолько «битые» жизнью, что они уже не в состоянии поверить в неповторимость и значительность своей личности. Хотя они и попадают во власть бурных эмоций состояния зарождения, но не верят, что сами могут стать предметом таких же чувств, им кажется, что благодать любви может быть направлена только на других людей. Ревнуя, они фактически только за другими признают те достоинства, которые не могут признать за собой.

Но существует еще и односторонняя любовь, когда один действительно любит, а второй не любит вовсе. Последний может всерьез увлечься кем-нибудь другим, чем-то таким, чего нет у влюбленного в него человека. Тем не менее, даже в этом случае влюбленный поначалу не испытывает ревности. Состояние зарождения мешает ему поверить, что кто-то другой может вызывать восхищение у его возлюбленного; внешний мир остается для него второстепенным, несущественным. Он чувствует, что любимый человек увлечен чем-то недостойным внимания, что он стремится не к тому, к чему следует стремиться. Но так как речь идет о том, что в его

глазах не имеет никакой ценности, он не придает большого значения увлечениям любимого человека и пытается не заострять на них своего внимания, до тех пор, пока со всей очевидностью не встанет единственно важный для влюбленного вопрос: любит меня любимый человек или не любит? Если мой возлюбленный увлечен всерьез, если тот, кто его увлек, необходим ему, если он предпочитает его, а не меня, значит, он меня не любит. Возможно, он ко мне привязан, испытывает нежные чувства, его привлекает мой интеллект (или тело), но меня он не любит. Состояние зарождения еще не утратило силы: влюбленный не сомневается в подлинности своих чувств и, следовательно, не сомневается в себе самом, но он не уверен в чувствах другого и должен сделать выбор: продолжать ли ему любить этого человека без надежды на взаимность или постараться разлюбить его, уйти, несмотря на свою к нему любовь. Итак, влюбленный должен пройти через мучительный период терзаний, которого не миновать любому человеку, теряющему объект своей любви, иначе говоря, он должен пройти через психологическое самоубийство. Сначала он пытается бороться, хочет вновь завоевать любимого человека, пуская в ход все свое обаяние, все «чары», на которые он только способен, окружая любимого заботой и постоянно демонстрируя ему свою преданность, проявляя максимальную гибкость, но когда он все-таки поймет, что другой его не любит, ему остается только прибегнуть к крайнему средству — к разрыву. У него еще хватает сил «связать себе руки», тянущиеся к любимому, «ослепить свои глаза», ищущие любимого повсюду. Он вынужден искать в любимом человеке изъяны, которые помогли бы ему избавиться от влюбленности, вынужден пересматривать свое прошлое, окрашивая ненавистью все свои воспоминания. Эта ненависть — не что иное, как попытка разрушить прошлое, но она бессильна. Прошлое уже превратилось в «так было», и оно не подвластно ничьей воле. Как только влюбленный решается на разрыв, неумная энергия состояния зарождения угасает. Ему приходится разрушить основы былых духовных ценностей,

уничтожить надежду. Отныне у него нет больше желаний, его «я» утратило свою онтологическую природу, оказалось вновь отброшенным в мир преходящего и суетного, ничто больше не обладает для него истинной ценностью, подлинным смыслом. В своих поступках он может теперь лишь копировать других, их повседневные действия, воспроизводя только то, что видит, повторяя давно известное, испытывая лишь привычные чувства, произнося слова, лишённые всякого содержания: идет процесс «омертвления души». Единственно подлинное, глубокое чувство, которое у него остается,— это ностальгия по утраченному прошлому. Спасаясь от этой ностальгии, он вынужден бороться со своим прошлым. Культивировать в себе злобу и ненависть. Он узнал, что такое добро, что такое наполненное смыслом бытие, поэтому он воспринимал небытие как самое большое зло. Теперь же он должен ориентировать себя на то, что *злом является бытие* — бытие, отвергнувшее его любовь, бытие, сосредоточившее в себе все силы зла.

И, наконец, последняя проблема. Какая из двух ситуаций наиболее болезненно воспринимается человеком: если его возлюбленный говорит, что влюблен в другого, или если ему никто всерьез не нравится, но он все-таки предпочитает других? Конечно же — вторая. Мы не должны забывать, что категориальная структура состояния зарождения всегда одна и та же, даже если предметом любви является кто-то третий. Влюбленный инстинктивно солидаризуется с другим влюбленным даже в том случае, когда этот последний предпочитает ему кого-то другого. В глубине души он понимает состояние, в котором находится его возлюбленный, и, как бы ни было ему больно, с уважением относится к его чувствам. Его собственная влюбленность помогает понять другого влюбленного, отнестись к нему с симпатией, искренне желать ему счастья. Потеря возлюбленного воспринимается им как онтологическая необходимость. Он знает, что это зависит не от чьей-нибудь злой воли. В такой ситуации влюбленному мо-

жет прийти в голову мысль покончить с собой, чтобы освободить себя самого и своего возлюбленного от неразрешимых проблем. Если у него есть близкие люди, которых он любит, он остается жить ради них. Не имея возможности добиться чего-то для себя лично, он постарается отдать все, что он получил от жизни, своим близким. В этот период он еще питается через край энергией состояния зарождения и, страдая от тоски по невозможному, сохраняет огромный жертвенный потенциал. Он желает счастья своему возлюбленному и уходит, чтобы не мешать ему быть счастливым; хочет счастья своим близким и делает для них все, что может. Неуемные силы состояния зарождения позволяют ему совершить последний героический поступок: *подарить свою жизнь и свои надежды другим людям*. После чего бьющая через край энергия исчезает и наступает «омертвление».

А теперь рассмотрим второй случай, когда любимый человек неожиданно заявляет: «Я предпочитаю заниматься любовью не с тобой, а с первым встречным». При этом удар наносится по самим основам любви и по самой системе жизненных ценностей влюбленного, наступает беспредельное отчаяние, ибо то, что было свято, отвергается, а то, что не имеет никакой цены, превозносится. Из двух противостоящих друг другу миров — мира подлинных ценностей, мира сущего и мира условного, внешнего, — объект влюбленности выбирает второй, нанося любящему смертельное оскорбление. Оскверняя основы любви, он совершает самое страшное святотатство. Для любви не может быть худшего конца, чем такой, ибо после мучительной фазы омертвления чувств и погружения в ненависть не остается даже ностальгии по любимому когда-то человеку: живо лишь воспоминание о поруганной любви к тому, кто никогда не был ее достоин.

Чем больше дистанция между двумя влюбленными, чем сильнее разница в их образе жизни и привычках, тем вероятнее появление ревности и обиды. Но иногда ревность возникает тогда, когда сама влюбленность создает препятствие, которое ни один из влюбленных

не может преодолеть. Например, в гомосексуальной любви. Природа гомосексуальной влюбленности абсолютно идентична природе влюбленности гетеросексуальной; в ней действуют те же самые категории состояния зарождения. Читая какое-нибудь любовное послание, нельзя определить, написано ли оно гомосексуальным или гетеросексуальным влюбленным.

Тем не менее для гомосексуальной влюбленности переход к состоянию установления, то есть к любви, связан с определенными трудностями. С одной стороны, гомосексуалисты сталкиваются с враждебным отношением к себе общества, с невозможностью быть признанными этической традицией, со всеобщим презрением. Гетеросексуальная влюбленность — общепризнанная разновидность человеческих отношений. Культурная традиция предусматривает, по крайней мере в некоторых случаях, промежуточные формы установления, которые «подстраховывают» переход к любви, например, помолвку. Ничего подобного не наблюдается в гомосексуальных отношениях, которые подвергаются всеобщему остракизму и нередко расцениваются как просто животная сексуальность. Влияние традиционных этических норм настолько велико, что даже сами гомосексуалисты стыдятся говорить о своей влюбленности и часто позволяют себе непристойности, используя их как защитный механизм. Однако основная проблема гомосексуальной влюбленности, заставляющая страдать влюбленных и нередко приводящая к появлению ревности, заключается в том, что такая влюбленность не может перейти в стабильную любовь, венчающуюся рождением ребенка. Рождение ребенка исключается а priori. Каждый из двоих влюбленных может завести себе ребенка с другим человеком, принадлежащим к противоположному полу. Гомосексуалист всегда чувствует эту потенциальную опасность и поэтому заранее ревнует своего партнера. Не нужно забывать, что гомосексуальные отношения, особенно у молодых людей, редко бывают продолжительными. Гомосексуалист, влюбленный в юношу, чувствует, что его возлюбленный

в один прекрасный день может завести любовные отношения с женщиной и, что самое главное, захотеть иметь ребенка, то есть иметь то, чего он сам ему дать не может. Итак, этические нормы, потенциальная возможность ухода одного из гомосексуальной пары к женщине, невозможность завести ребенка — все это определяет тенденцию гомосексуальной влюбленности сохранять свою специфику: чаще всего такого рода влюбленность не в состоянии бывает перейти в стабильную, длительную любовь. Поэтому на ней всегда лежит печать тревоги и грусти, что в определенных ситуациях становится источником вдохновения для людей искусства.

Глава XV

Многие люди считают себя влюбленными, тогда как на самом деле они вовсе не влюблены. Один человек может испытывать к кому-то сильное эротическое влечение, постоянно думать об объекте своей страсти, с удовольствием проводить с ним время, но рано или поздно этот интерес угасает, наступает пресыщение. Другой может сильно увлечься человеком, пользующимся большим успехом у окружающих, и именно поэтому сделать его своим кумиром. Ему льстит внимание кумира, а главное — нравится, что его предпочитают остальным, это вызывает чувство опьянения, которое он и принимает за любовь. Иногда причиной появления «ложной» влюбленности становится пережитое разочарование: любовь, отравленная ненавистью и постоянными разговорами, толкает на поиски новой влюбленности. В других случаях человеком может руководить жажда власти, успеха, желание стать предметом восхищения и зависти, и тогда он делает ставку на богатого и наделенного властью возлюбленного. Зачастую причиной ложной влюбленности может стать стремление изменить свое скучное и однообразное существование. В особенно благоприятной ситуации для возникновения такой «влюбленности» находятся отпускники. Во время отпуска жизнь выходит из привычного русла, становится эмоционально насыщенной, располагает к всплескам чувств, которые, однако, не могут возобновляться за пределами определенного временного периода и определенного пространства. Когда мы, вернувшись в повседневную жизнь, вновь встречаемся с человеком, вызывавшим в нас столь сильное восхищение и даже обожание во время отпуска, он кажется нам совершенно неинтересным, бесцветным. Влюбленность — это революционный переворот в структуре повседневной жизни, а не отдых от нее. Предметом «ложной» влюбленности не-

редко становится человек, приехавший издалека и ненадолго. Так как заранее известно, что он должен уехать (ситуация, аналогичная «отпускной»), в него можно влюбиться на «время», предвидя невозможность продолжения возникших отношений. Можно было бы и дальше приводить подобные примеры. Но они нужны нам только для того, чтобы объяснить, почему некоторые люди так легко «выходят» из состояния влюбленности. Все дело в том, что на самом деле они никогда и не были влюблены. Просто они использовали язык страстной любви, то есть язык состояния зарождения, для придания насыщенности и остроты своим ощущениям. Такого рода «влюбленности» имеют столько же общего с настоящей влюбленностью, сколько праздники с революциями. Праздник вызывает особый эмоциональный подъем, преобразует нашу будничную жизнь, пренебрегает повседневными нормами, дает нам возможность участвовать в удивительных, из ряда вон выходящих событиях. Но он в корне отличается от революции, ибо ни в коей мере не затрагивает социальные структуры. Все, что для революции составляет огромный риск, в празднике заранее предусматривается, просчитывается. И начало, и конец праздника программируются заранее, он организуется по определенным правилам, не выходящим за пределы существующих установлений. Праздник основан на предполагаемых обстоятельствах, на неких «если бы», которые перестают действовать, как только кончается сам праздник. Вот почему нам нередко приходится слышать от разных людей рассказы о том, что они были влюблены в одного, а потом в другого, третьего, что они влюбляются каждый месяц, каждый год. В действительности же влюбленность, как и всякое радикальное преобразование, возникает крайне редко, а может и вообще никогда не возникнуть.

Многозначностью слова «любовь» объясняются и такие довольно распространенные случаи влюбленности, когда один любит сильнее, чем другой. Один любит по-настоящему, то есть действительно находится в состоянии зарождения, а другой бросается в лю-

бовную авантюру, движимый эротическим влечением, восхищением, ненавистью, разочарованием, соображениями престижа, ревностью, желанием красиво провести отпуск и т.п. при полном отсутствии предпосылок для возникновения влюбленности. Кроме того, как мы уже говорили раньше, состояние зарождения обладает способностью передавать свой эмоциональный накал и свой язык окружающим. Иначе говоря, влюбленный человек сообщает свой язык другому и увлекает его за собой в состояние зарождения, поддерживая тем самым в последнем иллюзию настоящей влюбленности. И поскольку сам влюбленный ведет себя непосредственно и бесхитростно, он склонен в поведении другого тоже видеть лишь естественность и искренность. Если другой согласен участвовать в этой игре, он поддерживает тем самым заблуждения влюбленного. Достаточно проявить немного нежности, слегка притвориться. Ведь убедить того, кто действительно влюблен, не составляет особого труда! Именно потому, что лжевлюбленный не совершает спонтанных действий, а контролирует свое поведение, полностью владея ситуацией, ему удастся использовать с выгодой для себя все слабости, неопытность, наивность того, кто его любит. Он смотрит на влюбленного в него человека не восторженным взором любви, а холодными и ясными глазами здравомыслящего обывателя. Все порывы страсти, приступы отчаяния, постоянное желание слышать уверения в любви и в то же время проявления жесткой требовательности представляются лжевлюбленному детскими капризами, свидетельством недостаточной зрелости. В душевных кризисах влюбленного он видит истерию, в мучающей его неразрешимой дилемме — неспособность принимать решения, слабость характера.

Если же тот, кто любит, обладает творческими способностями, его духовный мир, в котором бытие постоянно преобразуется в фантазии, в символы, в поэзию, кажется лжевлюбленному чем-то искусственным, он видит в нем проявление мании величия. Проще говоря, тот, кто не любит, считает, что влюбленный

в него человек непостоянен, не уверен в себе, нетерпелив, легковверен, склонен к преувеличениям и в глубине души неискренен. Если он действительно любит, пусть расскажет о своих планах прямо, без утайки, отбросит все сомнения и дилеммы, признает, что все они — не больше чем вредные фантазии. В результате лжелюбленный раздражается, сердится на того, кто любит, требует, чтобы тот сделал свой выбор раз и навсегда и не терял времени на болтовню. В то же время сам он скрывает свои подлинные мысли, свои сомнения и ведет себя так, будто верит, что любящий его человек образумится. Но в один прекрасный день, сочтя, что их общение становится слишком тягостным или приобретает слишком драматический характер, начинает искать предлог для ссоры, выдвигая обвинения в невнимании и в непонимании. В конце концов он заявляет, что дальше так продолжаться не может, ибо он чувствует, что его не любят, и поэтому решил искать другого человека, который сможет полюбить его «по-настоящему». Такова наиболее распространенная схема «охлаждения» влюбленности.

Но бывают и другие ситуации: например, влюбленность на самом деле начинает становиться обоюдной. В этом случае разлюбить может тот, кто в одиночку выработал свой жизненный проект и подверг своего возлюбленного испытаниям, расценив его требования по отношению к себе тоже как испытания. А поскольку один сооружает вокруг себя «стену молчания», другой обычно не сразу понимает значение происходящего. Под «стеной молчания» я имею в виду не только втайне составленные жизненные планы, скрытые сомнения и невысказанные мысли, но прежде всего утаенное чувство отчаяния, возникшее в тот момент, когда отношения подошли к критической точке, стали необратимыми. Если влюбленный замечает, что любимый им человек подошел к этой критической отметке, он, как правило; останавливается сам. Но некоторые люди считают проявление чувств слабостью, боясь оказаться в зависимости от влюбленного в них человека. Они не хотят признаться, что у них тревожно на душе, что они

доведены до отчаяния. Дойдя до критической отметки, такие люди все равно ничего не говорят, не объясняют, ни о чем не просят, ничем не выдают своего состояния. Поэтому влюбленные не понимают, что происходит с их возлюбленными, да и как же можно это понять? Является ли эта недоверчивость, этот страх перед проявлением чувств свидетельством того, что человек «не вошел» в состояние зарождения? Конечно, его боязнь отдаться на волю эмоций и желание иметь все возможные гарантии несовместимы с состоянием зарождения. Но ведь всегда нужно учитывать своеобразие личного опыта человека, пережитые им разочарования, принимать во внимание неблагоприятные внешние обстоятельства. Мы все стараемся защитить себя от влюбленности, а в данном случае речь идет просто о более настойчивой защите. Тем не менее испытание оказывается достаточно болезненным, хотя проводится честно и со всей искренностью. Если оно оканчивается отрицательным результатом, наступает «омертвление души», ненависть, ностальгия. Однако эта ситуация не имеет ничего общего с описанной в предыдущей главе. В данном случае речь идет о человеке, который все же продолжает любить. Каждый раз, когда он чувствует себя опустошенным, он может услышать голос любимого, прочесть его письмо, обратиться с просьбой, которую тот, несмотря на все свои страдания, всегда готов исполнить. Иными словами, человек, разочаровавшийся в любви, всегда может облегчить свою боль, сделав шаг назад. Конечно, он мучается одиночеством, но ему все-таки легче переносить это одиночество, зная, что другой по-прежнему влюблен в него. Даже когда сам он уже не любит, окончательно разуверившись в любви, ему все еще доставляет удовольствие знать, что его любят, что он имеет власть над любящим, которого он нередко унижает, избавляясь таким образом от своего прошлого и психологически подготавливая себя к восприятию новых впечатлений, новых знакомств и даже новой любви. Итак, разочаровавшись, он все же черпает силы в любви другого (любви искренней, глубокой и все более и более безнадежной),

что помогает ему окончательно обрести уверенность в себе и преодолеть свою былую зависимость. По сути дела, это и есть действительное «охлаждение». Попытка порвать с любовью удалась, принятое решение разойтись — выполнено. Разрыв с возлюбленным происходит в его присутствии и тогда, когда тот еще продолжает любить. Покинутый и беззащитный, он не сопротивляется: у него огромные запасы терпения. Когда же наконец он понимает, что разрыв все-таки произошел и что ему остается только самоустраниться, для него наступает самое страшное — «смерть души». Разлюбивший же получает полную свободу.

Глава XVI

Влюбленность, увлекающая нас в мир необычайного, может превратиться и в обыденность. Вспомним, что она несет с собой потребность единения, слияния и в то же время обособления, индивидуализации; влюбленные стараются найти то, что является самым важным для обоих, но два разных индивидуальных проекта могут противоречить друг другу. Влюбленность черпает свои силы в энергии напряжения, которая возникает между различными индивидами, стремящимися слиться воедино. Она заставляет их изменять себя именно потому, что двое разных людей хотят достичь максимального самовыражения, осуществить свои самые заветные желания и сделать это непременно вместе. Во встрече-столкновении индивидуальных проектов один из влюбленных стремится порой осуществить свои старые мечты, которые он когда-то уже пытался воплотить в жизнь, но потерпел неудачу. Поэтому у него могут возродиться старые тревоги, начать действовать старые защитные механизмы, появиться прежние опасения, а отсюда — желание принять все меры предосторожности. Влюбленный хочет, чтобы тот, кого он избрал, был не похож на него, потому что его привлекает именно эта непохожесть, помогающая ему проникнуть в иной образ жизни. Вместе с тем каждый влюбленный старается ограничить индивидуальные порывы своего возлюбленного, чтобы чувствовать себя более уверенно. Бурная жизненная энергия пугает его: с одной стороны, он тянется к ней, с другой — хотел бы ее обуздать. Каждому влюбленному объект его любви всегда кажется обладателем огромной жизненной силы, способным вести его по тому пути, который поможет стать тем, кем он всегда мечтал стать. Любимый человек — это олицетворение свободной силы, непредсказуемой, полиморфной. Его можно сравнить с чудесным диким зверем, поражающим своей редкой красо-

той и силой. «Благодать», о которой мы говорили, — это чудо, заключающееся в том, что столь необыкновенное существо проявляет к нам нежность и любит нас. И вот, в процессе «испытаний», призванных привести влюбленных к стабильной любви, один из них (тот, кто слабее) начинает вынуждать другого к бесконечным маленьким уступкам, чтобы сделать его более покладистым, более надежным, и другой со временем смиряется. У него много друзей, но он перестает с ними встречаться, ему нравится путешествовать, но он становится домоседом, он любит свою профессию, но теперь уделяет ей мало внимания, ибо это мешает проводить время с любимым. Влюбленный постепенно избавляется от всего, что может вызвать негативную реакцию любимого. Влюбленный уступает охотно, изменяет свое поведение по доброй воле, потому что хочет, чтобы любимый видел его именно таким, о котором мечтал. Мало-помалу «испытываемый» становится *«ручным»*, всегда готовым угодить, пойти навстречу. В результате прекрасный дикий зверь превращается в послушное домашнее животное. А влюбленный, мечтавший покорить любимого, чтобы обрести уверенность в себе, подавить свой страх перед новизной, не находит в нем больше многих качеств, которые прежде были столь привлекательны. Передним уже другой человек, не имеющий ничего общего с тем, в которого он влюбился именно из-за его необычайной жизненной энергии и непохожести на других. Он требовал, чтобы возлюбленный приспособился к его слабостям, и вот теперь он видит результат своих усилий — опустошенного человека, к которому не чувствует больше любви. Это случается довольно часто с людьми зрелого возраста, влюбляющимися в молодых девушек. Обычно «взрослый» человек боится потерять свою юную возлюбленную и поэтому требует, чтобы она отказалась от работы, от друзей, перестала кокетничать со всеми; он успокаивается только тогда, когда превращает ее в покорное, безвольное существо, но очень скоро обнаруживает, что теперь ему нравится другая молоденькая девушка. Этот пример мы привели не случайно: женщины чаще

всего становятся объектом давления «старшего влюбленного» и стараются приспособиться к новой роли. Пока молодые девушки олицетворяют свободную стихию, многие мужчины мечтают сделать их своими женами, но, женившись, запирают жен в домашних стенах, максимально ограничивают их свободу, мучают ревностью и вынуждают стать «элементом» повседневности, которая убивает не только влюбленность, но и любовь.

Надо сказать, что женщине тоже свойственно желание сделать мужчину «таким, как все», лишит его индивидуальных черт и особенностей, укротить его жизненную энергию. На протяжении многих веков она училась этому у мужчины. Вынужденная быть «домашним животным», она могла защитить себя только одним доступным ей способом: заставить мужчину разделить ее собственную участь. Неуверенность в своих силах толкает ее на поиски легких решений, управляемых ситуаций, которые возникают тогда, когда рядом находится человек, не способный на оригинальные порывы, поступающий как все, придерживающийся общепринятых правил.

Итак, мы имеем возможность убедиться, что весьма часто влюбленные, испугавшись своего собственного стремления жить интенсивной, насыщенной жизнью, незаметно скатываются в болото скуки, раздражения, мелких ссор. Они сами подписывают приговор своей любви, думая, что через систему ограничений и гарантий смогут прийти к известной формуле «жили долго и счастливо», которая, как мы уже говорили, не имеет ничего общего с реальностью. В итоге на влюбленных обрушиваются бесконечные разочарования и они начинают переносить в мир фантазии те отношения, которые уже существовали в их судьбе и были разрушены ими самими.

Такова наиболее часто встречающаяся причина постепенного угасания влюбленности. Но есть и другие причины. Одна из них заключается в следующем: все, что хорошо в чрезвычайных обстоятельствах, становится невыносимым в повседневной жизни. Многих лю-

дей привлекает престижное социальное положение их избранников. Например, кто-то может влюбиться в человека потому, что он певец, пианист, писатель, боксер или лыжный тренер. Стремление к необычному здесь выражается в увлечении людьми, добившимися успеха в том виде деятельности, который с социальной точки зрения является необычным, из ряда вон выходящим. Но одно дело влюбиться в пианиста, а другое дело — жить с ним. Его личная жизнь подчинена самодисциплине, постоянному самосовершенствованию. Публика не видит его повседневных усилий, доходящих до самоистязания, и даже влюбленный (в данном случае чаще влюбленная) поначалу тоже всего этого не видит. Она находится под впечатлением выступлений пианиста и не думает о монотонной черновой работе, с необходимостью которой надо будет не только смириться, но и создавать соответствующие условия, всегда при этом оставаясь в тени. Разочароваться в таком избраннике можно очень быстро. Конечно, разочарования не обязательно бывают связаны с профессиональными качествами возлюбленного. Одним мужчинам, например, нравятся энергичные, предприимчивые, блестящие, деятельные женщины, но в один прекрасный момент они обнаруживают, что их избранница ограничивает их личную свободу, что они попали к ней в зависимость. Другие влюбляются в заботливых женщин с ярко выраженными материнскими качествами, которые обхаживают их, как детей. Но потом они начинают чувствовать, что их и контролируют тоже, как детей. Многим женщинам нравятся очень вежливые, обходительные джентльмены, которые на поверку оказываются слабохарактерными; другим нравятся подчеркнуто немногословные, суровые мужи, превращающиеся потом в грубых и упрямых. Любая чрезмерность, воспринятая поначалу как необычное, оригинальное качество, впоследствии все равно проявит себя как крайность.

А теперь рассмотрим еще одну ситуацию и попробуем в связи с этим ответить на один довольно часто возникающий вопрос. Верно ли, что мы охотнее влюбляемся

в тех, кто отказывает нам в любви, разжигая наши желания? И в результате, выбирая между двумя людьми, мы предпочитаем не того, кто нас любит, а того, кто нас отвергает? Это очень распространенное мнение, которое отчасти соответствует истине, но только отчасти. Истина же заключается в следующем: влюбленность ищет ни на кого не похожий, необычный объект. Человек, психологически готовый влюбиться, вряд ли влюбится в того, кто давно любит его и ухаживает за ним; он уже знает, что представляет собой этот влюбленный, он уже изучил его как альтернативного претендента на свою любовь. Поэтому состояние зарождения, экспериментирующее на грани возможного в будущем, не может признать в нем свой объект, ибо он уже принадлежит прошлому. Только в том случае, если человек разочаруется в своих поисках, если он ни в ком не найдет взаимности, становится возможным его бегство в прошлое, к человеку, любящему его давно, готовому дать тепло и понимание, которые он не сумел найти в других. Но на самом деле он так и не смог влюбиться в кого-нибудь другого не потому, что никто не отвечал ему взаимностью, а только потому, что испугался новизны, непохожести, эксперимента. Возвращаясь к человеку, который давно его любит, он отказывается от экспериментирования на грани возможного-невозможного и, следовательно, отказывается вообще от влюбленности. При этом он отнюдь не влюбляется заново, как это может ему показаться. Хорошо относясь к «прежнему человеку», он может затем прожить с ним всю жизнь, но это будет любовь, а вовсе не влюбленность. Если ему поначалу и удастся убедить себя, что он опять влюблен, то через какое-то время он все равно обнаружит, что это не так: по-настоящему он был влюблен раньше, хотя и не хотел себе в этом признаться.

А теперь рассмотрим последнюю из ситуаций, ведущих к угасанию влюбленности. Она заключается в том, что один из влюбленных, сам того не замечая, пересекает роковую черту. Никто не знает, где именно проходит эта роковая черта. Известны лишь отдельные

признаки приближения к ней — внутренний протест, чувство безысходного отчаяния, приступы душевной апатии. Но иногда мы приближаемся к ней исподволь, неосознанно, когда наши мысли все еще заняты заботами о любимом человеке и мы все еще верим, что в один прекрасный день все изменится.

Представим себе такую ситуацию: женщина работает, увлечена своей профессией, но любимый мужчина просит ее оставить работу, потому что он по делам службы должен переехать на время в другой город, где ее специальность не требуется. Женщина соглашается, думая, что в будущем она вновь вернется к своей работе. И вот роковая черта пересечена: женщина оставляет работу, жертвует карьерой, уезжает с любимым человеком, а через некоторое время замечает, что она утратила былой вкус к жизни, былую энергию, что с каждым днем ей все сильнее хочется вернуться в прошлое. В результате ее влюбленность угасает.

Иногда сама жизнь развивается так, что желание, от которого когда-то мы временно отказались, отложив его осуществление на неопределенный срок, становится причиной возникновения безвыходной ситуации, заставляет перейти роковую черту. Например, женщина мечтает о ребенке, но ради сохранения любви человека, который не хочет этого, отказывается от своей мечты. Потом в ее жизни происходят трагические события: умирает отец, умирает мать, женщина замечает, что начинает стареть. И вот, бросая вызов охватившей ее безысходности, она решается дать жизнь новому человеку. Родить ребенка означает для нее победить смерть. То, что раньше было просто желанием, теперь приобретает характер неотложной необходимости, становится стержнем жизненного проекта. Договор, лежащий в основе любви, ставится под сомнение или разрывается, вновь возникает дилемма, и на этот раз решение не может быть отложено до возникновения более благоприятных обстоятельств. Потребность женщины иметь ребенка должна встретить понимание. Если этого не происходит, любовь по-

степенно умирает, задавленная несправедливостью и эгоизмом любимого человека. Начинается переосмысление прошлого, скрупулезно подсчитывается все, что было отдано любимому (очень много!), и все, что было получено взамен (ничего). В итоге ненависть убивает любовь, не оставляя даже воспоминаний о былом счастье. Подобные безвыходные ситуации встречаются в жизни гораздо чаще, чем мы думаем. Обстоятельства, которые раньше казались второстепенными, оказываются решающими; вновь возрождается дилемма, и в отношения влюбленных тайно проникает безысходность.

Глава XVII

Может ли человек несколько лет или даже всю жизнь находиться в состоянии влюбленности? Может. Могут ли двое людей оставаться влюбленными на протяжении многих лет или всей жизни? Могут. На первый взгляд это кажется невероятным: ведь влюбленность — переходное состояние зарождения, которое либо быстро исчезает, либо превращается в установление, либо медленно угасает. Действительно, таково обычное развитие событий. Но встречаются и исключения, когда сам жизненный проект предусматривает сохранение состояния зарождения как такового, когда человек продолжает страстно любить другого, даже если тот для него недоступен, даже если он умер. Вспомним о разлуке Абеляра и Элоизы, о смерти Беатриче, о замужестве, а затем смерти Лауры. Когда возлюбленный становится недоступен, влюбленность продолжает жить в воображении влюбленного. Если же влюбленный отвергнут, влюбленность прекращает свое существование, и тогда человеческое сознание вынуждено бороться с прошлым, постоянно возвращаясь к безысходному «так было». Но если любимый сказал «да» или по крайней мере не сказал «нет», вся творческая, созидательная сила любви будет направлена на него. А поскольку воображение существует независимо от реальности, любовь может продолжаться и вне реальной жизни.

Чтобы лучше понять, о чем идет речь, достаточно представить ситуацию, в которой оказываются влюбленные, вынужденные расстаться из-за какого-нибудь внешнего непреодолимого препятствия. Каждый из них продолжает жить в душе другого, и любовь превращается в вечную тоску, в страдание, но в то же время она приносит светлую радость воспоминаний, радость ожидания, счастье от одной только мысли, что ты лю-

бим. И тогда все, что происходит вокруг, отступает на второй план по сравнению с этим глубоким, всепоглощающим чувством. Жизнь может идти своим чередом, человек может вести себя достаточно активно, но эмоциональный и этический стержень его жизни находится за пределами реального существования. Любовь становится для него чудесным садом посреди пустыни, где душа утоляет свою жажду. Все это очень близко к мистицизму. «Божественная комедия» — великая мистическая поэма, в которой любимая женщина, сопровождая Данте в его мистическом путешествии, указывает ему путь к Богу. Но и в реальной жизни такая связующая фигура встречается довольно часто. Отношения между святой Кларой и святым Франциском по всем признакам были влюбленностью, возвысившейся (или сублимированной) до божественной природы. Джалаледдин Руми написал великую мистическую поэму ислама «Масневи и Манава» и сборник лирических стихотворений «Диван» после того, как потерял навсегда горячо любимого им человека. В «Масневи» он ни слова не говорит об этом человеке и пишет только о Боге, любовь изображается автором настолько конкретно и страстно, что стираются грани между фигурами Друга человеческого и Друга божественного. «Диван» же целиком посвящен любимому человеку, и общение с Богом происходит только через него.

Мистическая любовь всегда остается влюбленностью, ибо с Другом или с Божественным возлюбленным невозможно заключить договор о взаимной любви. Один может только любить, другой — только быть любимым, взаимность при этом ничем не гарантируется, и рассчитывать можно только на благодарность. Из-за такой асимметрии в чувствах и непреодолимой дистанции между двумя существами мистицизм рассматривает любовь и почитание как основу человеческого бытия, а все остальное — не более чем мирскую суету. Именно благодаря этой дистанции мистическая любовь поражает нас тем, что присущее ей постоянное страдание чудесным образом превращается в счастье. «В тебе, — пишет Раймондо Лалло, —

заключается мое счастье и мое страдание: чем больше даришь ты мне счастья, тем сильнее растет мое томление, и чем больше ты заставляешь меня страдать, тем счастливее я становлюсь»¹. А святая Тереза говорит о «великом стремлении к страданию, которое, однако, не влечет за собой тревогу, ибо желание, чтобы осуществилась воля Божия, бывает настолько сильно, что приносит удовлетворение»².

Мистическая любовь со всей ясностью показывает нам, что состояние влюбленности никоим образом не зависит от качеств объекта любви. Влюбленность является целиком и полностью особым способом видеть жизнь (думать, чувствовать, воспринимать, фантазировать и т.п.), то есть особой категориальной системой в структуре мышления. Мистическая любовь воспроизводит свой объект, пользуясь категориями состояния зарождения, и, не имея возможности общаться с реальным человеком, преобразует его в своем воображении, создавая чисто идеальный объект любви. Современная культура утверждает, что мистическая любовь есть небытие. Я придерживаюсь того же мнения, но надо признать, что мистицизм на протяжении тысячелетий был очень важной и очень насыщенной формой человеческого существования.

Действительно, для того, кто любит, предмет любви всегда остается реальным. А с другой стороны, для влюбленного любимый человек в определенной степени продукт воображения и отличается от объекта мистической любви лишь тем, что является составной частью жизненного проекта, направленного на изменение действительности, на реальное воплощение мечты. Решение такой задачи, как правило, неосуществимо, ибо всегда есть внешние обстоятельства, социальные факторы, с которыми приходится считаться. При материальном воплощении любого проекта что-то непременно теряется. Поэтому всякая

¹ R. Lallo. Op. cit., p.26.

² S. Teresa d'Avila. Castello Interiore. Alba, 1976, p. 481.

продолжительная влюбленность обязательно создает свой воображаемый мир, она может продлевать свое существование, только призывая на помощь воображение и проявляя готовность отказаться от немедленного воплощения сокровенных желаний. Чем сильнее влюбленность стремится к конкретному, фактическому воплощению своих мечтаний, тем вероятнее ее обреченность, ее угасание. Лучше уж быть до конца последовательными и прямо признать необходимость отказаться от притязаний на необычное, от стремлений получить его в том или ином конкретном виде. Это относится не только к влюбленности, но к любому состоянию зарождения. Попытки получить сразу все лежат у истоков возникновения крайних форм фанатизма. Полагать, что в один прекрасный момент можно будет создать рай земной, значит впасть в фанатизм. Все сущее может быть преобразовано, но оно никогда не станет абсолютным, идеальным, всеохватывающим. Сущее представляет собой точку пересечения реального и условного, где реальное «просматривается» через условное, где приоткрывается завеса над абсолютным. Объект любви всегда является эмпирическим и преобразованным. Мистическая любовь решает эту проблему, элиминируя сущее, сводя его к чистой условности и выделяя реальное как объект интуиции. Иными словами, мистическая любовь дает возможность интеллекту человека, пребывающего в состоянии зарождения, самому создавать объект любви. Понятно, однако, что в данном случае один из влюбленных (а иногда и оба) может значительно продвинуться в избранном направлении, не подвергая свою любовь испытанию конкретным материальным воплощением. При этом не происходит никаких революций: идеальное выделяется из сущего, создавая воображаемый мир, в котором и происходит встреча. Влюбленные живут каждый своей конкретной жизнью, осуществляют мирские дела, борются, созидают, но сохраняют необычайное в своих отношениях. Такая любовь встречается не часто, но нельзя сказать, чтобы она была исключительным явлением. К тому же ее не так просто распознать,

ибо влюбленные этого типа обычно не рассказывают о своих чувствах. Поскольку их чувства находятся в сфере воображаемого и полностью отделены от всего мирского, они стремятся скрыть их от окружающих, стыдятся их. Тем не менее такого рода любви ни в коем случае нельзя отнести к чисто духовной или «платонической». Такая любовь может быть и сексуальной, и эротической. Почему же она так редко встречается? Вероятно потому, что влюбленность зарождается как проект преобразования действительности, как переосмысление всей настоящей, прошлой и будущей жизни в связи с появлением нового человека, объекта восхищения. Проект всегда предполагает конкретные преобразования, и поэтому многие, боясь потерпеть фиаско в реальных делах, воспаряют в мир фантазии. Правда, на это решаются лишь те, кто находится в чрезвычайных обстоятельствах и для кого другие пути оказываются недоступными. К тому же этот тип любви не отличается продолжительностью. Проект конкретных преобразований может в любой момент возродиться и повлечь за собой очередную попытку реализовать его, очень часто приводящую к исчезновению любви.

Это любопытное соотношение, возникающее порой между реальным и воображаемым, условным и сущим, позволяет нам определить место фантазии в сексуальных отношениях. Многие люди в момент сексуального контакта представляют себе, будто они занимаются любовью с другим человеком или с тем же самым человеком, но при других обстоятельствах. Влюбленные тоже иногда фантазируют и могут представлять себе, что вступают в сексуальные отношения с другими партнерами. Правда, в этих фантазиях есть одна существенная особенность: они обычно приписывают любимому все то, что в прошлом ценили в других. Но в конце концов образы других партнеров исчезают и остается только любимый реальный человек. Бывает и так, что влюбленный представляет себе своего возлюбленного с кем-то другим или представляет себя на месте другого, с которым у возлюбленного в прошлом были се-

ксуальные отношения. Здесь имеет место желание завладеть всеми элементами сущего, обладающими значением и определенной ценностью, вобрать их в себя. Ревность ведь тоже является признанием ценности другого, и поэтому ревнивец, представляя себя в роли того, кто вызывает ревность, как бы «уничтожает» его и занимает его место. Но когда влюбленный человек вступает в сексуальные отношения с другими людьми, возникает принципиально иная ситуация. Если в первом случае он использует фантазии, чтобы потом развеять их, вернувшись к образу любимого, то здесь, наоборот, сексуальному партнеру нет места в фантазии. С кем бы влюбленный человек ни вступал в сексуальные отношения, он всегда «видит» на месте партнера своего любимого. В результате мы имеем дело с парадоксальной ситуацией. Можно иметь сексуальные отношения с партнером, которого не любишь, ни разу «не изменив» любимому, и никогда не иметь сексуальных отношений с любимым человеком, но, несмотря на это, «иметь» их (в воображении) только с ним одним. Некоторые люди, постоянно меняющие партнеров, как бы продолжают сексуальные отношения только с одним человеком. Но они никому об этом не рассказывают: ни своему психоаналитику, ни своим товарищам по групповой психотерапии.

Глава XVIII

Может ли влюбленность, превратившись в любовь, годами сохранять первоначальную свежесть чувств? Конечно, может. Это происходит тогда, когда двое любящих людей живут активной, насыщенной интересными событиями жизнью, вместе открывают для себя новые явления и вместе борются с внешними трудностями. Разумеется, трудности не должны быть слишком серьезными, ибо они отражаются на внутренней жизни влюбленной пары и могут привести к несовместимости жизненных проектов. Но если возникают трудности, не связанные с прошлой жизнью, то влюбленные объединяют свои жизненные проекты, сводя к минимуму взаимные испытания. Внешние трудности в отличие от внутренних всегда предполагают «отказ» от себя самого, создают предпосылки для совместных действий, для появления общего взгляда на жизненные проблемы. Элемент приключения, элемент необычности при этом остается весьма важным. Состояние зарождения, как мы неоднократно подчеркивали, это революционное преобразование повседневности, поэтому его развитие зависит от степени обновления жизни. Неуемная энергия состояния зарождения дает влюбленным силы для борьбы с трудностями, с враждебными обстоятельствами, для познания нового, интересного.

Если влюбленным предстоит совершить трудное путешествие, пуститься в рискованное предприятие, переехать на новое место работы, они черпают силы и находят поддержку только в самих себе. Объективное развитие их отношений, как правило, подтверждает, что они не ошиблись, следуя своей интуиции: их сила заключается в единении, в любви. Однако, чтобы осуществить новый жизненный проект, влюбленным совсем не обязательно отправляться «в неведомые края». Они могут оставаться на прежнем месте, но у них дол-

жна появиться возможность увидеть по-новому окружающий мир, найти новые и важные для них пути развития своей жизни. Если же они вынуждены идти пройденным когда-то маршрутом, постоянно «упираясь» в уже пережитое, в свое прошлое, свежесть их чувств постепенно улетучивается. Больше всего разрушает влюбленность повторение одних и тех же переживаний, борьба с давно знакомыми препятствиями. В этом случае происходит не переосмысление прошлого, а наоборот, его возрождение, что отражается и на настоящем, и на будущем. Возможны и другие варианты: то, что является новым для одного влюбленного, уже знакомо другому и означает для него возврат к давно пережитому, и тогда жизненные проекты оказываются несовместимыми, влюбленность гибнет.

А если влюбленным не удастся жить активной, нетривиальной жизнью? Тогда им остается лишь погружение в сферу внутреннего, в мир мистических переживаний, о котором мы говорили в предыдущей главе. Но это происходит крайне редко. Ведь все стремятся к активной, деятельной жизни в реальном, внешнем мире, ибо только она может удовлетворить страстное стремление влюбленных преобразовывать жизнь, как того требует от них состояние зарождения. Вместе переживать новые ощущения — вот единственный путь продлить состояние влюбленности. Новые ощущения могут стать для влюбленных своеобразными «каникулами», отдыхом от повседневности. Но этого, как правило, бывает недостаточно, чтобы победить рутину будней, которая проникает в жизнь влюбленных даже в периоды «передышек» и отравляет счастливые минуты бегства в мир воображения и фантазии. «Свадебное путешествие» — это прием, с помощью которого традиционные установления старались удовлетворить мечтания влюбленной пары, заключив их в рамки заранее заготовленных программ. «Свадебное путешествие» — это и символ ухода от повседневности, и попытка испытать вдвоем некую новизну жизни. Поэтому, когда двум «уставшим» супругам советуют отправиться вместе в путешествие, имеется

в виду, что они смогут, оказавшись в необычных условиях, оживить свои ощущения, угасшие под воздействием избитых истин и будничных разочарований. Да и что же такое наша скучная монотонная повседневность, как не следствие провала тех обновляющих революционных замыслов, которые несет с собой состояние зарождения? Человек, в которого мы влюбляемся, дает нам возможность коренным образом изменить будничную реальность. Сам он, влюбляясь, тоже становится более активным, его фантазия начинает бурно работать, он зовет нас к полноценной, радостной, увлекательной жизни, насыщенной эмоциями, удивительными планами, постоянными открытиями. Повседневность возникает постепенно как отказ от всего этого. Разумеется, влюбленные приближаются к ней, проходя через ряд мелких компромиссов, тривиальных решений, поддаваясь лени, выбирая пути наименьшего сопротивления, отказываясь от смелых фантазий и рискованных шагов. С того самого момента, когда в жизни влюбленных происходит революционный переворот (начало совместной жизни, уход от прежней семьи, новая работа и т. д.), они уже сталкиваются с тысячами мелких обстоятельств будничной жизни, с тысячами обязанностей, «нацеленных» на подчинение воображения нормам повседневности, которая в конце концов снова вступает в свои права. Каникулы, праздники, психотерапия, новые сексуальные контакты — все это способы уйти из-под власти повседневности. Но возвыситься над повседневным существованием можно только возродив приоритет воображаемого над реальным, объявив войну рутинному бытию, то есть войдя снова в состояние зарождения. Поэтому даже самые великие преобразования часто приводят к созданию новой повседневности, новой прочной сети обязанностей. Влюбленность, превратившись в любовь, создав новый порядок жизни (новая работа, новый дом, новые друзья), исчерпывает на этом свое преобразующее назначение. Человек, который женится второй и третий раз, нередко оказывается в той же ситуации, которая складывалась у него в период первой женитьбы.

Мы уже говорили, что влюбленность рано или поздно исчезает. Она может продолжаться только в том случае, если неожиданное все-таки остается в нашей жизни, если оно принимает форму увлекательного путешествия, которое влюбленные совершают вместе, пройдя через серьезные испытания, никогда не покидая друг друга, все время в процессе познания мира переосмысливая свое прошлое. Для одних — это борьба, для других — поэзия или просто способность постоянно удивляться себе и окружающему. Настоящие влюбленные не ищут стабильности, не стремятся к тому, что давно всем известно, наоборот, они всегда готовы бросить вызов действительности, восхищаться ею, творить. Но чтобы влюбленность постоянно возобновлялась, нужна инициатива обоих влюбленных. Если один из них занимает пассивную позицию, если он ждет, когда ему предложат что-нибудь необычное, или если он не умеет творчески пользоваться ситуацией и все время надеется на счастливый случай, влюбленность очень быстро оказывается под диктатом повседневности и взаимной неприязни. С другой стороны, если один из влюбленных, будь он даже семи пядей во лбу, строго придерживается общепринятых моделей поведения, то все попытки другого встать на путь неожиданных решений и открытий будут тщетными, а влюбленность потерпит крах. Я не считаю, что из вышесказанного можно сделать какие-либо практические выводы о том, как вести себя и что делать, чтобы сохранить влюбленность. Все подобного рода правила — не более чем самообман. Мы можем передвигаться в безбрежном жизненном потоке, как маленькое каноэ во время бури. Но мы не в силах управлять бурей. Мы можем лишь бороздить (со страхом или, наоборот, с радостью) морские просторы и приплыть (или не приплыть) к берегу, испытывая (или не испытывая) при этом счастье. Что важнее — владеть искусством любви или быть влюбленным? На этот вопрос не может быть однозначного ответа. Надо просто знать, что представляют из себя оба эти состояния, чтобы уметь каждый раз сделать правильный выбор.

Глава XIX

Эта книга, безусловно, вызовет недовольство у читателей трех категорий: у прагматически настроенных деловых людей; у приверженцев различных идеологических течений, таких, как католицизм, ислам, марксизм; и, наконец, у критиков гетеросексуальных отношений, например у многих феминисток.

Что касается первой категории (деловые люди с прагматическими взглядами), то по большому счету сама постановка вопроса в нашей книге не совместима с их позицией, ибо она исходит из идеи существования состояния зарождения, переходящего в состояние установления, когда различие между реальным и условным проходит на уровне метафизического мышления. Это различие является предметом изучения в философии: вечные идеи и преходящие чувственные вещи (у Платона), материя и форма (у Аристотеля), субстанция и акциденция (у Фомы Аквинского), идея и мышление (у Гегеля), класс для себя и класс в себе (у Маркса), волюнтаризм и иррационализм (у Ницше) и т. д. Утилитаристскому мышлению чуждо такое различие. В качестве примера утилитаристского мышления возьмем наиболее типичное из его порождений — экономику. Экономика как наука призвана сравнивать вещи и заменять одни другими; не имея ничего общего с абсолютными ценностями, она занимается лишь денежными, материальными интересами людей. Не надо забывать при этом, что социология и психология тоже в значительной мере берут свое начало в сфере утилитарного мышления. Именно поэтому они зачастую пренебрегают специфичностью и спонтанностью человеческого существования. Справедливости ради надо сказать, что такой образ мышления присущ не только социологам. В повседневной жизни мы мыслим категориями полезности, выгоды, ищем способы удовлет-

ворения своих интересов, подсчитываем все «за» и «против». Более того, мы с полным правом можем утверждать, что утилитаризм — это способ мышления, характерный для повседневной жизни. Как уже говорилось, повседневность считает неразумными душевный подъем, бескорыстие, страсть, старается отгородиться от них, оберегая свой покой. Все это выглядит логично, а значит, должно быть понятно всем. Но если мы хотим уяснить для себя, что такое влюбленность, мы не должны забывать, что это состояние противостоит повседневному образу мышления и, следовательно, не может быть объяснено с помощью категорий повседневности.

Картина оказывается более сложной, когда мы обращаемся к христианству, исламу и коммунизму. Здесь речь идет о так называемых культурных цивилизациях, то есть о прочных установоческих структурах со своим языком и своими символами. Эти структуры тоже возникли из коллективных движений — раннее христианство, первоначальные формы ислама.

Например, во времена средневекового христианства все разновидности религиозного мироощущения, все еретические течения и все культурные движения пользовались христианской терминологией. Иными словами, каждое движение, желающее быть понятым и услышанным, было вынуждено строить свои рассуждения, используя основные темы христианской религии: страдания и смерть Христа, церковные таинства и т. д. Таким образом, культурная цивилизация создает модели, которые должны объяснить как обычные, так и необычные, из ряда вон выходящие явления, а все, что не укладывается в эти модели, *остается без языка*. Сказанное о христианской религии в равной степени имеет отношение и к исламу. Даже состоянию зарождения, в котором участвуют только два человека (влюбленности), культурная цивилизация навязывает свой язык и свои установления. В христианском браке, например, не существует различий между влюбленностью, любовью, любовным желанием и сексуальностью. Святое таинство брака включает в себя все эти аспекты одновременно; оно стремится прежде всего со-

здать гарантии для взаимного влечения (брачный союз) и для сексуальности (продолжение рода), остальное не имеет особого значения. Эта установка христианской религии дожила до наших дней. В некоторых европейских языках, таких, как французский и английский, нет даже слова «влюбленность». Они используют слово «падать» (tromber, fall). На языке «ок» * это слово, по всей видимости, существовало (adamage), но было выведено из употребления еретиками-катарами. Что же касается христианства, то оно всегда различало любовь к людям и любовь к Богу (благоговение). Влюбленность в том виде, в котором мы ее описали, католический священник определил бы как тяжкое заблуждение, а возможно, даже как идолопоклонство. Благодарить для христианства всегда связана с божественным вмешательством, в нашем же исследовании она является частью человеческого опыта. Использование нами теологических категорий и терминов, с точки зрения христианина, неточно, основано лишь на аналогии. Согласно же нашей теории, эти категории и термины являются тем языком, который христианская культурная цивилизация дала состоянию зарождения. Для влюбленности это часто единственный язык, который она может использовать.

Марксизм тоже передает свой язык всем революционным движениям, и те, кто не принимает этот язык, обречены на бессловестность. Но для марксизма субъект («МЫ») — это класс. А класс претерпевает преобразования (то есть, говоря нашими терминами, проходит через состояние зарождения), превращаясь из класса в себе в класс для себя. Поэтому марксизм не признает никаких коллективных движений, кроме классовых; когда речь идет о коллективном движении, которое не является классовым или не считает себя таковым, марксизм отказывается признавать его существование.

Поэтому с точки зрения марксизма религиозные коллективные движения — это первые рудиментарные

* Ок — язык средневековой поэзии.

проблески самосознания, первоначальное осознание своего положения эксплуатируемых и отчуждаемых личностей. И до тех пор, пока сознание не станет классовым и не возникнет пролетарский интернационализм, говорить можно лишь о «ложном» сознании, о предстории. В связи со всем этим марксисты считают, что влюбленность, которая не имеет никакого отношения к классам, но может объединять людей, относящихся к двум различным классам, принадлежит к частной жизни, является чем-то иррациональным, неподвластным науке. Это не значит, что Маркс, Ленин, Мао Цзэ-дун никогда не влюблялись. Конечно, они тоже влюблялись, как и все остальные люди. Но эта сфера их жизни полностью обособлена от их общественной деятельности, она относится к области личных интересов.

А теперь обратимся к феминизму, который, как любое коллективное движение, возникает из состояния зарождения со всеми его характерными чертами. Как и все другие коллективные движения, феминизм разделяет то, что было единым, и объединяет то, что существовало порознь: он объединяет женщин и отделяет их от мужчин. Феминистское движение, особенно на стадии состояния зарождения, относилось к влюбленности как к чему-то абсурдному и аномальному. Да и как можно считать воплощением абсолютной ценности человека, который сделал тебя рабой, который входит в категорию людей, на протяжении всей истории угнетавших женский пол, который разделяет их образ мыслей, их способ чувствовать, их привычки, одним словом, все их особенности? Феминизм разбил пару, чтобы создать сообщество женской солидарности, и атаковал, «развенчал» влюбленность, ибо в современном обществе именно через влюбленность и ее язык создается и легализуется пара. Но при этом феминизм не создал репрессивных доктрин, то есть не создал теории, которая призывала бы к уничтожению или подавлению мужчин, как это сделал марксизм в отношении буржуазии. Феминизм — это этическое движение, ставящее перед собой задачу преобразовать мир, убеждая людей, а не уничтожая их. Поэтому оно в конечном итоге «восстановило в пра-

вах» многие аспекты влюбленности и приступило к ее изучению. С другой стороны, именно установив дистанцию между мужчинами и женщинами, сделав женщин более самостоятельными, более сознательными, более сильными, феминизм создал условия для возникновения энергии напряжения между разными полами, а это, как известно, — основа влюбленности. Кроме того, став более зрелой, благодаря школе феминизма женщина научилась защищать себя от морального рабства, нередко возникающего как следствие влюбленности, научилась бороться за реальное, а не просто сентиментально провозглашенное равенство, не придавая особого значения таким вещам, как девственность, в результате чего риторика влюбленности освободилась от многих лицемерных канонов. Может быть, именно феминистское движение создало культурные предпосылки для действительно глубокого изучения влюбленности как социального явления, перестав расценивать ее как нечто невыразимое или как что-то презираемое.

А теперь попробуем взглянуть на вещи с другой стороны: утилитаризм, христианство и марксизм — три реальные исторические силы, действующие в современном обществе и представляющие собой концептуальные системы, при помощи которых мы смотрим на мир и объясняем его себе. Каждая из названных систем, если использовать терминологию М. Фуко¹, составляет *эпистему* *, комплекс правил, следование которым является обязательным в определенном исторический период; это своего рода неперемutable условие, позволяющее думать, а главное — говорить о чем бы то ни было. Только приведя свою речь в соответствие с практическими речевыми структурами, подчеркивает Фуко, субъект может приблизиться к предмету разговора, заговорить. В любую эпоху единственным и серьезным вопросом является вопрос о *доминирующей эпистеме*. Поэтому в современную эпоху всякое знание о влю-

¹ M. Foucault. Le parole e le cose. Milano, 1966.

* *Episteme* (греч.) — знание.

бленности возникает или в системе утилитаризма, или в системе христианства, или в системе марксизма. И вот что интересно: все три системы сводят определение влюбленности к чему-то находящемуся вне ее самой. Следовательно, настоящего научного знания по этому вопросу, религиозного или идеологического, не существует. Такое знание и не может появиться на уровне этих систем, ибо они не обладают соответствующим языком. Каким же языком, в таком случае, должна пользоваться влюбленность? Языком великой поэзии или языком беллетристики средней руки, языком вульгарных историй или языком комиксов? Лишенная дара речи в сфере идеологической или религиозной концепции, влюбленность располагает только двумя лингвистическими уровнями: ее язык может быть или возвышенным, полуреальным, или диаметрально противоположным — вульгарным, принижено разговорным, высмеивающим, пренебрежительным. Невозможность найти адекватные слова и выражения для своих чувств становится серьезной проблемой не только для образованных людей, но и в определенные моменты для всех людей вообще. Человек, лишенный языка, утрачивает способность думать о своих переживаниях, общаться с другими. Вынужденный выбирать между возвышенно-невыразимым и принижено-разговорным, влюбленный чувствует себя изгоем в современной ему культурной среде, у него возникает ощущение, что его переживания имеют сугубо личный, не понятный обществу характер. Постоянно используя неадекватные или искаженные определения, формулы, объяснения, предназначенные совсем для других целей (идеологических, политических или религиозных), влюбленный стремится разобраться в себе самом, но еще больше запутывается; он старается решить свои проблемы, но еще больше их усложняет; он обращается за советами к «знающим людям», но, не найдя понимания, окончательно теряется. Отсюда следует вывод: официальная культура (политическая, научная или религиозная) подавляет состояние зарождения влюбленной пары, лишая ее возможности иметь свой, соответ-

ствующий этому состоянию язык. Даже психоанализ, ставящий во главу всего сексуальную жизнь и сводящий все человеческие переживания к различным типам сексуальности, не владеет соответствующим языком. Более того, в наши дни процесс смещения понятий по сравнению с прошлым веком движется в противоположном направлении. В прошлом веке язык романтической любви служил инструментом ухода от сексуальности, в наши дни происходит обратное: сексуальность, разговоры о сексе подавляют, вытесняют в подсознание другие желания, в том числе возвышенные, духовные.

Глава XX

Является ли влюбленность антисоциальным явлением? Бегством в личную жизнь, уходом от выполнения общественного и политического долга? Постановка вопроса, типичная для репрессивной культуры, о которой мы уже говорили; идея достаточно распространенная и сотни раз повторенная, но не имеющая тем не менее никакого научного обоснования, никаких доказательств в свою пользу. Во всех великих политических движениях, как среди рядовых участников, так и среди лидеров, мы находим людей, которые влюблялись и любили. В великом национально-освободительном европейском движении прошлого века слово «романтический» обозначало и политическое течение, и направление в литературе, и тип влюбленности. Встречаются влюбленные пары и в движениях более позднего времени. Например, в среде анархистов — последователей Мадзинни: достаточно вспомнить об Аните и Джузеппе Гарибальди. В марксистском движении дело обстоит точно так же.

Эти факты уже сами по себе свидетельствуют, что тезис об эгоистической любви, не признающей никакой политической деятельности, является фальшивым. Мы уже отмечали, что идеальные условия для продолжительной влюбленности (или любви, сохраняющей первоначальную свежесть чувств) создаются тогда, когда влюбленные ведут активную жизнь, полную неожиданностей и сопряженную с риском, когда они бок о бок участвуют в борьбе. Теперь, используя новые концептуальные аргументы, мы можем более подробно остановиться на этой проблеме.

Любовь, как и всякое другое коллективное движение, рождается (на уровне индивида) из депрессивных перегрузок. Последние бывают вызваны ростом амбивалентности по отношению к объекту (индивидуальному или коллективному), который раньше мы восприни-

мали положительно и любили, но потом, постепенно разочаровавшись, увидели его в совсем ином свете, пришли к выводу, что он несовместим с развитием исторических и жизненных сил (марксисты сказали бы — производительных сил). В таких ситуациях люди начинают искать альтернативные варианты. И не только индивидуальные альтернативы (другой человек), но, главным образом, альтернативы коллективные, идеологические (другой способ жизни). Тот процесс, который мы описали как подготовку к влюбленности, является подготовкой к восприятию другого взгляда на жизнь, другого способа чувствовать, мыслить, действовать. Человек, который хочет жить более насыщенной жизнью, хочет испытать настоящее чувство солидарности, может встретить другого человека, охваченного теми же желаниями, и тогда оба оказываются в состоянии зарождения пары. Если же назрели соответствующие исторические предпосылки, если имеют место основные условия для возникновения этнического, религиозного, национального или классового конфликта, если потребность в новой консолидации сил и в создании новых законов охватила тысячи людей, возникает групповое состояние зарождения (политическое, религиозное или классовое), и индивид вливается в это движение. Разумеется, без соответствующих исторических условий коллективное движение появиться не может. Но ведь и влюбленность тоже не может возникнуть без соответствующих индивидуально-исторических условий. Для влюбленности существуют свои определенные предпосылки, для других коллективных процессов — другие предпосылки, а иногда и те и другие проявляются одновременно. В этом случае один из индивидов влюбляется в другого, и если тот отвечает ему взаимностью, они вместе вливаются в коллективное движение, становятся его «ячейкой». Влюбленная пара прекрасно вписывается в коллективное движение: она входит в него как единый участник.

Поскольку категории состояния зарождения (новизна, условность, аутентичность, равенство и т. п.) в основном одинаковы и для состояния зарождения пары,

и для состояния зарождения коллективных движений, более мелкому коллективному движению довольно легко «вписаться» в более крупное. Иначе говоря, влюбленная пара прекрасно осознает себя в коллективном движении и стремится слиться с ним воедино. Но тут возникает проблема *исключительности*. Союз влюбленных, с полной самоотдачей участвующих в коллективном движении, все-таки сохраняет закрытость с точки зрения эротики. Эта пара ищет друзей, товарищей по борьбе, главную цель, но не допускает в свою внутреннюю жизнь новых влюбленных. В то же время группа, созданная коллективным движением, тоже стремится к исключительности. В этом процессе и пара может подвергнуться «идеологической» эволюции, в результате чего «коммунизм» распространится и на сексуальные отношения. Не исключено, что подобную идею могут выдвинуть и сами члены пары, испытывающие потребность поделиться своим счастьем с другими или просто стремящиеся не причинять страданий остальным. Вспомним роман Чернышевского «Что делать?» и его героев.

Некоторые группы видят в исключительном положении влюбленной пары помеху для установления всеохватывающих коммунистических отношений. Другие коллективные движения, наоборот, раз и навсегда принимают влюбленную пару такой, как она есть, признавая право индивидов на личную жизнь. Например, в эпоху Реформации парная любовь признавалась и лютеранами, и кальвинистами. А анабаптисты Мюнстера насаждали «сексуальный коммунизм». Большая часть анархических итальянских и андалузских коммун признавала парные сексуальные отношения, а некоторые группы русских нигилистов их стригали.

Мы влюбляемся чаще всего в людей, принадлежащих к той же религии, к той же идеологии, что и мы сами; не означает ли это, что мы влюбляемся в похожих на нас индивидов, разделяющих наши идеи и исповедующих наши убеждения? И не противоречит ли это нашему тезису, что влюбленность всегда предполагает наличие различий, нарушений общепринятых норм?

Чтобы верно ответить на этот вопрос, необходимо провести четкую границу между двумя ситуациями: первая ситуация — «братья», товарищи, друзья *образуют* единое коллективное движение; вторая ситуация — «братьями», товарищами, друзьями *называются* люди, принадлежащие к одной партии, религии, ассоциации. В первом случае до появления самого движения «братьев», товарищей и друзей еще не существует; они выявляются как результат консолидации этого движения. Люди, прежде жившие разобщенно, мыслившие по-разному, обладавшие разным жизненным опытом, только теперь стали близкими друг другу благодаря состоянию зарождения коллективного движения; в результате они открыли для себя чувство солидарности, которое раньше было им незнакомо. Повторяем: до появления коллективного движения ни солидарности, ни энтузиазма, ни общности идей у этих людей не было. Раньше они были разобщены, хотя и имели некоторые общие условия жизни. Теперь у них одни и те же ценности, одни и те же идеалы, один и тот же жизненный проект — и все это результат развития коллективного движения. Вспомним об исламском движении в Иране, сумевшем низвергнуть власть шаха в течение нескольких месяцев. До того, как это произошло, в Иране действовали многочисленные оппозиционные группы (либералов, марксистов, террористов), различные религиозные объединения. И только коллективное движение смогло их солидаризировать. Став составными частями движения, они перестали придавать значение своим разногласиям, тому, что их разъединяло в прошлом; у них появились общие цели, и им стало казаться, что так было всегда. А ведь различия действительно существовали, но движение уничтожило или сгладило их. Члены массового коллективного движения, находящегося в состоянии зарождения, как правило, не влюбляются друг в друга, потому что они стремятся уничтожить любые различия.

Таким образом, для влюбленности остается только повседневная жизнь. У членов партии или у прихожан

церкви вероятность влюбиться друг в друга больше, чем у случайно встретившихся на улице людей. Это и понятно, ведь у них гораздо больше возможностей проводить вместе время, вступать в те или иные отношения, узнавать друг друга; то же самое можно сказать и о предприятии, спортивной группе, соседях. Во всех этих случаях наличие общих интересов, общих ценностей является стимулирующим фактором, ибо когда различия слишком сильны, влюбленность становится невозможной. Во всяком случае, нельзя влюбиться в того, кого совсем не знаешь, с кем никогда не говорил.

Итак, мы подошли к выводам. Если два человека, стремящиеся к единению с новыми людьми, встречаются в тот момент, когда общество находится накануне появления массового коллективного движения, они влюбляются друг в друга и их влюбленность «вливается» в это движение, принимая его идеологию и его ценности. В этом случае пара становится органичным участником движения. Состояние зарождения коллективного движения не пытается ее разрушить. Поэтому влюбленность чаще всего возникает в начале великих коллективных движений и нередко предшествует им. Но когда люди «входят» в движение порознь, они стремятся идентифицироваться с группой или с ее руководителем и поэтому не способны влюбиться в кого-то другого как в единственного и неповторимого, как в кумира. Влюбленность возвращает свои позиции тогда, когда коллективное движение входит в фазу угасания, то есть тогда, когда участники движения начинают тосковать по состоянию зарождения, когда они понимают, что коллективными усилиями не удалось построить тот идеальный мир, о котором они так страстно мечтали. Они открывают для себя, что утраченное ими на уровне коллектива может быть вновь обретено во влюбленности, включая политические, религиозные или идеологические ценности. Двое влюбленных чувствуют себя в этом случае малой, но составной частью коллективного движения.

Откуда же идет столь распространенное мнение, что влюбленность всегда эгоистична и замкнута? От поли-

тических, идеологических или религиозных установлений, которые стремятся держать индивида под полным своим контролем.

Многие установления, возникающие из коллективных движений, требуют от каждого индивида беззаветной преданности групповым интересам. Вспомним о католических монашеских орденах, многие из которых появились как совместное движение мужчин и женщин. Но потом, после того, как были провозглашены ордена, ставшие своеобразным установлением, мужчин отделили от женщин и воцарился режим абсолютного подчинения рядовых лиц вышестоящим. Аналогичное явление наблюдается в революционных или политических группах, в которых утверждается порядок, основанный на железной дисциплине. Для таких групп, претендующих на идеологическую монополию и требующих беззаветной преданности и абсолютного подчинения каждого индивида, влюбленная пара является помехой, угрозой для тоталитарной власти. Для тоталитарной группы любое исключение из правил, любая «приватность» представляет определенную потерю. Поэтому она вступает в борьбу с влюбленной парой, обвиняя ее в эгоизме, в недостойном поведении. Таково происхождение отрицательного отношения к влюбленности, свойственное групповому сознанию. Логическое развитие подобной идеологии (особенно марксистской) приводит к тому, что не только частная жизнь, но и «частная собственность», то есть собственность, неподвластная политической монополии государства или партии, начинает подвергаться остракизму. Чем более тоталитарной является идеологическая, религиозная и политическая система, тем враждебнее относится она к тем, кто хочет быть независимым от ее власти. Поэтому система проявляет враждебность и к влюбленной паре как к самой мелкой социальной единице, способной бросить ей вызов.

Глава XXI

Можно ли усилием воли заставить себя разлюбить? Нет, нельзя. А можно ли заставить себя избежать влюбленности? Можно. Что может сделать наша воля против любви, которая уже существует? Принять решение порвать с любимым человеком, не видеться с ним, уехать от него. До тех пор, пока любимый человек находится рядом с нами, нам кажется, что нет ничего проще. Любовь дает необычайную силу, способную даже сказать «нет». Но эта сила мгновенно исчезает, как только мы совершаем непоправимое и теряем нашу любовь; нас ждет «омертвление души» и ностальгия по любимому, которого, оказывается, мы вовсе не разлюбили. Значит, заставить себя разлюбить все-таки нельзя.

Зато существует целая «наука» о том, как избежать влюбленности. Эта «наука» весьма распространена во всех установлениях, ибо все они стремятся помешать возникновению влюбленности или по крайней мере ограничить ее воздействие. А так как все установления возникают из коллективных движений и черпают в них новые силы, в центре их внимания всегда находится нечто такое, что важнее любого индивида. Это может быть партия, идеология, класс, родина, церковь или бог, но это «нечто» всегда изначально выше всякого конкретного мужчины или женщины. «Наука» установления — это умение «развенчать» любого человека, и тот, кто принадлежит к определенному установлению, обязательно осваивает эту «науку». На протяжении двух тысячелетий католическая церковь внушала своим священнослужителям, что любовь к Богу предпочтительнее любви земной, что нужно избегать соблазнов, исповедываться в греховных желаниях, вовремя реагировать на них. Стендаль считал: чтобы избежать влюбленности, нужно действовать незамедлительно с первых же мгновений, ибо потом может

быть слишком поздно. Тот, кто не хочет влюбляться, должен разрушить первые же признаки влечения; если ему нравится какой-то человек, ему следует начать встречаться с другим, если ему случится дважды задержать свой взгляд на каком-нибудь доме, он должен переехать в другой город, если он заметит, что ему приятно быть объектом восхищения, он должен совершить что-нибудь такое, что может вызвать презрение¹. Если бы существовал учебник, содержащий правила поведения для тех, кто не хочет влюбляться, он очень походил бы на книгу аскетов, в которой даже сексуальность используется для того, чтобы избежать «падения». Но стоит ли уж так обороняться? Неужели влюбленность, приносящая много страданий людям, настолько привлекательна, что может стать столь необоримым соблазном? Теперь-то мы можем ответить и на этот вопрос. Соблазн таит в себе вовсе не влюбленность, а состояние зарождения. Нас влечет влюбленность, потому что мы привыкли увлекаться состоянием зарождения. Нас приучили к этому сами установления, которые, как мы уже видели, на *символическом* уровне преподносят состояние зарождения как нечто уже осуществленное, а на *практическом* — как нечто такое, что еще предстоит осуществить. Основные установления западной культуры, как религиозные, так и политические, как древние, так и современные, базируются на категориях состояния зарождения. Нас влечет к себе состояние зарождения, потому что оно является мечтой всей западной культуры. Древние дохристианские мистерии рассказывали о смерти и воскресении Бога, главные праздники христианства — Рождество и Пасха. Марксизм говорит о революции, об обновлении общества, о конце истории. Чтобы обозначить наиболее важные периоды, мы употребляем такие слова, как возрождение, обновление. В сумерках настоящего мы ждем нового дня, новой жизни, новой весны, спасения, искупления, освобождения, революции. Нас всегда влечет к себе время священных истоков, воплощенное в прошлом

¹ Стендаль. О любви. — Собр. соч., т. 4. М., 1976.

в виде религиозных мифов, перенесенное в будущее в виде коммунизма или живущее в настоящем в виде влюбленности. Такова культурная традиция Запада. Но то, что в западной культуре является наивысшей мечтой, в восточной культуре, а особенно в индуизме и буддизме, воспринимается как кошмар, от которого нужно искать спасения. «Рождение есть страдание, болезнь — страдание, старость — страдание, смерть — страдание, союз с тем, кого мы не любим, — страдание, разлука с тем, кого мы любим, — страдание». Так говорит священнейший Сиддхартха Гаутама (Будда), развивая мысль, встречающуюся и в индуистских текстах. Восточное мышление в корне отказалось от того, что мы называем «первоначальным опытом», от непосредственного опыта состояния зарождения, который гласит: «Существует лишь сущее, а не сущего не существует». Отвергнув эту изначальную проблему, оно отвергло и всю западную метафизическую мысль, из которой вышла и наша религия, и наша философия, и наша политика. Идеал рациональной души, движимой эросом, — миропонимание древних греков — для индуистско-буддийского мышления лишь источник неоправданных надежд: надежд на вечное счастье, изначально обреченных на неудачу. Переходя с философского языка на язык психологии, мы можем сказать, что восточная мысль выработала свое решение проблемы депрессивных перегрузок, дающих начало состоянию зарождения (а следовательно, и влюбленности). Вместо того, чтобы искать единственный в своем роде объект амбивалентной любви, способный утолить нашу жажду любви, она пытается преодолеть саму эту жажду; вместо того, чтобы искать полного, вдохновенного счастья, она пытается выйти за временные пределы счастья и страданий: нирвана — это и есть блаженство без страсти. Поэтому вместо влюбленности Восток имеет дело с эротическим искусством, которое дает возможность стать источником наслаждения нам самим и которое устраняет нашу зависимость от того единственного, ни с кем не сравнимого и никем не заменимого человека, потеряв которого, мы теряем все. Искусство эроти-

ки учитывает индивидуальные наклонности и пристрастия каждого, но категорически отрицает привязанность к одному индивиду. Исторически это нашло отражение в таких явлениях, как, например, гарем и сексуальный коммунизм в религиозных группах. Этот тип эротики никогда не претендовал на то, чтобы стать основой супружеских отношений, а значит, и основой семьи. Семья на Востоке, как в Индии, так и в Китае, была продуктом взаимодействия двух родственных кланов, и поэтому индивидуальный выбор был практически исключен.

Искусство эротики служило только для получения удовольствия, которое никак не было связано с какими бы то ни было другими типами удовлетворения. К тому же в аристократической среде, где это искусство создавалось и культивировалось, вообще было принято иметь наложниц. Таким образом, сексуальность существовала вне всякой связи с браком, страстью и даже любовью к одному человеку. На Западе же эволюция шла совершенно иным путем: страстный эрос вобрал в себя и сексуальную жизнь, и союз двух влюбленных, и брак, и рождение детей. Только Запад, и прежде всего Европа, стремился к моногамии, сделал ее своим идеалом. Только в Европе появилась идея придать состоянию зарождения влюбленности стабильность семейной жизни, включая функции продления рода. Что же означает на самом деле тот факт, что выбор супруга, человека, с которым мы хотим иметь общего ребенка, непосредственно связывается с влюбленностью? Это означает, что мы хотим завести ребенка от человека, который в наших глазах является совершенно необыкновенным, от человека, которого мы безоговорочно предпочитаем всем остальным, ради которого мы готовы на борьбу со всем миром. Безграничный западный индивидуализм, концепция абсолютной уникальности и ценности человеческой личности проявлялись постепенно по мере того, как накапливался опыт жизни в паре, каждый из членов которой был уникален для другого. Ничего подобного не было в восточной традиции: все необычайное в сексе стало достоянием

эротического искусства, никак не связанного со страстью, испытываемой к одному-единственному и незаменимому индивиду. Поэтому в восточной культуре нет ни влюбленности, ни патологической ревности, ни страсти, ни «омертвления души», ни ностальгии. На последнюю стоит обратить особое внимание, так как именно благодаря этой западной «болезни» (ностальгии) в душе сохраняется неизгладимый образ «возможного», уже пережитого или смутно увиденного, которое когда-нибудь (никто не знает, когда именно) обязательно распахнет перед нами двери в счастливую жизнь и даст возможность увидеть рассвет нового дня.

После второй мировой войны, однако, началось сближение культур Востока и Запада. С одной стороны, благодаря марксизму «надежда» Запада вошла как постоянный компонент в политику и в мышление стран Востока. С другой стороны, сомнения, с которыми Восток всегда относился к религиозным, политическим и личным кумирам Запада, проникли в западную культуру. В частности, стали все чаще раздаваться критические голоса по поводу принципа безоговорочной моногамии. На Западе получили распространение коллективные формы сексуального опыта, использующие способы достижения духовного и эротического наслаждения, отличные от тех, которыми обладает индивидуальная влюбленность. Современные естественные науки достигли столь высокой степени релятивизма, что окончательно отвергли концепцию существования вещи в себе за пределами того, что установлено опытным путем. Возможно, что влюбленность как «узнаваемая фигура» коллективного движения вступила в фазу своего заката. Если все обстоит именно так, то и наша книга может рассматриваться как симптом назревающих изменений.

Гегель говорил, что мысль, как сова Минервы, видит вещи только на закате, то есть открывает значение социального явления только в момент его угасания. Поэтому очень трудно делать какие бы то ни было прогнозы, связанные с рассматриваемыми проблемами. Конечно, в западной истории идеологии тоталитариз-

ма, фанатизма и нетерпимости возникали именно в коллективных движениях. Критический анализ этих движений и происхождения идеологий дает нам некоторую ориентацию в выборе средств, использование которых поможет избежать будущих катастроф. Если бы с помощью этого анализа можно было предотвратить появление новых типов фанатизма, он безусловно оправдал бы затраченные на него усилия. А поскольку влюбленность имеет, по сути дела, ту же природу, что и коллективные движения, она тоже должна быть подвергнута анализу, изучена, понята. Люди должны искать новые пути, мечтать о счастье. Очень может быть, что состояние зарождения останется и в будущем, а вместе с ним сохранится и влюбленность, изменится же только ее культурная оболочка, ее связь с другими проявлениями социальных отношений. Ведь культурная традиция не исчезает, она лишь меняет форму. Цивилизации живут тысячелетиями.

Оглавление

Дружба	5
Любовь	181

Выйдет в свет

ШЕРТОК Л., СОССЮР Р. де. Рождение психоаналитика: от Месмера до Фрейда: Пер. с фр.

Авторы книги — известные французские исследователи в области психоанализа, гипноза, психотерапии. Книга посвящена истории психотерапевтических учений, начиная от концепции «животного магнетизма» Месмера и кончая открытием бессознательного в психике человека и возникновением психоанализа.

Интерес читателей вызовет, несомненно, своеобразная психобиография Зигмунда Фрейда, изложенная авторами. В книге рассматриваются также проблемы, имеющие актуальное значение для современных исследователей.

Книга рассчитана на психологов, психиатров, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, а также на читателей, интересующихся проблемами человеческой психики.

Выйдет в свет

ЛЕВОНТИН Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда:
Пер. с англ.

Автор — профессор Гарвардского университета, выдающийся генетик. Его книга представляет собой научно-популярное изложение воззрений современной генетики на происхождение психофизиологических различий между людьми, роль наследственности и природно-социальной среды в формировании индивидуальности человека, его творческих способностей, психических свойств.

С прогрессивных, гуманистических позиций автор рассматривает расовые и национальные различия, научно доказывая необоснованность деления человечества на низшие и высшие группы.

Рекомендуется не только специалистам в области генетики, психологии, педагогики, но и всем, кто интересуется научными знаниями о человеке.

Выйдет в свет

ГЛАССЕР У. Школы без неудачников:
Пер. с англ.

Автор — известный американский специалист в области образования, психологической помощи школьникам и учителям. Книга посвящена рассмотрению проблем, возникающих у детей в процессе обучения в школе. Длительное время изучая обстановку, сложившуюся в школах, автор приходит к выводу о том, что основной причиной появления в обществе социально пассивных людей является система образования. Он полагает, что общество должно быть ответственным за создание такой системы образования, при которой в школах не будет неудачников, а успех станет возможен для каждого конкретного человека.

Книга предназначена психологам, педагогам, родителям, а также работникам, занимающимся проблемами трудных подростков.

Франческо Альберони
ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ

Редактор *Н. Е. Файн*
Художник *О. Н. Гребенюк*
Художественный редактор *Г. А. Семенова*
Технические редакторы *Т. К. Купцова,*
М. Г. Акколаева
Корректор *И. В. Леонтьева*

ИБ № 16906. Сдано в набор 14.08.90. Подписано в печать 4.03.91. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 16,8. Усл. кр-отт. 17,22. Уч.-изд. л. 14,56. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1075. Цена 5 р. Изд. № 47288

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по печати. 119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93